

Учёные записки КнАГТУ 2019 № III-2(39)

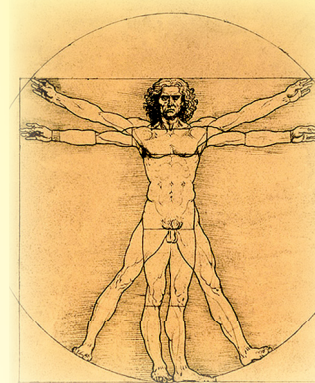

ISSN 2076-4359

Учёные записки № III-2 (39)

2019

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

富足

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование. Редакция не возвращает рукописи авторам.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых периодических изданий ВАК РФ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Učenyje zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Ученые записки КНАГТУ», находящейся на сайте <http://www.knastu.ru> Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, д. 50, ауд. 508
Телефон для справок: (4217) 201082

Подписаться на журнал можно в любом отделении «Почты России»; индекс журнала в каталоге Роспечать: 66090.

Цена свободная.

© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КНАГУ», при цитировании их ссылка на журнал обязательна.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала: **Алексей Иванович Евстигнеев**, доктор технических наук, профессор
Заместитель главного редактора журнала, главный редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре» **Илья Игоревич Докучаев**, доктор философских наук, профессор
Ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре» **Татьяна Анатольевна Яковлева**, кандидат экономических наук, доцент
Ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике» **Владислав Викторович Куриный**, кандидат технических наук, доцент
Литературный редактор: **Александр Альфредович Шунейко**, доктор филологических наук, доцент
Корректор: **Оксана Геннадьевна Реброва**
Технический редактор: **Анатолий Андреевич Раку**
Администратор сайта: **Анатолий Андреевич Раку**
Перевод на английский язык: **Галина Алексеевна Шушарина**

Серия: «Науки о природе и технике»

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (**Сергей Иванович Феоктистов**, доктор технических наук, профессор)
2. Энергетика (**Сергей Николаевич Иванов**, доктор технических наук, профессор)
3. Управление, вычислительная техника и информатика (**Вячеслав Алексеевич Соловьев**, доктор технических наук, профессор, **Сергей Иванович Феоктистов**, доктор технических наук, профессор, **Сергей Николаевич Иванов**, доктор технических наук, доцент, **Николай Алексеевич Тарануха**, доктор технических наук, профессор, **Анатолий Александрович Буренин**, доктор технических наук, профессор)
4. Математика и механика (**Анатолий Александрович Буренин**, доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН)
5. Машиностроение (**Михаил Юрьевич Сарилов**, доктор технических наук, доцент, **Борис Николаевич Марьин**, доктор технических наук, профессор, **Анатолий Михайлович Шпилев**, доктор технических наук, профессор, **Сергей Иванович Феоктистов**, доктор технических наук, профессор, **Анатолий Александрович Буренин**, доктор технических наук, профессор)
6. Металлургия и металловедение (**Борис Николаевич Марьин**, доктор технических наук, профессор)
7. Флот и кораблестроение (**Николай Алексеевич Тарануха**, доктор технических наук, профессор)
8. Науки о земле и безопасности жизнедеятельности человека (**Ирина Павловна Степанова**, доктор технических наук, профессор)
9. Строительство и архитектура (**Николай Петрович Крадин**, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН)

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Отделы:

1. Философия, социология и культурология (**Татьяна Алексеевна Чабанюк**, доктор культурологии, профессор, **Виктория Юрьевна Прокофьева**, доктор филологических наук, профессор, **Вера Ивановна Юдина**, доктор культурологии, доцент, **Надежда Юрьевна Костюрина**, доктор культурологии, доцент, **Илья Игоревич Докучаев**, доктор философских наук, профессор)
2. Филология и искусствознание (**Олег Александрович Бузуев**, доктор филологических наук, профессор)
3. Психология и педагогика (**Татьяна Евгеньевна Наливайко**, доктор педагогических наук, профессор)
4. Политология и право (**Владимир Александрович Смоляков**, доктор политических наук, доцент)
5. История (**Жанна Валерьяновна Петрунина**, доктор исторических наук, профессор)
6. Экономика (**Виктор Владимирович Литовченко**, доктор экономических наук, профессор)

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

Содержание

История

Карпов С. И., Тараненко В. В.
ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1920-е ГОДЫ4
Аксенов А. А.
ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОРНАМЕНТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ СИМВОЛИКИ УЛЬЧСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ..... 11

Филология и искусствознание

Лопатина О. И.
НЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ МОЛОДЁЖИ19

Философия, социология и культурология

Клычева Е. Г.
К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ24
Мальцева Е. А.
ТИПОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ: КОНЦЕПЦИЯ МНОГООБРАЗИЯ ВИДОВ.....29
Рычкова И. В.
ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ МОНТАЖ КАК ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ
КИНЕМАТОГРАФЕ (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «ПОЛТОРА ЧАСА
ДО ОБЪЯТИЙ» РЕЖИССЁРА О. А. КАНИЩЕВА. «ДАЛЬТЕЛЕФИЛЬМ», 1969 г.).....37
Тищенко Т. В.
КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР ЗАПАДНОРУССКОЙ ТРАДИЦИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА45
Швецова А. В., Микитинец А. Ю., Микитинец О. И.
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.....56
Блаженкова Ю. П.
ПРИМОРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ ПОСЕТИТЕЛЕЙ64
Фёдоров Ю. В.
ДВА ФИЛЬМА: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ, ДВЕ ПАРАДИГМЫ, ДВА КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ
СПОСОБА ОСМЫСЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ69
Цыплаков Д. А., Цыплакова С. М.
ПАСХАЛЬНЫЕ И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА75
Прокофьева В. Ю.
КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ГЕНДЕРНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ82
Кун Ч.
СКУЛЬПТУРА И КВАЗИСКУЛЬПТУРА В РОМАНЕ К. К. ВАГИНОВА «БАМБОЧАДА».....86
Васильева А. А.
РОЛЬ ВИЗУАЛЬНЫХ ЗНАКОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОВ
СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ИНСТАГРАМ»).....92
Авдеенко И. А.
СЕМАНТИЗИРУЮЩИЕ СОЧЕТАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ СИМВОЛОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
ПОЭЗИИ96

Экономика

Вегера А. С., Усанов И. Г.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ101
Ивичев А. В., Усанов И. Г.
ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ104
Солнцева А. В., Кудрякова Н. В.
РОСТ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ И УСТРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА –
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РФ 110
Чернова И. В., Кириченко Л. П.
МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА 114

Рецензии

Киреева Н. В.
ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ ФЁДОРА ЧУДАКОВА И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
ПРИАМУРЬЯ В НОВОМ ВЫПУСКЕ АЛЬМАНАХА «АМУР»..... 118

Научная жизнь

Киреева Н. В.
НОВЫЕ ИМЕНА И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ НА 12-й ЕЖЕГОДНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛОСЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019»
(БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
29 МАРТА 2019 ГОДА)..... 121

Научное издание

Учёные записки КНАГТУ
2019 № III-2(39)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Н.Ю. Костюрина

Подписано в печать 30.09.2019

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 13,63.
Уч.-изд. л. 17,18.
Тираж 200. Заказ 29836.

Отпечатано в типографии
КНАГУ
681013, г. Комсомольск-на-
Амуре,
пр. Ленина, д. 27.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

«УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КОМСОМЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

СЕРИЯ: «НАУКИ О ПРИРОДЕ И ТЕХНИКЕ»

АВИАЦИОННАЯ И РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ШПОРТ, доктор технических наук

ЦУЙ СЮЙ, профессор Шеньянского аэрокосмического университета (КНР)

ЭНЕРГЕТИКА

АЛЕКСАНДР ЛООС, доктор философии, профессор Академии Грюндига в Нюрнберге (Германия)

ИШТВАН ВАЙДА, доктор технических наук, профессор, директор Института автоматизации Будапештского университета технологий и экономики (Венгрия)

ШАНДОР ХАЛАС, доктор технических наук, профессор Будапештского университета технологий и экономики (Венгрия)

УПРАВЛЕНИЕ, ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И ИНФОРМАТИКА

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬНИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, директор Института автоматизации и процессов управления ДВО РАН

ТАКАО ИТО, доктор технических наук, профессор факультета бизнес-управления Университета Мияки (Япония)

МАТЕМАТИКА И МЕХАНИКА

НИКИТА ФЁДОРОВИЧ МОРОЗОВ, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теории упругости Санкт-Петербургского государственного университета

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕВИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом математического моделирования, механики и мониторинга природных процессов Института автоматизации и процессов управления ДВО РАН

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ АННИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом механики деформируемого твёрдого тела Института гидродинамики им. М. А. Лаврентьева СО РАН

МАШИНОСТРОЕНИЕ

ЭДУАРД СТЕПАНОВИЧ ГОРКУНОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института машиноведения УрО РАН

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ХОЛЬКИН, академик РАН, доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ, доктор технических наук, профессор, ректор Московского государственного технологического университета «Станкин»

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛОВЕДЕНИЕ

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАБЛОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Всероссийского института авиационных материалов

КОНСТАНТИН ВСЕВОЛОДОВИЧ ГРИГОРОВИЧ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, заведующий лабораторией диагностики материалов Института металлургии и материаловедения им. А. А. Байкова РАН

ФЛОТ И КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

ЛЕОНИД АНАТОЛЬЕВИЧ НАУМОВ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем морских технологий ДВО РАН

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ КИСЕЛЕВ, академик РАСХН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Дальневосточного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института сельского хозяйства РАСХН

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

ШИ ТИЕМАО, доктор философии, профессор, проректор Шеньянского архитектурно-строительного университета (КНР)

СЕРИЯ: «НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ»

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДАВИД ИЗРАИЛЕВИЧ ДУБРОВСКИЙ, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

КИРИЛЛ ЭМИЛЬЕВИЧ РАЗЛОГОВ, доктор искусствоведения, профессор, президент АНО «Новый институт культурологии»

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ТЕР-МИНАСОВА, доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета

ВАН ЦЗИНЬЛИН, доктор философии, профессор, директор Института международного образования Чанчуньского университета (КНР)

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ЕКАТЕРИНА ИОСИФОВНА АРТАМОНОВА, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики высшей школы Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПРАВО

НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МЕРЕЦКИЙ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения

ИСТОРИЯ

АЛЕКСАНДР МАНУЭЛЬЕВИЧ РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ЭКОНОМИКА

АЛЕКСАНДР ЕВСТРАТЬЕВИЧ ЗУБАРЕВ, доктор экономических наук, профессор, первый проректор по стратегическому развитию и международному сотрудничеству Тихоокеанского государственного университета

Карпов С. И., Тараненко В. В.
S. I. Karpov, V. V. Taranenko

**ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1920-е ГОДЫ**

**FEATURES OF THE FORMATION OF MILITARY TRAINING OF STUDENTS
AT THE STATE FAR EASTERN UNIVERSITY IN THE 1920-ies**

Карпов Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент, начальник военной кафедры Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (4217) 24-12-03. E-mail: vk_nach@knastu.ru.

Mr. Sergey I. Karpov – PhD in History, Associate Professor, the head of The Military Department of Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (4217) 24-12-03. E-mail: vp@knastu.ru.

Тараненко Вадим Васильевич – доцент военной кафедры Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (4217) 24-12-03. E-mail: vp@knastu.ru.

Mr. Vadim V. Taranenko – Associate Professor of The Military Department of Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (4217) 24-12-03. E-mail: vp@knastu.ru.

Аннотация. В статье изложены основные события об организации военного обучения студентов в единственном в 1920-е годы высшем учебном заведении Дальнего Востока – Государственном дальневосточном университете (ГДУ). На основе ряда источников, часть которых впервые вводится в научный оборот, исследуются особенности функционирования системы подготовки командного состава запаса. Особенности разработки и реализации форм, способов военного обучения студентов исследуются в историческом контексте. Автором дана оценка роли и деятельности гражданского руководства и военного руководителя вуза в сфере реализации государственной политики по подготовке командных кадров запаса. На основе объективного анализа исторических документов автор отмечает особенности становления системы подготовки начальствующего состава запаса Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА).

Summary. The article describes the main events on the organization of military training of students in the only higher educational institution of the Far East in the 1920s – the State Far Eastern University (SFEU). On the basis of a number of sources, some of which were first introduced into the scientific revolution, the features of the functioning of the system of training commanders of the stock are investigated. Features of the development and implementation of the forms and methods of military training of students are explored in a historical context. The author assessed the role and activities of civilian leadership and the military leaders of the university in the implementation of state policy for the training of reserve command personnel. On the basis of an objective analysis of historical documents, the author notes the features of the formation of the system of training the commanding staff of the Red Army.

Ключевые слова: командный состав, высшая допризывная военная подготовка, допризывная военная подготовка, военный руководитель вуза, Государственный дальневосточный университет (ГДУ), преподаватели военных дисциплин, воспитание студентов.

Key words: commanding staff, the higher pre-conscription military training, the pre-conscription military training, the military leader of the university, the State Far Eastern University (GDU), teachers of military disciplines, education of students.

УДК 94

Октябрь 1917 г. коренным образом изменил уклад общества и представления людей о жизненных ценностях. Положение осложнялось ещё и тем, что новые структуры для руководства учебными заведениями только создавались.

Хотя Октябрьская революция была встречена преподавательским коллективом Восточного института (г. Владивосток) настороженно, для большинства профессоров и преподавателей научно-педагогическая деятельность оставалась единственной возможностью самоутвердиться. Поэтому даже те, кто не принимал идеи Октябрьской революции, чаще всего пытались привыкнуть к новым временам, подстроиться под них [1, 48].

После Октябрьской революции новые органы власти не сразу начали разрабатывать структуру системы по военному обучению студентов. В течение нескольких месяцев вузы находились в состоянии «саморегуляции». Попав в условия самовыживания, высшие учебные заведения пытались приспособиться к этим новым условиям. Таким образом, прежняя система подготовки военных специалистов была сломана, а новая только начинала свою работу.

Тем временем структура высшего образования Дальнего Востока претерпела значительные изменения. В 1923 году произошла очередная реорганизация владивостокского вуза. На заседании комиссии при Главпрофобре 26 июня 1923 г. было вынесено постановление об утверждении сети высших учебных заведений, среди которых был один вуз Дальневосточного края – Государственный дальневосточный университет, в состав которого входили следующие факультеты: технический с отделениями горным и механическим, восточный и рабочий (см. прим. 1). А в 1924/25 учебном году ГДУ имел в своём составе уже 4 факультета: восточный, технический с горным и механическим отделениями, агрономический с сельскохозяйственным и лесным отделениями и педагогический с отделениями естественным и физико-химическим. Кроме того, в университете функционировал рабфак (см. прим. 2).

Идея организации военной подготовки в стенах вузов как неотъемлемой части учебного процесса в различных инстанциях начала рассматриваться с середины 1924 года, а детали введения *высшей допризывной военной подготовки* (ВДВП) студентов, организации и проведения занятий обсуждались на различных уровнях в течение 1925-1926 гг. К середине 1926 года в стране сложились объективные военно-политические и социально-экономические предпосылки к коренному пересмотру подходов к организации подготовки командных кадров запаса для РККА.

Двадцатого августа одна тысяча девятьсот двадцать шестого года вышло *постановление ВЦИК и Совнаркома СССР «О высшей допризывной военной подготовке студентов вузов»* (см. прим. 3), в котором говорилось, что основные цели введения высшей допризывной военной подготовки заключаются в сокращении непрерывной службы в кадровом составе РККА граждан, окончивших вузы и техникумы, а также в подготовке из них среднего начальствующего состава и квалифицированных работников военно-промышленных предприятий военного времени (см. прим. 4). Конкретизировалось проведение высшей допризывной военной подготовки в «Положении о порядке прохождения высшей допризывной военной подготовки и действительной военной службе в РККА гражданами, обучающимися в вузах и техникумах и окончившими их» (введено тем же постановлением ВЦИК и СНК СССР) (см. прим. 5).

В августе 1926 г. был издан приказ Реввоенсовета СССР № 565, в соответствии с которым в высших учебных заведениях начались занятия студентов по высшей допризывной военной подготовке. Её цель заключалась в том, чтобы подготовить студентов для замещения должностей начальствующего состава всех родов войск и специальностей. Занятия планировалось проводить со студентами 1, 2, 3 и 4-го курсов. Военное обучение студентов складывалось из следующих основных звеньев: 1) теоретического курса; 2) лагерного сбора; 3) включения военных элементов в программы гражданских дисциплин; 4) действительной военной службы, которая по отношению к студентам, прошедшим ВДВП, сокращалась с 12 до 9 месяцев. Звание командира запаса присваивалось в результате прохождения всех звеньев этой системы (см. прим. 6).

Теоретическая подготовка была рассчитана на 180 часов. Программа включала в себя такие дисциплины, как тактика, топография, военная администрация, уставы Красной армии, химическое дело, служба связи, материальная часть, стрелковое и медицинское дело, а также ряд специ-

альных дисциплин, учитывающих основные профили вузов. На 1, 2 и 3-м курсах студенты занимались военной подготовкой по 52 часа ежегодно, а на 4-м курсе – 24 часа. Занятия должны были проводиться по 2 часа еженедельно в течение первых трёх лет обучения и по одному часу в неделю на 4-м курсе (см. прим. 7). За время военного обучения студенты были обязаны пройти летние двухмесячные сборы в военных лагерях при строевых частях, которые соответствовали профилю военной специальности студентов. Цель проведения этих сборов состояла в том, чтобы привить студентам практические навыки владения оружием и боевой техникой в объёме, соответствующем уровню подготовки обычного красноармейца (см. прим. 8).

Высшая допризывная военная подготовка являлась обязательной для всех учащихся учебного заведения. Посещение военных занятий было обязательным, и к зачётам допускались только посещающие их.

Вопросами организации и руководством высшей допризывной военной подготовкой студентов вузов Дальнего Востока (в начальный период) занимались:

- в Народном комиссариате по военным и морским делам (НКВД) – 4-й отдел Управления военно-учебных заведений Главного управления РККА и штаб Сибирского военного округа (СибВО);
- в Народном комиссариате по просвещению (НКП) – Главпрофобр и отдел по военному обучению гражданских учебных заведений.

С начала 1926 года (учебный год) высшая допризывная военная подготовка (ВДВП) была введена в ряде вузов страны, в том числе и в единственном в то время вузе Дальнего Востока – Государственном дальневосточном университете.

Совершенно новым явлением было то, что для руководства и наблюдения за проведением допризывной подготовки во все вузы должны назначаться военные руководители и заведующие военными кабинетами из лиц командного состава Красной армии, то есть кадровых военных.

Военные руководители подчинялись ректору университета на тех же основаниях, что и деканы факультетов командующим войсками военного округа в общем порядке и начальнику Управления вузов ГУ РККА, в том числе и по подбору военно-педагогического персонала. По существу, военный руководитель отвечал за всю военную подготовку в вузе. Его полномочия и обязанности были значительно шире, чем у современных начальников военных кафедр. По своему статусу и роду занятий он скорее был помощником ректора вуза по военным вопросам.

Особый интерес представляет личность первого военного руководителя ГДУ Адриана Адриановича Школина (см. прим. 9). Адриан Адрианович родился в 1880 году в г. Иркутске в семье военного. Кадровый военный, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Окончил гимназию, Иркутское юнкерское училище. Направлен был служить в Забайкальский военный округ. Служил в охране царского посольства в Пекине. Участник подавления боксёрского восстания. В Русско-японской войне 1904-1905 гг. участвовал в обороне Порт-Артура. В Первую мировую войну воевал на Галицком фронте. В 1917 году полковник А. А. Школин был избран солдатами командиром дивизии. В 1918-м был арестован в Иркутске колчаковцами, затем приговорён к расстрелу; год просидел в камере смертников. Был освобождён из тюрьмы восставшими. А. А. Школин – один из создателей НРА Дальневосточной Республики. В 1921 году участвовал в Дайренской конференции. С 1923 года – начальник штаба 17-го стрелкового корпуса в Хабаровске. С 1926 по 1930 год – военный руководитель ГДУ. В 1921-м был одним из организаторов частей особого назначения. Награждён орденом Анны, орденом Святого Владимира с мечами, двумя Георгиевскими крестами. За службу в Красной армии награждён именным оружием – двумя пистолетами системы «Маузер», серебряными и золотыми часами с монограммой «от РВС-5».

Руководство университета весьма высоко оценивало деловые и личные качества военного руководителя А. А. Школина. Так, в отзыве на его работу, направленном начальнику УВУЗ и Командующему ОКДВА, ректор университета Абрамович указывает, что «1. Товарищ Школин в качестве военного руководителя университета работал с 26 ноября 1926 г. Работа товарища Школина должна быть признана вполне удовлетворительной, особенно при той материальной базе, которая находится в его руках. 2. В частности, вполне плановой и дающей серьёзный эффект постановки допризывной подготовки. 3. Увязка военных дисциплин с гражданскими, благодаря глубокому

подходу товарища Школина, достигнута в наибольшей степени. 4. Военный кабинет, по мнению специалистов ряда инстанций, поставили хорошо благодаря энергии, твёрдости товарища Школина, вкладывающего в работу все свои силы и настойчивость. 5. Авторитет товарища Школина среди научных работников высок, и взаимоотношения с правлением университета не оставляют желать лучшего. 6. Как общественник товарищ Школин активен, стоек, выдержан, работает не покладая рук с утра до ночи, невзирая на своё исключительное болезненное состояние. 7. Отношение студенчества к товарищу Школину характеризуется глубоким его авторитетом и уважением студенческой массы, что достигнуто твёрдой линией поведения по всей его работе и глубокой преданностью и любовью к порученному делу» (см. прим. 10).

Хотя программа обучения студентов по военной подготовке предусматривала начало обучения с 1 сентября 1926 г., многие вузы были к этому не готовы. Наряду с объективными трудностями, с которыми столкнулись вузы при организации ВДВП, были и трудности субъективного плана. Некоторые военные командиры с осторожностью относились к вопросам обеспечения вузов артиллерийским имуществом и вооружением. Так, в распоряжении штаба Тихоокеанской дивизии командирам стрелкового и артиллерийского полков указывалось «...из артиллерийского имущества, выделяемого на оборудование стрелкового кабинета при ГДУ, 76-мм пушку, пушку «Маклена» и миномёт выдавать по мере надобности, причём разбираться силами слушателей они не должны. Начальник штаба дивизии Неверов» (см. прим. 11).

Несмотря на напряжённый период в развитии университета и определённые организационные и финансовые проблемы, руководство ГДУ прикладывало значительные усилия для организации ВДВП. На заседаниях правления университета регулярно обсуждались вопросы, связанные с военным обучением. На заседаниях правления от 18 октября и 22 ноября 1926 г. обсуждались кадровые вопросы, требования руководящих документов по организации ВДВП, изложенные в «Еженедельнике НКП» от 1926 г. № 42. На заседании, состоявшемся 6 декабря 1926 г., рассматривались вопросы выделения денежных средств для оборудования кабинетов военных дисциплин и работе военно-предметной комиссии. Заседание правления, прошедшее 10 января 1927 г., рассматривало информацию военного руководителя о прибытии четырёх новых преподавателей военных дисциплин и установлении им размеров должностных окладов. На этом заседании также были определены место и сроки проведения лагерного сбора студентов – в районе ст. Угольная с 20 июня по 20 августа 1927 г. (см. прим. 12).

На заседании от 28 февраля 1927 г. было заслушано сообщение военного руководителя А. А. Школина о том, что «...ряд причин общего характера (производственная и учебная практика...) побуждает военное руководство отказаться в текущем году от вывода студентов в лагерь. Ознакомление же с лагерной работой Красной армии имеется в виду провести в порядке экскурсии» (см. прим. 13).

В протоколе от 19 сентября 1927 г. мы находим и решение, касающееся распорядка дня: «...по соглашению между руководителями военных наук и деканами факультетов установить: начало утренних занятий – в 9 часов, конец – в 14 часов 20 минут. Начало вечерних занятий – в 16 часов 30 минут, конец – в 22 часа» (см. прим. 14).

И всё же, несмотря на все усилия военруков и правлений вузов, руководством Наркомпроса было принято решение о том, что занятия по военной подготовке целесообразнее всего начать не с 1 сентября, а с 1 октября 1926 г. Общими причинами, которые могли вызвать задержку начала занятий, были неподготовленность военных кабинетов и аудиторий, нехватка помещений, неувязки прохождения военной подготовки с планами-графиками других кафедр, неопределённый состав преподавателей по военным дисциплинам, задержки в финансировании учебного процесса и неприбытие студентов к началу нового учебного года на занятия (см. прим. 15).

Таким образом, октябрь 1926 г. считается датой начала высшей допризывной военной подготовки студентов в ГДУ.

Особое внимание в «Положении о порядке прохождения высшей допризывной военной подготовки и действительной военной службе в РККА гражданами, обучающимися в вузах и техникумах и окончившими их» уделялось организации и проведению лагерных сборов со студентами.

Указывалось, что летняя практика заключается в отбывании двухмесячного лагерного сбора, в течение которого учащиеся приобретают практические знания и навыки рядового Красной армии, причём сборы отбывают при строевых частях соответствующих родов войск в зависимости от уклона военной подготовки (военно-учётной специальности – С. К.). В зависимости от уклона подготовки лагерные сборы могли проводиться для одних вузов (индустриально-технических) между 1-м и 2-м курсами, для других – между 3-м и 4-м. На лагерные сборы должны были привлекаться все студенты независимо от их возраста и которые были признаны медкомиссиями годными к строевой службе. Для подготовки студентов предполагалось выделять лучших командиров. Для успешного проведения учебных сборов ГУВУЗом были разработаны программы и примерные расчёты учебного времени для каждого уклона. Всего на первый период лагерного сбора отводилось 195 учебных часов, из которых 60 часов отводилось на общевойсковую подготовку (политподготовка, санитарная, ветеринарная подготовки, уставы, физподготовка, военная топография и стрельба из ручного оружия) и 135 часов на специальную подготовку (матчасть артиллерии, приборы для стрельбы и наблюдения, сведения по стрельбе, огневая служба, артрязведка, связь, конное дело, сапёрно-маскировочное дело, военно-химическое дело) (см. прим. 16).

Как отмечалось в положении о ВДВП, перед началом военной подготовки все учащиеся должны пройти медицинскую комиссию. Медицинские комиссии должны быть организованы при военных комиссариатах по месту учёбы. На медицинские комиссии возлагались задачи определения годности учащихся к несению военной службы, то есть определялись годные к военной службе, годные к нестроевой службе и негодные к военной службе. К теоретическому курсу привлекались все без исключения студенты (независимо от их «годности» к военной службе), к лагерным сборам – только «годные» к военной службе. «Негодные» к военной службе, «годные» к нестроевой службе и женщины проходили вместо лагерных сборов практику на предприятиях военной промышленности в соответствии со своим военным уклоном обучения (см. прим. 17).

Вопросы введения высшей допризывной военной подготовки активно освещались в периодической печати. Из дальневосточных периодических изданий можно выделить наиболее массовые газеты: «Тихоокеанская звезда», «Красное знамя», «Ленинский путь», «Тревога» и «Красный молодец». Так, газета «Тихоокеанская звезда» в статьях «Командир запаса и КВЗ» (11.05.26), «Прогресс милитаризации населения Японии» (08.01.26), «Военизация трудящихся» (11.05.26), «Учебные сборы командиров запаса СибВО и их значение» (08.07.26), «Готовьтесь к допризывной подготовке» (20.10.26), «Счастливого пути (к выпуску командиров запаса)» (26.11.26) подробно информировала граждан по вопросам допризывной подготовки.

В 1927 году военная подготовка студентов ещё только набирала силу. В её организации было много ошибок и просчётов. Так, например, в некоторых вузах, в том числе и в ГДУ, было сорвано проведение военных лагерных сборов (см. прим. 18). Учитывая эти обстоятельства, Главное управление РККА в феврале 1928 г. приняло меры по недопущению предыдущих ошибок. Начальник Главного управления Красной армии направил командующим войсками военных округов и военным руководителям гражданских высших учебных заведений циркуляр, в котором анализировался опыт лагерных сборов студентов в минувшем году. В документе подчёркивалось, что основная задача каждого студента состоит в приобретении «практических знаний и навыков рядового красноармейца (бойца)» (см. прим. 19). Рекомендовалось в ходе предстоящих двухмесячных летних сборов 2–4 последние недели спланировать таким образом, чтобы студенты были включены в состав войсковых подразделений в качестве рядовых красноармейцев и проходили подготовку в составе войсковых соединений на общих основаниях. Отмечалось, что для обучения студентов военному делу необходимо направлять лучших командиров.

Вскоре после этого на имя командующего войсками Сибирского военного округа и на имя военного руководителя ГДУ поступил новый циркуляр за подписью начальника Главного управления РККА Левичева и начальника военных учебных заведений Кузьмина, в котором давались подробные указания по проведению летних сборов.

С октября 1927 г. для стимулирования студентов, проходящих ВДВП, была введена стипендия от военного ведомства.

Нельзя не отметить тот факт, что руководство и контроль за ВДВП на Дальнем Востоке со стороны региональных органов военного управления осуществлялся не так активно и оперативно, как в западных регионах страны. Несмотря на то, что приказы командующего войсками Сибирского военного округа поступали военному руководителю ГДУ регулярно, в них ничего не говорилось о ВДВП в вузах. Так, в приказе войскам Сибирского военного округа от 20 октября 1927 г. № 186/58 «Указания по боевой подготовке войскам округа на зимний период 1927/28 учебного года» о ВДВП даже не упоминается. Первое документальное упоминание о контроле за ВДВП со стороны командования СибВО удалось найти только в документах конца 1927 года. Это был «Акт обследования ВДВП в вузах г. Омска» (см. прим. 20).

В этом акте приведены результаты обследования начальником штаба СибВО товарища Паука ВДВП вузов г. Омска. Несмотря на то, что организации ВДВП была дана в целом положительная оценка, было указано и на ряд существенных недостатков в оборудовании объектов учебно-материальной базы, отмечены низкая посещаемость занятий и слабая работа организаций Осоавиахима. По результатам этой проверки командующим СибВО был издан приказ войскам СибВО от 03 января 1928 г. № 3/2. В этом приказе были объявлены результаты обследования и поставлены задачи как штабу округа, так и всем военным руководителям вузов Дальнего Востока (см. прим. 21).

С этого времени военные руководители вузов Сибири и Дальнего Востока находились под постоянным контролем со стороны военного командования округа по вопросам организации и проведения ВДВП. Примером этому может служить приказ командующего СибВО от 29 марта 1928 г. № 44/15 «Указания по подготовке в летний период», в разделе 7 которого ставились конкретные задачи по проведению лагерных сборов студентов. В том числе указывались сроки их проведения для каждого вуза и факультета. А 19 мая 1928 г. уже командир и военный комиссар 19-го Приморского стрелкового корпуса Хаханьян своим приказом № 17/9 ставит задачи командирам дивизий и бригад: «Своевременно озаботиться организацией по руководству и подготовке студентов ГДУ в период лагерных сборов...» (см. прим. 22).

О том, что военное командование СибВО последовательно наращивало усилия по руководству подготовкой военных кадров, свидетельствуют и следующие документы: «Материалы заседания Реввоенсовета СибВО» от 03 января 1926 г., «Отчёт-директива о результатах инспектирования допризывной подготовки в частях СибВО» от 20 января 1927 г. (см. прим. 23), приказ войскам СибВО «О допризывной и вневойсковой подготовке 1928/29 учебного года» (см. прим. 24).

Примечательным является и то, что командование Сибирского военного округа стремилось использовать появившиеся возможности более тесной связи с вузами и в области научного сотрудничества. Так, 13 февраля 1926 г. ректор университета Вологдин сообщал в Сибирский военно-топографический отдел, что «в соответствии с Вашей просьбой 30 листов карт масштаба 1/100000, прокорректированных и исправленных, с допереведёнными географическими названиями о. Хоккайдо и Ю. Сахалина» высылаются в адрес отдела (см. прим. 25).

А уже 8 марта 1928 г. начальник штаба СибВО в письме военному руководителю ГДУ товарищу Школину обращается с просьбой: «Прошу не отказать выслать в штаб СибВо (г. Новосибирск) копию стенограммы доклада исследователя Дальневосточного края В. К. Арсеньева на тему: "Пути сообщения от моря к Амуру и Уссури в военно-географическом отношении", сделанного им в университете на заседании военно-исторической подсекции Осоавиахима...» (см. прим. 26).

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что к началу 1929 года была практически создана и отлажена вся система высшей допризывной военной подготовки студентов гражданских вузов Дальнего Востока, в том числе и в ГДУ. В её основе лежали руководящие документы:

1. Положение о порядке прохождения высшей допризывной военной подготовки и действительной военной службе в РККА гражданами, обучавшимися в вузах и техникумах и окончившими их.

2. Положение о военных руководителях.

3. Инструкция по прохождению студентами вузов высшей допризывной военной подготовки.

Был создан и механизм управления. По военной линии руководство осуществлялось в Наркомате по военным и морским делам через 4-й отдел Управления вузов ГУ РККА и штаб Си-

бирского военного округа, а по гражданской линии – Народным комиссариатом просвещения через Главпрофобр (отдел по военному обучению гражданских вузов).

Определились уклоны военной подготовки исходя из потребностей в командном составе запаса РККА и предприятий военной промышленности военного времени (в начальный период их было введено 17).

Был конкретизирован круг лиц, привлекаемый к военному обучению, и определён порядок прохождения ВДВП. Он состоял из теоретического курса в объёме 180 часов и летних лагерных сборов продолжительностью два месяца. Кроме того, предусматривалась послевузовская служба в рядах РККА и РККФ.

Военная подготовка в вузах Дальнего Востока, в том числе и в ГДУ, стала обязательной дисциплиной учебного плана. Зачёты по ВДВП были внесены в зачётные книжки в качестве переводного минимума. Студенты, не посещавшие занятия по военной подготовке и не получившие зачёт, отчислялись из институтов. В качестве дипломных работ многим студентам давались задания по тематике, представляющей интерес в сфере обороноспособности страны.

Таким образом, к концу 1920-х годов в СССР сложилась стройная система подготовки среднего начальствующего состава запаса, которая реализовывалась путём введения высшей допризывной военной подготовки во всех вузах страны, в том числе и Дальнего Востока. Она представляла собой достаточно гибкую, трансформируемую в соответствии реальными потребностями государства структуру подготовки командных кадров запаса для Вооружённых сил.

Многие основные положения системы подготовки мобилизационных ресурсов для Вооружённых сил, созданной ещё в 1926 году, мы видим и в существующей в настоящее время системе военной подготовки студентов в стенах военных кафедр и формируемых в настоящее время военных учебных центров при высших учебных заведениях Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермаков, Э. В. Дальневосточный государственный университет: история и современность (1899–1999) / Э. В. Ермаков, Г. С. Куций. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 702 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПК. Ф. П-58. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.
2. ГАПК. Ф. 117. Оп. 4. Д. 4. Л. 3.
3. ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 32. Л. 25.
4. Военный вестник. – 1926. – № 47. – С. 35–37.
5. Красная Звезда. – 1926. – 08 сентября.
6. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
7. Красная Звезда. – 1926. – 25 августа.
8. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.
9. ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 37. Л. 2.
10. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 10. Д. 7. Л. 9.
11. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
12. ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 32. Л. 45.
13. Там же. Л. 63.
14. Там же. Л. 107.
15. Красная Звезда. – 1926. – 24 октября.
16. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
17. Красная Звезда. – 1926. – 21 августа.
18. ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 32. Л. 63.
19. ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 2. Л. 65.
20. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–13.
21. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 1. Л. 66–69.
22. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 2. Л. 105–111.
23. ГАХК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 137. Л. 17–20.
24. ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 74. Л. 17.
25. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.
26. ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

Аксенов А. А.
A. A. Aksenov

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОРНАМЕНТАЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ СИМВОЛИКИ УЛЬЧСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО
РАЙОНА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

**POSSIBILITIES OF THE APPLICATION OF A TRADITIONAL ORNAMENTAL COMPLEX
FOR THE DECORATION OF THE SYMBOLS OF THE ULYUCH MUNICIPAL DISTRICT
OF KHABAROVSK TERRITORY**

Аксенов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: fk@knastu.ru.

Mr. Andrey A. Aksenov – PhD in History, associate professor, Philosophy and Culture Studies Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: fk@knastu.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения традиционного орнаментального комплекса ульчей для создания герба Ульчского района Хабаровского края, приводятся иллюстративные примеры и анализ устойчивой орнаментальной композиции, присутствовавшей в разные эпохи в культуре ульчей; приведён авторский вариант проекта герба Ульчского района Хабаровского края.

Summary. The article discusses the possibility of using the Ulchis traditional ornamental complex to create the coat of arms of the Ulchis district of the Khabarovsk Territory. The article also presents illustrative examples and analysis of a stable ornamental composition that was present in different eras in the Ulchis culture, and presents the author's version of the design of the coat of arms of the Ulchis district of the Khabarovsk Territory.

Ключевые слова: герб, символ, Ульчский район, подвески, орнамент, создание герба, проект герба.

Key words: coat of arms, symbol, Ulchi district, pendants, ornament, creation of a coat of arms, a coat of arms project.

УДК 908, 930.2

На сегодняшний день в Хабаровском крае из 17 муниципальных районов собственной геральдической символикой обладают только 12 (см. табл. 1).

Таблица 1

Муниципальные районы Хабаровского края, имеющие и не имеющие гербов

Наименование муниципального района	Номер герба в Государственном геральдическом регистре РФ (ГГР РФ)	Дата внесения герба в Государственный геральдический регистр РФ (ГГР РФ)
<i>Муниципальные районы, имеющие зарегистрированные гербы</i>		
Аяно-Майский муниципальный район	6369	25 сентября 2010 г.
Бикинский муниципальный район	10509	29 сентября 2015 г.
Ванинский муниципальный район	1771	18 февраля 2005 г.
Комсомольский муниципальный район	1348	20 ноября 2003 г.
Муниципальный район имени Лазо	5868	12 февраля 2010 г.
Николаевский муниципальный район	952	03 июня 2002 г.

Продолжение табл. 1

Наименование муниципального района	Номер герба в Государственном геральдическом регистре РФ (ГГР РФ)	Дата внесения герба в Государственный геральдический регистр РФ (ГГР РФ)
Охотский муниципальный район	2028	28 ноября 2005 г.
Район имени Полины Осипенко	1920	28 июня 2005 г.
Советско-Гаванский муниципальный район	3323	29 мая 2007 г.
Солнечный муниципальный район	516	26 июля 1999 г.
Тугуро-Чумиканский муниципальный район	4709	20 февраля 2009 г.
Хабаровский муниципальный район	3322	29 мая 2007 г.
<i>Муниципальные районы, не имеющие зарегистрированных гербов</i>		
Амурский муниципальный район	—	—
Верхнебуреинский муниципальный район	—	—
Вяземский муниципальный район	—	—
Нанайский муниципальный район	—	—
Ульчский муниципальный район	—	—

Под геральдической символикой понимается герб муниципалитета, прошедший все стадии легитимации подобной символики: утверждение на местном уровне, прохождение с положительным решением геральдической экспертизы в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации (до 26 июня 1999 г. – Государственная герольдия при Президенте Российской Федерации) и, как итог, внесение в Государственный геральдический регистр РФ (см. прим. 1).

Оставшиеся 5 районов используют гербовую символику разной степени соответствия геральдическим правилам – от уровня вовсе не геральдичной в принципе, до достаточно близко приближенной к таковой, но без прохождения соответствующих процедур, остающейся неправомерной для использования.

Подобная ситуация порождает необходимость приведения в порядок и официальной регистрации существующей символики или поиска действительно геральдического сюжета для полноценного муниципального районного герба районами, такого символа не имеющими.

Одним из муниципальных районов Хабаровского края, не имеющим полноценной муниципальной символики, остаётся Ульчский район.

Используемый в качестве герба (а точнее, гербовидной эмблемы), символ далёк от геральдики и не может выступать в существующем виде в качестве полноценного герба. Данную проблему, на наш взгляд, помимо чисто геральдических ошибок, составляет отсутствие в гербовидной эмблеме ёмкого символического репрезентативного маркера.

Тем не менее, на наш взгляд, исторически в культуре ульчей присутствует орнаментальная универсалия, которая может выступать в качестве геральдического знака и лучшим образом послужить символизации пространства Ульчского муниципального района.

Под орнаментальным комплексом мы понимаем устойчивое соединение нескольких визуальных элементов, объединённых общей символической основой:

- во-первых, это внешний диск (кольцо) либо заменяющая его внешняя граница формы (то есть самой конфигурации) предмета;
- во-вторых, это наличие четырёх сопряжённых окружностей;
- в-третьих, наличие зубчиков, форма которых позволяет трактовать их как солнечные лучи.

Приведём несколько примеров существования данной фигуры в разные исторические периоды. Следует сразу оговорить специфику существования данного орнаментального комплекса на предметах, найденных при археологических раскопках или присутствующих в этнографических коллекциях, находящихся в экспозиционном и фондовом материалах музеев, расположенных в разных районах края, – Ульчском, Нанайском, Амурском, Хабаровском и др. (см. прим. 2).

Причины такого территориального разброса следующие:

- достаточно условное районирование территории исторического проживания коренных малочисленных народов Севера (далее – КМС) на территории Дальнего Востока в 20–30-х гг. XX века (смещение групп проживания нанайцев, ульчей и других близко живущих самобытных народов) (см. прим. 3);

- культурная ассимиляция (близость части культурных артефактов определила возможность их перехода в *традиционной* культуре из одного культурного пространства в другое, в значительной степени это касается именно украшений);

- серьёзное смещение культурных артефактов в советский период (нивелировка культурных особенностей и активное приобщение КМС к традициям русской культуры, смещение артефактов в музейных коллекциях, безосновательное «приписывание» предметов той народности, которая числится основной в данном регионе);

- социальная, культурная и пространственная мобильность – смешанные браки и активное пространственное перемещение в XX и особенно в XXI веке (в XX веке основной причиной перемещений были войны (прежде всего Великая Отечественная война 1941–1945)), социальные заказы (т. н. «стройки века») и принудительные перемещения разного толка, как индивидуальные, так и коллективные);

- отсутствие механизмов фильтрации инокультурных воздействий и отсутствие возможностей изолированной, автохтонной (т. е. самостоятельной, без внешних воздействий) ретрансляции ценностей в контексте исключительно традиционной культуры;

- изменение аксиологического (ценностного) пласта культуры в целом (зачастую восприятие традиционного происходит лишь как синоним «архаичного», т. е. устаревшего и неприемлемого, что в конечном итоге приводит к тенденции восприятия бывших культурных ценностей на уровне их ничтожности).

Рассматривая процессы стабильного (практически неизменного) использования типологически близких изображений и процессы сохранения и перехода знака в течение многих поколений (по самым скромным подсчётам, даже устанавливая период смены поколений в традиционной культуре, равный 50 годам), легко увидеть, что передача символа с момента его первого *выявленного* появления в культуре (т. е. с периода неолита) и до начала XX века (когда можно говорить о постепенном завершении традиционного этапа в культуре ульчей) происходит смена более 100 поколений. Это позволяет сделать вывод о том, что динамика (изменчивость) в данном орнаментальном комплексе минимальна (изменение деталей лишь подчёркивает стабильность и неизменность основы) (см. прим. 4), что, в свою очередь, свидетельствует о важности и крайне высокой культурной ценности рассматриваемого культурного артефакта.

Мы целенаправленно акцентируем внимание именно на аспекте «первого выявленного» появления символа, так как дальнейшие археологические изыскания могут представить и более ранние его изображения.

В специфике предметов с данным орнаментальным комплексом можно выделить два ключевых этапа, связанных с использованием данных артефактов в традиционной культуре. Это периоды неолита (3,5 тыс. лет н. э.) и позднего средневековья (XIX – начало XX века.). В исследовательском доступе отсутствует материал о периодах раннего железного века и периодах раннего и среднего средневековья как крайне сложных в анализе и малоизученных в истории культуры ульчей (либо их предков) культурных периодов, одновременно сопряжённых как с процессами разнообразных социокультурных взаимодействий, так и с процессами множественных миграций.

Закономерность присутствия символа на определённых предметах (керамических изделиях в период неолита и металлических подвесках в позднем средневековье) также определена общей спецификой соответствующего культурного периода:

- период дальневосточного неолита характеризуется изобилием керамических изделий (появляющихся именно в этот период развития человечества), историческим отсутствием металлических изделий, сложностью нанесения сложных орнаментальных сюжетов на каменные поверхности и отсутствием (по причине естественной утраты) среди найденных при раскопках артефактов – изделий из кожи, дерева, кости или рога;

- период позднего средневековья на Дальнем Востоке (хронологически его можно отнести к XVIII – началу XX века) характеризуется исчезновением в традиционной культуре большинства приамурских народов керамического производства (по причине практически полного отсутствия земледелия и огородничества) и в то же время появлением в культуре многочисленных изделий из металла (прежде всего из меди и бронзы).

Среди ключевых артефактов первого (неолитического) этапа, содержащих рассматриваемый символ, можно выделить следующие:

1. Фрагмент плоского сосуда эпохи неолита, найденный на археологическом памятнике Сучу (о. Шучий, Ульчский район, Хабаровский край), датируемый временем начала IV – конца II тыс. до н. э. (см. рис. 1). С большой долей вероятности мы можем отнести его к нижней (ранней) известной границе существования данного символа на территории Ульчского района [1].

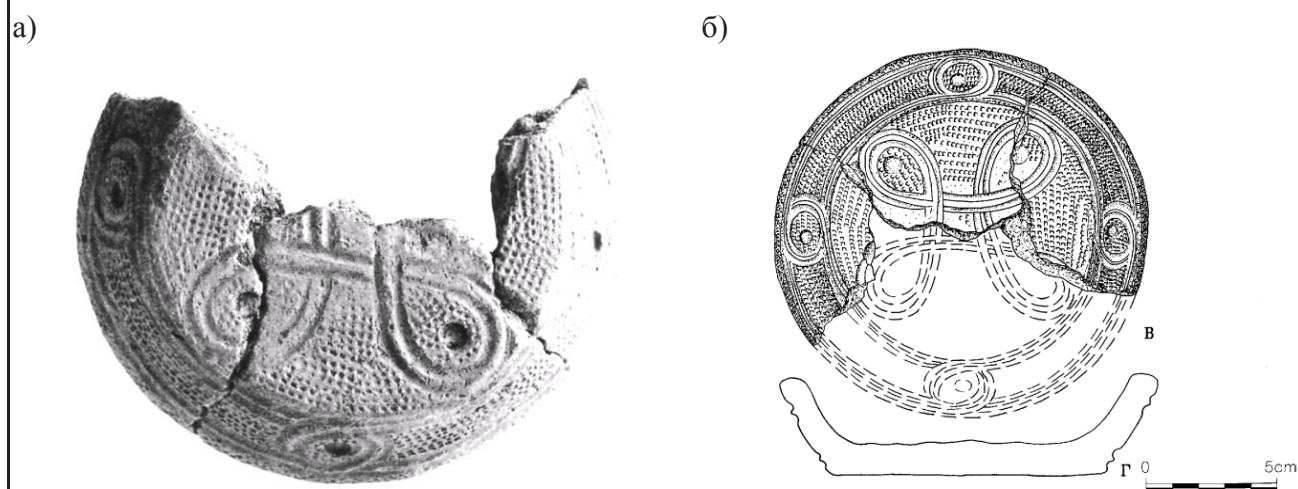

Рис. 1. Фрагмент керамического сосуда (а) и его прорисовка с реконструкцией недостающих частей (б)

2. Керамическое пряслице с поселения Вознесенское хронологически относится к тому же периоду (см. рис. 2). Здесь мы видим фигуру, аналогичную фигуре с плоскодонного сосуда, дополненную линиями, но с отсутствием точек или отверстий в центрах петель. Центральное сквозное отверстие в данном случае служит технологическим целям предмета.

Рис. 2. Керамическое пряслице (разные режимы съёмки)

На втором этапе ряд предметов, имеющих данную фигуру, продолжают позднесредневековые этнографические орнаментальные бронзовые подвески, хронологически относящиеся к XVIII – началу XX века (см. рис. 3).

Рис. 3. Подвески XVIII – начала XX века

Видовое разнообразие данных подвесок можно продолжить, но основную его часть типологически сведём к следующей схеме: наличие внешнего круга-кольца, наличие лучей-подвесок, наличие внутреннего крестообразного орнамента, составленного из прямых перекладин либо колец меньшего диаметра. Внутренние кольца располагаются в виде прямого или диагонального, так называемого «Андреевского креста», а центральное кольцо имеет размер больший или равный сопровождающим его боковым кольцам, а иногда, в частности на центральной подвеске, также имеет зубчатый край (см. рис. 3).

В современных собраниях металлические (медные и бронзовые) подвески, как правило, сильно патинированы и имеют тёмный, не всегда привлекательный вид, но изначально, в момент изготовления, они имели блестящий, «горящий» вид, что как нельзя лучше соотносится с геральдическим металлом – золотом.

Бронзовая петля (предположительно сундучная), хронологически относящаяся к концу XIX – началу XX века, состоит из двух соединённых между собой частей и богато орнаментирована (см. рис. 4). В основе композиции нижней части присутствует всё тот же символичный элемент. В настоящее время аналогичные экземпляры (в полном комплексе или их части в отрыве) выявлены в музейных собраниях в сёлах Найхин и Верхняя Эконь, а также в г. Амурске. Проблему идентификации, как мы уже отмечали выше, составляет смешение разнокультурных артефактов в музейных коллекциях, что связано с неудовлетворительным учётом материалов этнографических сборов, особенно в 50–70-х гг. XX века, невозможностью точного установления (фиксации) мест случайных находок артефактов, отсутствием достоверной информации о происхождении семейных артефактов, закупаемых в разное время музеями или передаваемых в музейные собрания в качестве подарков.

Рис. 4. Бронзовая петля (конец XIX – начало XX века)

Рассматривая семантическую сторону данного символа, следует отметить, что анализировать семантику сложно, но, используя традиционные подходы к интерпретации символических аналогов в других культурах, можно говорить о его солярной принадлежности. В особенности это справедливо по отношению к изображениям кругов, содержащих лучевую окантовку. Круг, имеющий лучевой контур, как правило, однозначно относится в традиционной культуре к символике солнца. Это в целом соотносится с другими артефактами (как материальными, так и духовными)

в культуре предков ульчей либо являвшихся непосредственно солнцепоклонниками (активно использовавших поклонение солнцу в своих культовых и раннерелигиозных практиках), либо активно отражающих солярные и оппозиционные (противоположные) им лунарные символы в культурных артефактах. Не следует забывать и о возможной символьной трактовке кольца с внутренним заполнением как отражением неба, то есть структурой мироздания, что особенно справедливо применимо к символике археологических культур вплоть до бронзового века (см. прим. 5).

Ещё одну интересную взаимосвязь можно заметить в соотнесении символики подвесок указанной формы с шаманскими бубнами. Знаменитый исследователь Г. Н. Потанин, рассматривая шаманские бубны сибирских и дальневосточных народов, отмечает в тунгусских бубнах крестообразную структуру («в тунгусском бубне крест ясен») и делает вывод о том, что строение их нельзя объяснить только «практическими целями» (см. рис. 5). По его мнению, для понимания такого устройства бубна необходимо привлечь данные «сибирской мифологии» [6, 14]. Помимо мифологических описаний и обрядовых практик, в своём исследовании Потанин привлекает также сюжеты писаниц, что относится к символьной форме отражения культуры.

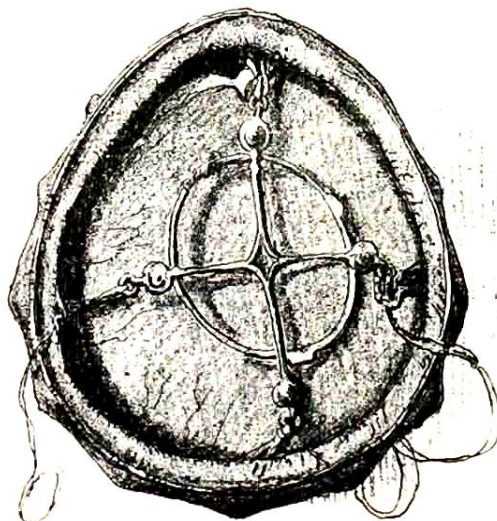

Рис. 5. Тунгусский бубен, хранящийся в антропологическом отделе
Музея Академии наук в Петербурге (по Г. Н. Потанину)

Таким образом, в целом мы не можем говорить о полном понимании семантического смысла, вложенного в данную фигуру, но универсальность и стабильность её появления позволяет говорить о её культурной важности.

Высказываясь в пользу орнаментального изображения для герба Ульчского района, можно привести позицию Е. В. Смирницкой в осмыслении орнамента в традиционной (доренессансной) культуре: «Орнамент не был каким-то отдельным видом искусства, отличным от прочих, но был универсальным принципом, пронизавшим собою всю доренессансную культуру. Следовательно, вместо “орнамента” в доренессансной культуре мы встречаем “орнаментированность” – качество, в той или иной степени проявлявшее себя почти во всех явлениях искусства и шире – материальной культуры. Это качество мы видим в ритмической (симметричной) пространственной организации» [2, 231].

Рассматривая организационные возможности орнамента, Смирницкая отмечает, что «орнамент в архаической культуре – это универсальный закон организации, структурности, порядка, воплощённый в пространственных формах; его визуализация и, следовательно, один из главных способов выражения всякого представления о структуре, организации, упорядоченности (не только пространственной, но также социальной, морально-религиозной и т. д.). Орнамент представляет собой принцип организации пространства, взятый в его чистом виде; организованное простран-

ство как таковое – космос (слова “космос” и “орнамент”, таким образом, синонимичны не только по своей этимологии – “украшение”, но и по своей сути, своей тождественности понятию “пространственная структура”))» [2, 232]. Таким образом, орнамент как нельзя лучше выступает в качестве связующего звена для отождествления пространственного и социального порядков в том же контексте, в каком эту роль выполняет и геральдический символ, что при их совмещении даёт насыщенную структуру символического маркера территории.

Геральдическая стилизация рассмотренной выше орнаментальной формы приводит нас к фигуре, помещённой на основное (голубое) поле проекта герба Ульчского района (см. рис. 6). Символьно фигура отражает солнце как основу всего живого. Широкое голубое поле в данном случае является символьным отражением реки Амур, с которой связана практически вся жизнь как в традиционной культуре ульчей, так и всего многонационального населения современного Ульчского муниципального района Хабаровского края. Золотые части по бокам щита символизируют берега реки Амур, на которых проживают жители района. Золотой цвет – это цвет, полученный благодаря освещённости солнечным светом, что является символом благопожелания району в целом, а прежде всего – его населению.

Рис. 6. Проект герба
Ульчского муниципального района Хабаровского края

Обобщив вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: простота изображения, достаточная лёгкость и геометрическая выверенность формы и прежде всего уникальность символа делают данный знак специфичным, заметным и узнаваемым, а повсеместность его применения в традиционной культуре ульчей и сохранение его в культуре на протяжении многих поколений, на наш взгляд, позволяет считать его приоритетным знаком для геральдического отражения Ульчского муниципального района Хабаровского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году. В 3 т. / А. П. Деревянко, Чо Ю-Чжон, В. Е. Медведев [и др.]. – Сеул, 2002. – Т. I. – С. 373–375. Т. II. – С. 59. Т. III. – С. 32.
2. Смирницкая, Е. В. Орнамент как мировоззрение (пространственные структуры в архаичных культурах) / Е. В. Смирницкая // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции; под ред. Е. Дэвлет. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 231–236.
3. Калашников, Г. В. Торговые мотивы в Российских городских и территориальных гербах: семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина»; зас. 17 мая 2017 г. в Зале Совета Государственного Эрмитажа. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2017. – С. 1–31.
4. Агинская street, танец с огнём и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Претензии этничности и претензии на этничность / В. Г. Целищева, В. Н. Давыдов, Н. И. Карбаинов [и др.]. – Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей имени Н. И. Гродекова, 2006. – С. 61–106.
5. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – М.: Русслит, 1993. – С. 12–32.
6. Потанин, Г. Н. О крестообразных фигурах на шаманских бубнах и писаницах / Г. Н. Потанин // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества; под ред. Н. П. Левина. – 1893. – Т. XXIV. – № 2. – Иркутск: Типография К. И. Витковской. – С. 13–20.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее о порядке легитимации муниципальной символики см.: Калашников Г. В. «Торговые мотивы в российских городских и территориальных гербах» [3, 3–4].
2. В статье рассматриваются материалы из экспозиций и фондов Государственного музея Дальнего Востока имени Н. И. Гродекова (до 2004 года – Хабаровский краевой краеведческий музей), музея с. Найхин (Нанайский муниципальный район), краеведческого музея г. Амуурска, школьного музея с. Верхняя Эконь (Комсомольский муниципальный район). Автор выражает признательность руководителям музеев за предоставленную возможность работы с данными артефактами.
3. О проблемах этнической идентичности см.: Целищева В. Г. «Претензии этничности и претензии на этничность» [4, 61–106].
4. Мы намеренно не применяем сроки поколенной смены, устоявшиеся в современной социологической науке, так как в данном случае это не является, на наш взгляд, репрезентативным фактором сохранения элемента в данной культурной традиции. Уменьшая срок для определения смены поколений и, таким образом, формально увеличивая количество поколений, мы не отражаем результата процесса передачи культурной информации от одного поколения другому, то есть при подобном уменьшении поколенного цикла происходит одновременное использование культурного артефакта представителями и старшего и младшего поколений, что свидетельствует, скорее, о контроле старшего поколения, нежели чем о восприятии важности символа в собственной культуре поколением новым.
5. О соотношении орнаментальной символики с мировоззренческим восприятием в древних культурах см.: Голан А. «Миф и символ», Потанин Г. Н. «О крестообразных фигурах на шаманских бубнах и писаницах» [5, 12–32; 6, 13–20].

Лопатина О. И.
O. I. Lopatina

НЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ МОЛОДЁЖИ

ENGLISH NEOLOGISMS IN YOUTH SPEECH

Лопатина Ольга Ивановна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. Email: oliksana@mail.ru.

Ms. Olga I. Lopatina – assistant professor of linguistic and cross-cultural communication department, the Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: oliksana@mail.ru.

Аннотация. Неологизмы возникают во всех сферах английского языка. В данной статье мы рассмотрели классификацию неологизмов и способы их возникновения, особенно в новостной сфере. Понимание специфики возникновения неологизмов поможет в дальнейшем при их переводе на другие языки. В зависимости от того, в какой момент развития общества возникло слово и существует ли понятие или предмет, которые эти неологизмы обозначают, будет выбран определённый способ передачи значения на иностранный язык.

Summary. Neologisms arise in all areas of the English language. In this article, we examined the classification of neologisms and the methods of their occurrence, especially in the news sphere. Understanding the occurrence of neologisms will help in the future when they are translated into other languages. Depending on at what point in the development of society the word arose and whether there is a concept or object that these neologisms indicate, a certain method will be chosen for transmitting the meaning to a foreign language.

Ключевые слова: неологизмы, классификация, способы заимствования, новости.

Key words: neologisms, classification, methods, English news.

УДК 81.373.43

Англоязычные новости охватывают различные темы в сфере политики, экономики, культуры, науки и технологии, начиная от новостных сюжетов, редакционных статей и заканчивая обзорами. Чтобы получить представление о развитии современного английского языка, очень важно изучить новостной английский, использование которого тесно связано с изменениями и развитием неологизма. Появляются неологизмы, и лучшее понимание их помогает учащимся овладеть английским языком, получить необходимую информацию и развить свои способности к межкультурному общению.

Неологизм (от греч. Neos 'new' + logos 'word') – это новое слово или фраза, появившаяся в английском языке в результате социально-политических изменений, развития науки и техники, новых условий жизни для описания нового, ранее неизвестного предмета или явления, или для выражения новых понятий. Авторские неологизмы придают тексту эмоциональную выразительность. В связи с проблемой неологизмов возрос интерес к важной роли неологизмов как зеркала развития языка, отражающего адаптацию языка к изменяющимся под влиянием внешних факторов условиям его функционирования. Отправной точкой лексических инноваций является практика, поскольку лексические номинативные действия влияют на культурные, исторические и социально-политические условия жизни и работы языкового сообщества. Тот факт, что большинство номинативных стимулов обеспечивает социальную, политическую, научно-техническую, культурную сферы человеческой деятельности, на современном этапе развития науки о языке становится всё более очевидной необходимость всестороннего изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии. Целесообразность такого подхода становится ещё

более очевидной в связи с глобализацией культуры, которая понимается как ускорение интеграции наций в глобальную систему, что сопровождается глобальной информатизацией мирового сообщества.

В. И. Заботкина в своей книге «Новая лексика современного английского языка» (1989) выделяет три типа неологизмов на основе их формы и содержания: 1) сами неологизмы, где новизна формы прекрасно сочетается с новизной содержания: аудиотипирование, аудиопечатание; биокомпьютерный компьютер, имитирующий нервную систему живых организмов; мыслительный компьютер, логически выстраивающий и развивающий идеи; 2) слова, которые сочетают в себе новизну формы со значением, уже передавшимся другой форме: *sudser* – мыльная опера; большая буква *C* – в медицине *рак*); *Af.*, *Houtie* – негр; 3) семантические инновации, где новое значение обозначается уже существующей в языке формой: хлебные деньги; кислота, наркотик (ЛСД); газ – нечто волнующее и очень приятное (В. И. Заботкина, 1989).

Что касается стиля, Гальперин (1981) различает три типа вновь придуманных слов. Первый – терминологические устойчивые словосочетания или терминологические неологизмы – те, которые обозначают новые понятия. Второй тип – стилистические устойчивые выражения – слова, придуманные людьми, стремящимися высказываться выразительно. Третий тип – *nonce-words* – эти слова созданы только для того, чтобы служить конкретному случаю, они не живут долго, как, например, в *Let me say in the beginning that even if I wanted to avoid Texas I could not, for I am wived in Texas, and mother-in-lawed, and uncled, and aunted, and cousined within an inch of my life* (J. Steinbeck). Гальперин комментирует: «Слова, обозначающие понятия *тёща*, *незамужняя женщина*, *тётя* и *двоюродная сестра*, придуманы по аналогии со словом *жена* и вряд ли могут быть зарегистрированы английскими словарями как обычные английские слова». По словам Питера Ньюмарка и согласно его «Учебнику перевода», существуют 2 лексических элемента с новыми смыслами и 10 типов неологизмов, которые классифицируются по их образованию. В целом он выделяет 12 типов неологизмов. Например, такие:

1. Старые слова с новым смыслом – старые слова, которые приобретают новые значения. Эти слова обычно не относятся к новым объектам или процессам, поэтому их нельзя связать с технологией. Например, слово *revoulement* означает *возвращение беженца*; оно может быть использовано в значении *отказ во въезде и депортации*. В психологии это слово обозначает *репрессии*, поэтому это свободный термин, понимание которого зависит от контекста, в который этот термин помещён (Newmark, 1988).

2. Словосочетания с новыми значениями – словосочетания, которые в конечном итоге изменили свои значения; словосочетания, которые существуют, которые могут изменить свои значения и стать табуированными или остаться в составе общеупотребительной лексики. Существует общепризнанный перевод, если предмет или понятие существуют в настоящее время, то в разных языках имеются слова для их обозначения. В случае если предмет или понятие в каком-то языке не существует или люди ещё не знакомы с ним, необходимо предоставить описательную информацию (например, *'tug-of-love'* – перетягивание каната, спор из-за детей между биологическими родителями и усыновителями).

3. Аббревиатура – распространённый тип псевдонеологизмов (там же). Главной особенностью аббревиатуры является то, что мы должны произносить каждую букву по отдельности. Примеры: *CD* (компакт-диск или депозитный сертификат), *ER* (пункт неотложной помощи) и *ПК* (персональный компьютер или политкорректный).

4. Эпонимы – любые слова, которые первоначально были собственными именами реально существовавших личностей, а также названиями торговых марок (либо они обозначали какие-либо объекты), которые могут быть переведены только тогда, когда они знакомы носителям языка и приняты ими. Когда слово, обозначающее имя собственное, имеет непосредственное отношение к человеку, мы можем легко понять и перевести его, но если оно имеет отношение к идее или качеству объекта, то нам необходимо получить дополнительное разъяснение, чтобы мы смогли понять его смысл.

5. Изменённые слова – это слова, значения которых в меньшей степени зависят от контекста. Они используются чаще в средствах массовой информации или при создании концепции продукта, чем в технологических сферах. Кроме того, переведённые слова могут быть общими для разных языков, например, слова, обозначающие новые импортные продукты питания, одежду разных марок – Cagoule, Adidas, Sari, Nike.

6. Сокращения – это всё более часто проявляющаяся составляющая часть всех нелитературных текстов. Они имеют тенденцию к укорочению и эйфоничности. Сокращения привлекают наше внимание и пробуждают интерес, если их смысл неизвестен нам. Таким образом, сокращения заставляют нас выяснить, что означают буквы, из которых они состоят. Пример: слово *радар* (радиообнаружение и определение дальности) является аббревиатурой, поскольку каждая буква обозначает определённое слово. Когда люди забывают о первоначальной форме аббревиатуры, она становится новым независимым словом в языковой системе.

7. Новые устойчивые словосочетания – это в основном словосочетания, обозначающие торговые марки или названия товаров. Например: «Бистро», «Бакарди», «Швеппес», «Ревлон».

8. Производные слова – новые слова, которые вводятся путём добавления одного или нескольких аффиксов к основе или корню слова. «Подавляющее большинство неологизмов – это слова, полученные по аналогии с древнегреческими (всё чаще) и латинскими морфемами, обычно с суффиксами, такими как -ismo, -ismus, -ja и т. д.).

9. Коллокации – это устойчивые сочетания, которые широко распространены, особенно в социальных науках и компьютерных областях. Примеры: *lead time* («время выполнения»), *domino effect* («эффект домино»), *acid rain* («кислотный дождь»).

10. В своей классификации фразеологизмов Ньюмарк отмечает, что «фразовые глаголы: а) часто более экономичны, чем их перевод; б) обычно занимают исключительно английский регистр между “неформальным” и “разговорным”, в то время как их переводы более формальны. Новые “фразовые слова” ограничены возможностями английского языка при преобразовании глаголов в существительные, например: *work-out* (“тренироваться”), *trade-off* (“компромисс”), *check-out* (“выписка”), *thermal cut-out* (“тепловой выключатель”), *knockon (domino) effect* (“эффект домино”), *laid-back* (“непринуждённый”), *sit-in* (“сидячий”))».

11. Псевдонеологизм – это «родовое слово, которое заменяет определённое слово, например, *longitudinaux* (“продольные пружины”), *humurale* (“плечевая артерия”), *la Charrue* (“Плуг и звёзды”), *la Trilateral* (частная политическая комиссия с представителями США, Западной Европы и Японии)”» (Newmark, 1988).

12. Интернационализмы – заимствованные из нескольких языков слова, которые передают понятия, играющие решающую роль в нашем общении. Международные слова можно найти в таких областях, как **научные названия** (например: *философия*, *биология*, *математика*, *медицина*, *лексикология*); **искусство** (например: *театр*, *музыка*, *драма*, *художник*, *примадонна*); **политика** (например: *политика*, *революция*, *коммунизм*, *прогресс*); **технология** (например: *атомная*, *антибиотик*, *радио*, *компьютер*) и т. д. (Антрушина, 1999).

Кроме того, неологизмы классифицируются по степени их стабильности:

1. Нестабильные – чрезвычайно новые слова, которые известны и используются лишь определённой субкультурой (протологизм – *protologism* [греч. «протос», первый + греческий лого-тип, слово; ср. прототип, неологизм] – новое слово, созданное Михаилом Эпштейном).

2. Распространённые – слова, которые достигли высокого уровня распространения и уже известны многим людям, но они всё ещё не приняты, например, *jargon* («жаргон»).

3. Стабильные – слова, которые люди узнают, знают и принимают в течение длительного периода времени (например, слова, которые были недавно добавлены в печатные словари, включая популярные сленговые словари) (Andreescu, 2012).

Заемствованные слова – это слова, заимствованные из исходного языка и включённые в язык получателя без перевода. Английский представляет собой смесь различных языков, включая французский, китайский, немецкий, итальянский, греческий, русский, японский, арабский и т. д., поскольку иммигранты приезжают со всего мира. Согласно опросам, доля современных англий-

ских слов – производных каждого языка – составляет 29 % от французских слов, 29 % – от латинских, 26 % – от немецких, 6 % – от греческих; остальные составляют 6 %. В английских новостных передачах часто сообщается о мировых новостях, и использование заимствованных слов не только привлекает внимание читателей, но и предоставляет им прямую информацию из других стран. Слова китайского происхождения вошли в английский язык. Большинство из них было заимствовано из китайского языка, а некоторые из них вошли в английский язык косвенно, через другие языки, такие как японский и корейский. Например, *taikonaut*, *wirefu*, *tuhao*, *dama*, *wechat* и *fengshui* и др. В японском языке «слова займа» звучат так: «цунами», «манга», «чиабатта» и «айтек». Слова итальянского заимствования включают такие слова, как «траттория», «бимбо», «папарацци» и «снэкарацци». Примеры новых французских заимствованных слов: *дежавю*, *джамай вю*, *дежа дит*, *франк форт*, *тачэ*, *паркур* и т. д. В китайском языке встречаются «слова ссуды»: *браслет*, *гуру* и *лулу*. В русском языке есть такие слова: *памятники*, *интеллигенция*, *гласность*, *луноход*, *политбюро*, *спутник*, *икона*, *мужик*. В испанском – *плаза*, *бункер*, *бонанса*, *сальса*, *фiesta* и т. д. Заимствованные слова из этих языков делают английский язык красочным, выразительным и продуктивным.

В России термин *сленг* набирал популярность в 80–90-х гг. XX века, что коррелировало с растущей в то время популярностью английского языка как иностранного. Е. М. Береговская рассматривает этот период как третью волну интереса к исследованиям молодёжного жаргона и связывает его с «эпохой застоя в России, когда удушающая атмосфера общественной жизни породила различные молодёжные субкультуры, а “взволнованная” молодёжь изобрела собственный жаргонизм как жест протеста против официальной идеологии». По словам исследователя, яркой чертой молодёжного жаргона на тот момент является доминирование английских заимствованных слов, которое фактически было имитацией западного стиля поведения. Она также призывает не видеть только отрицательную сторону такого феномена как «арго, как бы вы его ни называли – жаргон, сленг, социолекты», потому что это можно рассматривать как способ обогащения разговорного и литературного языков. Исследователь объединяет эти термины, используя их как синонимы и предпочитая сленг только с точки зрения «вовлечения» молодёжного общения того времени. Это, безусловно, удовлетворяет основным требованиям современных тенденций в лингвистике: молодёжный жаргон по-прежнему является наиболее гибким языковым сегментом, который открыт для разговорной речи и постоянно обогащает язык неологизмами.

Только за последние 5 лет в словарном запасе среднестатистического англичанина появилось более 2000 новых сленговых слов и выражений, охватывающих всю сферу человеческой жизнедеятельности: *bubbly* («шампанское»), *benjamins* («стодолларовая купюра»), *homie* («приятель»), *dime* («очень привлекательная девушка», «красотка»), *peace out* («увидимся»), *hater* («ненавистник»), *zip out* («замолчать»; в грубой форме – «заткнись»); *ace* («великолепно», «грандиозно»), *amaze-balls* («чудесно»), *gravy* («очень хорошо», «прекрасно»).

Наиболее популярным в последнее время среди пользователей социальных сетей и блогов стал способ образования новых слов и выражений путём складывания двух разных частей речи, морфем. Например, в современном английском языке появились такие слова, как *apathism* («безразличное отношение к религии»). Данное слово образовано присоединением к прилагательному *apathetic* («безразличный», «апатичный») суффикса существительных *-ism*. В результате данного действия образовалось новое выражение, обозначающее определённый взгляд на жизнь, теорию или концепцию, по своим морфологическим характеристикам схожее с такими английскими словами, как *agnosticism*, *reformism*, *militarism*, *atheism* и др. *Harrassenger* («раздражитель», то есть пассажир, который всю дорогу мешает вам ехать, давая назойливые советы, как нужно правильно ехать или объехать что-либо). Данное выражение образовано сложением наречия *hurry* и существительного *passenger*. *Wikipedant* («заядлый пользователь Википедии») (*Wikipedia* + *pedant*), *kafkaesque* (обычная ситуация, усложнённая в художественных романах Кафки до сюрреализма бюрократией и условностями) (*Kafka* + *grotesque*), *bromance* («близкие, дружественные отношения между двумя мужчинами», наподобие Шерлока Холмса и Доктора Ватсона) (*Brother* + *romance*),

frenemy («друг, который на самом деле является вам врагом») (*Friend + enemy*), *fatanimal* («толстое домашнее животное, обычно раскормленное хозяевами») (*Fat + animal*).

Не менее популярны и большой интерес вызывают современные сленговые английские словосочетания, точно выражающие какую-либо ситуацию или характер определённого человека: *dead week* (мёртвая неделя, неделя перед экзаменами), *facebook mommy* («фейсбук-мамочка», «мама, которая постоянно выкладывает фото своих детей в социальные сети»), в данном случае «Фейсбук», *stress eater* («стрессоедатель»; человек, который заедает свои проблемы), *dancing juice* («алкоголь»), *sideline hater* («фальшивый друг»).

В последнее время также можно выделить тенденцию к образованию определёнными социальными сетями новых терминов, активно используемых на данных сайтах. Например, любой пользователь сети «Твиттер» обязательно знаком с такими выражениями, как *tweet up* («встреча пользователей»), *twirt* («флиртовать с кем-либо в сети “Твиттер”»), *twitterjack* («оставлять негативные комментарии – твиты (комментарии) от чужого имени»), *twitterjacker* («человек, зарегистрировавшийся под именем другого и притворяющийся им»), *twittiquette* («твиттер») («этикет»).

English news has become an important part of English learning in which neologism with its diverse sources and concise formation, provides special corpus for English research. Neologism not only promotes the development of news English and English but also reflects culture and society. Knowledge of the features of neologisms in News English not only enables learners to better understand the formation of English words, world news but also cultivates their cross cultural communication ability.

Перевод: «Англоязычные новости стали важной частью изучения английского языка, в которой неологизм с его разнообразными источниками и лаконичным образованием обеспечивает особый корпус для изучения английского языка. Неологизмы не только способствуют развитию новостного английского языка и общеупотребительного английского, но также отражают особенности культуры и жизни общества. Знание особенностей неологизмов в новостном английском не только позволяет учащимся лучше понимать особенности формирования английских слов, создания мировых новостей, но и развивает способность к межкультурному общению».

ЛИТЕРАТУРА

1. Algeo, J. Fifty Years among the New Words: A Dictionary of Neologisms / J. Algeo. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 257 p.
2. Andreescu, C. V. Teaching English Medical Neologisms. / C. V. Andreescu // Medical Connections. – 2012. – № 1(25). – P. 71–76.
3. Levchenko, Ya. Neologisms in the Lexical System of Modern English. On the mass media material: master's thesis / Yaroslav Levchenko. – Munich: GRIN Verlag, 2010. – 132 p.

Клычева Е. Г.
E. G. Klycheva

**К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**ON THE ISSUE OF ORGANIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES OF LAND USERS
OF THE FAR EAST. HISTORICAL ASPECT**

Клычева Елена Геннадьевна – учитель истории и обществознания Вечерней школы с. Тополево Хабаровского муниципального района Хабаровского края (Россия, Хабаровск); 680510, Хабаровский край, Хабаровский район, с. Тополево, ул. Школьная, 4а; тел.: +7 (4212) 37-36-08. E-mail: zolotolev@mail.ru.

Ms. Elena G. Klycheva – teacher of history and social studies Evening (replacement) of Topolovo village of Khabarovsk Municipal District, Khabarovsk Territory (Russia, Khabarovsk); 680510, Khabarovsk territory, Khabarovsk district, 4a School str.; tel.: +7 (4212) 37-36-08. E-mail: zolotolev@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассматривается организация просветительской деятельности землепользователей Дальневосточного региона на примере второй половины XIX – начала XX века, уделяется внимание различным способам аграрного просвещения населения: опытные поля, агрономические чтения, передвижной музей, журнал «Приморский хозяин», Общество любителей садоводства и огородничества. В статье также приводятся архивные данные, характеризующие агрономическое просвещение населения. Установлено применение новой сельскохозяйственной техники, культивируемых сельскохозяйственных культур в полеводстве, садах и огородах землепользователей.

Summary. This article examines the outreach activities of land users in the far Eastern region, for example, the second half of XIX – early XX centuries the Attention paid to various methods of agricultural education: experienced field agronomic reading, mobile Museum, the magazine «Primorsky owner», the Society of lovers of horticulture. The archival data characterizing agronomic education of the population are given. It is established that the use of new agricultural machinery, cultivated crops in the field, gardens and orchards in the farms of land users.

Ключевые слова: просветительская деятельность, Дальний Восток, опытные поля, агрономические чтения, передвижной музей, «Приморский хозяин», Общество любителей садоводства и огородничества.

Key words: outreach activities of land users, the far East, experienced field, agronomic reading, mobile Museum, the magazine «Primorsky owner», the Society of lovers of horticulture.

УДК 374.71:349.414:332.122(571.6)(09)(045)

Развитие Дальневосточного региона в современное время является приоритетным. «Новая роль Дальнего Востока как локомотива развития будет набирать силу», – заявил Президент России В. В. Путин 12 сентября 2018 г., выступая на проходящем во Владивостоке Восточном экономическом форуме стран АТР. Одним из «драйверов» развития дальневосточной экономики президент назвал сельское хозяйство [11].

Немалая роль в освоении дальневосточных земель отводится сегодня государственной программе «Дальневосточный гектар». Предполагают заняться сельским хозяйством 26 % новых землепользователей из 75 регионов России, 12 % – стать хозяевами личных подворий [3]. Вопрос организации просветительской деятельности будущих землепользователей остаётся открытым. Обращение к опыту агрономического просвещения землепользователей Дальнего Востока конца XIX – начала XX века имеет сегодня практическую значимость.

В данной статье рассматривается исторический аспект организации просветительской деятельности землепользователей Дальневосточного региона конца XIX – начала XX века.

Массовое заселение Дальнего Востока, освоение его земель приходится на вторую половину XIX – начало XX века. Землепользователи региона в этот период являлись представителями

разных сословий: дворян, мещан, казаков, но основная часть землепользователей состояла из крестьян-общинников. Низкая агрономическая культура в этот период была главным тормозом в развитии сельского хозяйства. Переселенцы мало что знали о климатических и почвенных условиях Дальневосточного края. Обработка земли велась известными на малой родине способами. Новый землепользователь-крестьянин был не готов к переменам, делал много неверных шагов, исправить которые было трудно, а иногда и невозможно. Переход к новым приёмам в обработке земли, в создании и использовании машинной техники в сельском хозяйстве шёл медленно. Ввиду низкого уровня сельскохозяйственных знаний у крестьянина трудно было от него ожидать новшеств в производстве улучшенных сортов зерна.

Гораздо большими знаниями обладали старожилы [1]. Они были знакомы с общим характером своего района, его климатом, почвой; владели методами земледелия, унаследованными от отцов или уже выработанными ими. Личный опыт ведения хозяйства указывал на приёмы, которые следовало применять в целях достижения лучших результатов. Добытые опытным путём сведения были важны для культуры земледелия края. Но в начале освоения Дальнего Востока эти сведения не были общим достоянием землепользователей [4, л. 14]. Тем не менее и у старожилов возникало множество вопросов, разрешить которые сами они были не в силах.

По мнению русского экономиста-аграрника начала XX века А. В. Чаянова, самой большой проблемой, с которой столкнулись российские агрономы в начале XX века, были русские крестьяне: тогда как западноевропейский агроном просто помогал крестьянам построить зернохранилище, российскому агроному приходилось преодолевать крестьянское невежество и сопротивление «прогрессу» [13].

Значительное внимание сельскохозяйственному образованию в стране стало уделяться после отмены крепостного права. От повышения агрономической культуры зависели экономика и стабильность государства. В стране открываются сельскохозяйственные школы различных уровней. «К 1 января 1898 г. в Российской империи данных школ было 36 (к 1 января 1899 г. – 41), из них 5 устроены казной, 16 – земствами, 4 – разными обществами, 11 – частными лицами» [2].

Организация агрономической помощи крестьянам-переселенцам стала государственным делом и на Дальнем Востоке. Первые квалифицированные специалисты в области сельского хозяйства в Дальневосточном крае появились в начале 80-х гг. XIX века. В 1884 году при Приамурском генерал-губернаторстве была учреждена должность правительственного агронома. «До 1911 года на весь Приамурский край было два агронома: один – для Приморской, другой – для Амурской области. Оба агронома находились при Приамурском управлении государственных имуществ и выезжали только на несколько летних месяцев. Остальное время проводили в Управлении в Хабаровске. Из-за нехватки средств основная работа агрономов сводилась к консультативному труду» [12, 9].

В это же время в крае появились и учреждения агрономических организаций, и специальные склады сельскохозяйственных машин, орудий и семян. В 1909 году в крае появились 3 старших специалиста и 7 инструкторов: инструкторы по полеводству, сельскохозяйственной механике, пчеловодству, молочному делу, а также районные агрономы. С появлением специалистов в Дальневосточном крае появляется первое опытное поле в Хабаровске, главная цель которого заключалась в способствовании прогрессу сельского хозяйства в новом регионе. На опытном поле проводили испытания разных сортов хлебных злаков и огородных культур в отношении способности их к акклиматизации в новой местности. Сначала урожаи полевых и огородных растений на опытном поле получали низкие. Это было следствием того, что все сорта для посева были взяты из европейской области и не были приспособлены к условиям местного климата и почвы. Получение акклиматизированных сортов стало задачей опытного поля. Информация о результатах работы периодически появлялась в газете «Приамурские ведомости». Так, в 1898 году в № 282 газеты корреспондент Стефанъ Гашнъ рассказывал о пробных посевах озимой ржи на участке лесного питомника и Хабаровском опытном поле, которые доказали возможность посевов озими в регионе. Описывая опыты агрономов опытного поля, автор указывает на влияние различной глубины вспашки, на накопление влаги в почве: «Проводя испытания на опытном поле, агрономы пришли

к выводу, что углубления, сделанные в различное время года, могут привести к диаметрально противоположным результатам. Так, например, сделанное летом [углубление] даёт возможность почве запасть влагой в течение летнего, здесь дождливого периода; осеннее или весеннее углубление приходится как раз на период сухой, наоборот, иссушит почву. По отношению к культивируемым растениям увеличение толщины пахотного слоя, облегчая корням доступ вглубь, может оказать только благоприятное влияние» [8].

Положительные результаты опытного поля имели огромное значение для развития агрономической культуры Дальневосточного края. Проходящим через Хабаровск переселенцам рекомендовалось побывать на опытном поле и послушать объяснения для ознакомления с сельскохозяйственными условиями новой для них местности.

Большое внимание уделялось на опытном поле выращиванию огородных культур, плоды которых вошли в повседневный рацион человека. «Специально для этого осенью 1897 года были выкопаны для рассады три ямы глубиной 0,5 аршин, шириною 2 аршина, длиной две ямы по 15 аршин, а одна – 9 аршин. В феврале 1898 г. в них были устроены срубы из полубрёвен. В первых числах апреля парники наполняли навозом и подготавливали их к посеву. Огородные семена выписаны были у Э. Иммера. На опытном поле были высажены следующие растения: баклажаны – 2 сорта, брюква – 2 сорта, капуста белокочанная ранняя и поздняя – 33 сорта, капуста краснокочанная – 2 сорта, капуста кочанная савойская – 2 сорта, капуста брюссельская – 2 сорта, капуста цветная – 13 сортов, кольраби – 2 сорта, лук репчатый – 4 сорта, лук порей – 1 сорт, томаты – 16 сортов, фенхель, эстрагон русский, а также картофель – 7 семян неизвестных сортов» [7].

На опытном поле агрономы проводили опыты с огородными культурами не только европейской части России, но и Дальнего Востока. В 1898 году на опытном поле Хабаровска выращивали «корейские овощи: латук, кунжут, красный перец, 2 сорта тыквы, огурцы; японские: имбирь, томаты, арбуз, кукурузу» [7]. Результаты опытов с корейскими и японскими огородными культурами часто были неудачными. Но работа по их культивированию продолжалась.

С 1910 года ассигнования на опытные мероприятия увеличиваются, растёт и количество опытных учреждений. В 1915 году их насчитывалось 12: в Приморской области – 3, Амурской – 9. Все опытные заведения были государственными и субсидировались Департаментом земледелия.

Интересной формой агрономического просвещения землепользователей являлись агрономические чтения. Их проводили агрономические смотрители. Такие чтения проходили в основном в зимний период времени, когда крестьяне не были заняты сельскохозяйственными работами. «...В Уссурийском казачьем войске в 1914 году агрономическим смотрителем Харченко была разработана специальная программа просвещения местных крестьян по различным вопросам сельского хозяйства. Беседы агронома касались вопросов зерна, которое необходимо брать для посева, его очистки, подготовки почвы для посева, навозного удобрения, его сохранения, вывозки и запашки. Крестьяне с вниманием относились к советам и указаниям специалиста. Часто сами задавали вопросы из области земледелия. Только в казачьих посёлках Бикинского округа агрономические чтения в 1916 году посетило 94 человека взрослых и 19 подростков» [10]. Такая форма агрономического просвещения благоприятно влияла на подъём агрономической культуры землепользователей Дальнего Востока.

Просвещение землепользователей касалось не только полеводства, но и других сельскохозяйственных промыслов. Так, в Амурской области работал передвижной показательный пчеловодческий музей инструктора по пчеловодству В. Я. Груднова. «Инструктор давал полную информацию о том, как заняться этим делом. В музее было всё, что необходимо для этого. Крестьяне узнавали об анатомии и истории пчёл, их жилищах (модели ульев, колода и рамка), о том, как ухаживать за пчёлами, о приборах для обработки мёда, наващивания рамок, кормлении пчёл, обработке воска, организации их зимовки, болезнях, аптеке пчеловода, медоносных растениях, пчеловодной литературе» [12, 9].

Огромное значение для распространения сельскохозяйственных знаний в регионе имели съезды сельских хозяев, которые проходили на Амурско-Приморских выставках. Одна из таких выставок проходила в 1899 году в г. Благовещенске. На съезде землепользователи поднимали важ-

ные сельскохозяйственные вопросы, которые касались различных регионов Дальневосточного края: о болезни культурных злаков в Южно-Уссурийском крае («пьяный» хлеб), развитии коневодства, прививках скота, развитии пчеловодства и др. [4, л. 14]. Большая заслуга в решении этих вопросов принадлежит крупным землевладельцам Г. А. Фику, М. И. Янковскому, П. Н. Пальчевскому и др. Будучи образованными людьми, они не только сами применяли новые агрономические знания в своих хозяйствах, занимались селекцией зерновых и садовых растений, домашнего скота, но и делились своими достижениями. Они считали, что все частные результаты, добытые отдельными лицами, необходимо делать общим достоянием. Материалы съезда были напечатаны и стали общедоступными.

Большая просветительная работа с землепользователями осуществлялась через специализированный журнал «Приморский хозяин». Издавало его Приморское областное агрономическое общество. Ежемесячный журнал был посвящён вопросам сельского хозяйства Приморской области. Главная цель «Приморского хозяина» – знакомство с особенностями местного сельского хозяйства и выяснение коренных нужд землепользователей. Редактором журнала был областной агроном А. Эггенберг. Журнал включал в себя 17 разделов, в которых публиковались статьи о крестьянских делах, советы о том, как получить хорошие урожаи в Уссурийском крае и что необходимо делать для развития своего хозяйства. Практическая польза содержалась в советах специалистов Департамента земледелия, крестьян, которые уже достигли успехов. Тематика публикаций постоянно расширялась, журнал завоевал авторитет у землевладельцев. Среди авторов были люди самых разных сословий: крестьянин И. Худяков, священник С. Лебедев, врач Н. Кириллов, профессор Восточного института Н. Кюнер, ветфельдшер И. Голуб, хуторянка О. Мушкина и другие, заинтересованные в распространении популярных знаний, своего опыта, желающие помочь селянам. Статьи иллюстрировались фотографиями, рисунками, схемами. На страницах издания велись дискуссии, давались практические советы не только по земледелию, животноводству, пчеловодству, но и по организации кооперативов, кредитных товариществ [5].

Показательной формой организации обратной связи через журнал стала рубрика «Вопросы и ответы». Землепользователи получали квалифицированные ответы на интересующие их вопросы: «Прошу указать лучшие породы племенных свиней для местного разведения», «О пользе золы в качестве удобрения», «Устройство парников», «Где можно достать лучшие ягодные семена?» [11].

Редакция журнала помогала читателям не только советами, но и выделяла особо нуждающимся семена, химические препараты, сельхозинвентарь. Тираж «Приморского хозяина» составлял 2000 экз. (по тем временам большой), у него было 600 подписчиков. Годовая подписка обходилась читателям в 1 р. 50 коп., однако «Приморский хозяин» рассылался бесплатно во все сельские и волостные правления, деревенские школы и в другие сельские общественные организации [5].

Не только государство было озабочено агрономическим просвещением крестьянства, но и общество. В 1896 году в г. Никольск Южно-Уссурийского края из представителей местной интеллигенции – военных врачей, лесничих и офицеров местного гарнизона было создано Общество любителей садоводства и огородничества. Учреждение активизировало интерес к садоводству и огородничеству прежде всего у крестьянства. «В настоящее время симпатия и доверие начали обнаруживаться в среде крестьянского населения, коему она ежегодно оказывает бесплатную помощь раздачей черенков, семян и целых растений, а также не упускает случаев через своих членов указывать всем интересующимся простейшие и лучшие способы прививки и ухода за плодовыми растениями. Весной Общество разослало почтою 1200 черенков яблонь и груш, до 420 черенков чёрной, красной и белой смородины, 60 кустов и 20 корней красной и жёлтой сливы и значительное количество фруктовых и огородных семян» [9].

Интерес к садоводству и огородничеству сближал ранее незнакомых людей. Они обменивались информацией о своих наблюдениях, испытанными сортами. Образованные дальневосточники старались помочь крестьянам освоить культуру садоводства и огородничества.

В конце XIX – начале XX века огородничество на Дальнем Востоке было распространено повсеместно и служило только для удовлетворения потребностей населения, но вблизи городов и крупных населённых пунктов, где были сосредоточены войска в сёлах Больше-Михайловском,

Вятском, а также на Русском острове, в окрестностях городов Никольска, Хабаровска, огородничеством стали заниматься в торговых целях [6]. Большую роль сыграло агрономическое просвещение крестьян.

При содействии местной администрации в крае расширялось применение усовершенствованных земледельческих орудий: плугов, жней, молотилок и вялок. Появление сельскохозяйственной техники сначала коснулось крупных частновладельческих, затем фермерских хозяйств – «старожилов». Убедившись воочию в преимуществах земледельческих машин, сельскохозяйственную технику стали использовать и крестьяне-общинники, покупая её в складчину. «В Амурской области нет ни одного хозяина без плуга. На каждые 10 дес. приходится по одному плугу. В Гильчинской волости по 2 плуга. Иметь хорошую сноповязалку – мечта каждого хозяина. Жатвенных машин как сноповязалок – 5,943 шт. Более всего приходится на Ивановскую волость. На хозяйство по одной уборочной машине. Сеялок у сельских хозяев – 2,958 шт., 1 сеялка на 4-5 хозяев» [13].

К началу XX века Дальний Восток полностью обеспечивал себя хлебом. «За десять предшествующих революции лет площадь посевов в Приморье и на Амуре увеличилась в 2 с лишним раза. По темпам роста посевных площадей регион опережал не только Европейскую Россию, но и Сибирь. В Сибири в 1911–1917 годах среднегодовой прирост посевных площадей составлял 3,3 %, а на Дальнем Востоке – 6 %. Рост посевных площадей опережал рост численности населения в крае» [1, 166].

Несомненно, основными поставщиками зерновых культур на рынок были крепкие частновладельческие и фермерские хозяйства старожилов, которые составляли четверть всех землепользователей. Но появление культивируемых сельскохозяйственных культур в полеводстве, садах и огородах, применение новой сельскохозяйственной техники доказывало повышение агрономической культуры всех землепользователей. И основная заслуга в этом принадлежит государству и обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов, Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг.: моногр. / Ю. Н. Осипов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 196 с.
2. Алешин, П. Н. Исторический анализ развития начального сельскохозяйственного образования и агрономической помощи в России XIX – начала XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/Грнти/n/istoricheskiy-analiz> (дата обращения: 24.09.2018).
3. Более 34 тысяч «дальневосточных гектаров» выдано россиянам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2017/12/26/76678/> (дата обращения: 19.09.2018).
4. Государственный архив Хабаровского Края (ГАХК). Съезд сельских хозяев на Амуро-Приморской выставке 1899 года. Л. 14.
5. История переселения. Этапы. Крюков Николай Абрамович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://relocation.pgpb.ru/history/kryukov.html> (дата обращения: 28.09.2018).
6. Памятная книжка Приморской области на 1901 год. Ч. 2. Издание Приморского областного статистического комитета. – Владивосток: типография Приморского областного правления, 1901. – С. 31.
7. Приамурские ведомости. 1899. № 278.
8. Приамурские ведомости. 1900. № 324.
9. Приморский хозяин. 1916. № 3.
10. Приморский хозяин. 1912. № 6.
11. Путин: роль Дальнего Востока как локомотива [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rossaprimavera.ru/news/edf1e854> (дата обращения: 22.09.2018).
12. Сельское хозяйство в Амурской области. – Хабаровск: Типография Канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1912. – С. 3–9.
13. Чайнов А. В. – экономист, аграрник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vikent.ru/author/2393/> (дата обращения: 08.10.2018).

Мальцева Е. А.
E. A. Maltseva

ТИПОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ: КОНЦЕПЦИЯ МНОГООБРАЗИЯ ВИДОВ

TYPOLOGY OF KNOWLEDGE: CONCEPT OF SPECIES DIVERSITY

Мальцева Елена Александровна – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения (Россия, Новосибирск); 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191; тел.: +7 (383) 328-04-54. E-mail: eamaltseva@yandex.ru.

Ms. Elena A. Maltseva – PhD in Arts, Associate Professor, Philosophy and Cultural Studies Department, Siberian Transport University (Russia, Novosibirsk); 630049, Novosibirsk, 191 Dusya Kovalchuk str.; tel.: +7 (383) 328-04-54. E-mail: eamaltseva@yandex.ru.

Аннотация. Объектом исследования выступает концепция многообразия видов познания, рассматриваемая современной эпистемологией в качестве новой парадигмы. Дана характеристика основных типов познания – обыденного, мифологического, религиозного, научного, философского, художественного; выделены их специфические черты, роль в познании действительности. Сделан вывод об особом гносеологическом статусе каждого вида познания, его относительной самостоятельности и взаимодополняемости в процессе познания окружающего мира.

Summary. The object of research is the concept of the diversity of types of knowledge, which is considered by modern epistemology as a new paradigm. The characteristic of the main types of knowledge – ordinary, mythological, religious, scientific, philosophical, artistic, is given; their specific features and possibilities in cognition of reality are highlighted. The conclusion is made about the special epistemological status of each type of cognition, their relative independence and complementarity in the process of cognition of the surrounding world.

Ключевые слова: познание, виды познания, мифологическое познание, религиозное познание, обыденное познание, научное познание, философское познание, художественное познание.

Key words: cognition, types of knowledge, mythological knowledge, religious knowledge, everyday knowledge, scientific knowledge, philosophical knowledge, artistic knowledge.

УДК 165.19

Возможность познания человеком мира – проблема, привлекавшая к себе внимание философии на протяжении всей её истории. В отдельные периоды данная проблема отходила на второй план, в какие-то актуализировалась и вызывала дискуссии, подчас достаточно острые. Таким временем дискуссий стал рубеж XX-XXI веков – время поисков новых подходов к пониманию мира и человека, новых методов познания, и одним из главных направлений преобразования теории познания в данный период стало утверждение концепции многообразия видов познания.

В классической философии традиционно была выражена сциентистская ориентация, в рамках которой научное познание оценивается как высший уровень познания, а другие виды познания изначально трактуются как уступающие науке и по результативности, и по значимости. Эта тенденция присутствовала и в отечественной философии. Так, в «Философском словаре» под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина (1963) в качестве главной задачи познания определяется «достижение объективной истины, обработка данных чувственного познания абстрактно-логическим языковым мышлением, которое осуществляется в форме понятий, суждений, умозаключений» [21], то есть знание связывается с его рациональной формой, эталонным выражением которой считается научное знание; другие виды знания в словаре не упоминаются.

В «Философском энциклопедическом словаре» (1983) называются такие типы познания, как обыденное, художественное и научное, однако искусство рассматривается главным образом

как форма общественной деятельности, а основным средством познания по-прежнему признаётся наука [22].

Переломным моментом в утверждении плюралистического подхода к познанию для отечественной эпистемологии стало издание сборников, подготовленных Институтом философии РАН и изданных в 1990, 1996 годах, в которых анализируются разные формы знания, обосновывается их самостоятельная познавательная ценность и специфичность когнитивных функций каждого из видов познания, и, таким образом, теоретически оформляется концепция многообразия видов познания [8; 10].

Авторы «Новой философской энциклопедии», изданной в 2000 году, анализируя ступени эволюции познания, выделяют в качестве таковых повседневный опыт, магию, миф, искусство, религию, право, философию, мораль, идеологию, науку, подчёркивая, что данные типы познания «приобретают автономные функции и обогащаются содержанием в ходе взаимодействия между собой» [15]. При этом одни типы познания накапливают, сохраняют и воспроизводят опыт (миф, религия, мораль, право), другие занимаются его развитием и обновлением (магия, искусство, философия, наука), но все они имеют не только социокультурное значение, но и определённый гносеологический статус.

Анализ современной философской литературы показывает признание авторами многообразия типов познания, появление интереса к изучению отдельных видов вненаучного знания в рамках данного подхода. Это позволяет рассматривать обыденное познание не как примитивное, а как ценное и значимое в системе познания мира, мифологию и религию не как иллюзорное, превращённое сознание, а как особые типы познавательного отношения к действительности и т. д. Таким образом, исследователями создан «контекст содержательного рассмотрения различных форм познания, в котором их отличия от науки трактовались не как недостатки, а как особенности», выявлялась их когнитивная сила [13]. Этот процесс Н. И. Мартишина оценивает как утверждение новой парадигмы, однако при этом пишет о существующем в современной отечественной теории познания разрыве – концепция многообразия типов познания принимается на уровне декларации, но отвергается в процессе построения выводных концепций (срабатывают традиционные установки). Автор объясняет данную ситуацию, относя концепцию к «философским крайностям», доводящих идею до логического предела, ломающих стереотипы, указывающих новые пути развития философской мысли.

Надо отметить, что стройная систематизация типов познания в современной гносеологии отсутствует, называются лишь отдельные типы (или виды, формы) познания. В качестве основных выделяются обыденное, мифологическое, религиозное, художественное, научное, философское. Последуем данной схеме и дадим характеристику каждому типу.

Обыденное знание впервые было выделено в античной философии в связи с разграничением «знания» и «мнения». «Мнение» противопоставлялось «знанию» по следующим параметрам: «мнение» – нефилософское, практическое, в отличие от знания философского, теоретического; оно предполагает особый склад ума (рассудительность), в отличие от теоретических форм мысли; оно является общим мнением, в отличие от знания профессионалов. Аристотелевская концепция «фронезиса» как житейской мудрости может быть рассмотрена в этом контексте в качестве попытки утвердить важность обыденного познания, его незаменимость в решении некоторых познавательных задач.

К проблеме обыденного познания обращалась немецкая классическая философия. Так, И. Кант разграничивал теоретическое и практическое познания, разум как абстрактное, строго организованное мышление и рассудок как простую способность составлять суждения. Г. Гегель, стремясь осмыслить взаимосвязь обыденного познания, науки и философии с точки зрения диалектического подхода, приходит в том числе и к идее относительной автономности обыденного сознания.

В философии марксизма обыденное знание рассматривалось как форма «ложного» сознания, «схватывающая» главным образом видимость вещей, явлений, но не раскрывающая его внут-

ренные свойства, констатирующая события, но не выявляющая их подоплёку. В работах советского периода обыденное познание по большей части противопоставлялось научному.

В XX веке к проблемам обыденного знания обращались представители логического позитивизма и философии языка философы-прагматисты, структуралисты, феноменологи. В рамках социологии знания (А. Шюц, Т. Лукман, П. Бергман) решался вопрос о том, как происходит развитие, передача и фиксация обыденного знания. В отечественной науке тема получила развитие в трудах М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, Ю. М. Лотмана. Интерес к изучению обыденного познания как самостоятельного феномена обостряется в 1990-е гг. – оно выделяется из широкого спектра вненаучного знания, делаются попытки выделить его структуру, специфику, дать онтологические и аксиологические характеристики [4; 5; 6; 7; 18; 24].

Состав обыденного знания достаточно сложен и включает в себя множество компонентов. С точки зрения генезиса Б. Я. Пукшанский предлагает выделять три типа обыденных практических знаний.

Первый – практические знания, складывающиеся в результате личного жизненного опыта каждого, в целом не зависящие от научно-теоретической мысли, но корректируемые отдельными знаниями из опыта науки.

Второй – жизненно-практические знания, обобщающие коллективный социальный практический опыт, накопленный поколениями и усваиваемый индивидом в процессе социализации.

Третий – многообразные знания из области науки, нравственности, права и других сфер культуры, усваиваемые человеком через специализированные формы, такие как образование, СМИ, повседневное общение и др. [18, 25].

Специфика обыденного знания видится в первую очередь в том, что для его приобретения, хранения и эффективного применения не требуются специальная подготовка, методы и средства познания; достаточной является социокультурная деятельность человека. Субъект обыденного познания получает знания о деятельности в процессе самой деятельности (у Аристотеля – «строя дома, становятся зодчими, играя на кифаре – кифаристами» [2, 648], а значит, обыденное познание является процессуально-деятельностным).

Объекты обыденного познания лежат в границах жизнедеятельности субъекта, а значит, могут быть легко проверены практикой. Такая подтверждаемость знания практикой позволяет человеку адаптироваться к разнообразным природным явлениям, вырабатывать эффективные способы социального взаимодействия. Это путь «проб и ошибок» – и индивидуальных, и групповых, он фиксируется в традициях, ритуалах, правилах, мировоззренческих универсалиях. Р. Н. Дождикова показывает, что трансляция обыденного знания от старшего поколения к младшему [5, 33] соответствует универсальной модели «социальной эстафеты» (термин введён М. А. Розовым для характеристики механизмов преемственности в познании и практике).

Принципиальными ограничениями обыденного познания являются неспособность проникнуть в сущность явлений реальности, невозможность создания целостной картины мира.

Первые попытки истолкования мифа относятся к античной эпохе – древнегреческая философия впервые обозначила проблему соотношения мифа и рационального знания, наметив понимание мифа как наивной формы мышления, заблуждения человеческого сознания.

Средневековая традиция рассматривает мифологию как языческое невежество. Французское Просвещение продолжило линию «демифологизации», рассматривая миф как заблуждение не критического сознания, результат дикости и невежества. При этом в Новое время появились и работы, заложившие основы серьёзного изучения данного феномена. Дж. Вико, Ф. В. Шеллинг, Ф. и А. В. Шлегели привнесли новое наполнение в толкование мифа, понимая его как особый тип мышления, проявление творческих сил человека.

Большой интерес исследователей к феномену мифа продемонстрировал XX век. Работы Д. Фрезера, К. Леви-Строса, Э. Дюркгейма, А. Ф. Лосева, Е. М. Мелетинского и др. авторов сформировали систему объяснения природы мифа как эстетического феномена, выражения бессознательного, формы языковой деятельности; в этом контексте был развит и взгляд на миф как вид донаучного познания.

Миф стал первой формой познания, выведившей человека за пределы повседневного опыта. В нём проявилось стремление познать мир как целое, объяснить истоки его существования. В данном случае познание носит образно-символический характер, строится на деятельности воображения.

Создаваемый мифом образ мира определяется теми характеристиками, которыми наделено мифологическое мышление. Это антропоморфизм, то есть осмысление мира через его сопоставление с человеком, отождествление человеческих и природных сил. Другая черта – генетизм, понимаемый как подмена причинно-следственных связей прецедентом, сущности объекта – его происхождением. Важной характеристикой является метафоричность и символизм мифа – конкретные предметы в мифе могут заменять другие предметы явления, становиться их символами. В качестве существенной особенности можно выделить наличие бинарных оппозиций – миф развивается на основе осознания противоположностей, стремится к их преодолению. Выделял такую черту, как отсутствие отделения образа от вещи, внутреннего от внешнего, объективного от субъективного, то есть синкретичность мифологического образа А. А. Потебня [17].

Современная философия представляет миф не как локальное явление, характеризующее первобытную эпоху, а как некий формообразующий элемент, присущий любой исторической эпохе. Так, Н. З. Алиева делает вывод о том, что «мифология универсальна, она не заменяет формы человеческого бытия: политику, идеологию, науку, философию, она всегда сосуществует с ними» [1]. Мифологический способ освоения мира продолжает жить в сознании человека, в том числе и современного. По мнению В. М. Пивоева, «на нём базируется, например, способность к эмпатии, творческому перевоплощению, субъективному (воображаемому, мысленному) “отлёту” от своего “я” и переходу, переносу “я” в некоторый объект (образ, предмет, представление)» [16, 98].

Над описанием религии познания как особой системы познания мира, выявлением принципов религиозного познания много работали русские религиозные философы и богословы. Представление о религии как системе видения мира дали А. С. Хомяков, В. С. Соловьев; вслед за ними многие современные авторы рассматривают религиозное познание как специфическую форму осмысления бытия.

Религия направлена на познание сверхъестественного мира и «вовсе не стремится к идеалу объективного знания, хотя полностью его не исключает... Религия устремлена на постижение связи не ограниченного и конечного предмета с другим конечным предметом, а человека с бесконечным Богом» [23].

В качестве элементов религиозного познания Д. А. Толстиков предлагает выделить супертезис (определённая точка зрения, сквозь призму которой воспринимается и оценивается действительность), веру (как познание духа посредством духа) и ритуал (совокупность строго регламентированных действий с духовным подтекстом, своеобразный инструмент познания) [20].

Важнейшими характеристиками религиозного познания называют:

- установку супранатурализма, проявляющуюся в делении всего сущего на два уровня бытия – естественного и сверхъестественного;
- внерациональность (эмоционально-волевые акты, поступки) и сверхрациональность (мистические переживания, интуиция) процесса познания;
- субъектно-диалогическую персонификацию объекта познания (диалогическая модель отношений человека и сверхъестественного бытия как субъекта познания);
- экзистенциальный характер познания (религиозное познание имеет целью решение экзистенциальных проблем человеческого существования);
- символизм языка познания;
- догматизм метода религиозного познания, заключающийся в имеющейся совокупности исходных положений, не подвергаемых сомнению [26].

Художественное познание в спектре видов познания предстаёт как «образное постижение действительности, представляющее её во всей полноте и многообразии её характеристик и являющееся альтернативой понятийно-логическому постижению действительности» [25, 265].

Специфика художественного познания подвергалась осмыслению в работах западных и отечественных авторов. Начало формирования представлений о его истоках и сущности можно обнаружить в античности, в философии Пифагора и Платона; дальнейшее развитие приходится на Средние века. Это идеи Августина Блаженного, Дионисия Ареопага. Философы Нового времени, в частности Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, рассматривали художественное познание как взаимосвязь разума, воображения и ассоциаций.

Свой вклад в обоснование гносеологической функции искусства внесли представители европейского Просвещения, немецкой классической философии. В работах авторов постнеклассического периода (Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, У. Эко) обосновываются возможности художественного познания мира, акцентируется внимание на специфике и внутреннем разнообразии создаваемой искусством картины мира. Современная отечественная эпистемология (В. А. Лекторский, И. Т. Касавин, В. Н. Порус и др.) также рассматривают художественное познание в ряду других форм вненаучного познания как самостоятельный феномен.

Как показано И. Я. Лойфманом, художественное познание реализует все ключевые функции познавательной деятельности: отражение мира и места человека в нём в идеальном плане, обобщение, выявляющее закономерности, взаимосвязи, тенденции объективного и субъективного бытия, переход от явления к сущности, прогнозирование на основе экстраполяции обнаруженных тенденций [12].

Специфика художественного познания в какой-то мере определяется его двойственностью. С одной стороны, познание осуществляется в процессе создания произведения искусства (то есть познающим субъектом является мастер, творец), с другой стороны, познавательным является процесс восприятия произведения зрителем (слушателем, читателем). Автор и реципиент взаимосвязаны с помощью их деятельности: художник даёт своё, индивидуальное, видение объектов и явлений окружающего мира, зритель дополняет его своей субъективностью, – происходит процесс так называемого «сотворчества».

Художественное познание часто описывают как «мышление в образах», противопоставляя его познанию научному, являющемуся «мышлением в понятиях». Таким образом подчёркивается преимущественно эмоционально-чувственная природа данного вида познавательной деятельности. Художественное познание становится своего рода эмоционально окрашенным эстетическим переживанием.

При этом искусство имеет явно выраженную ценностную ориентацию. Она проявляется в пристрастиях, интересах, идеалах, присущих познающему субъекту. Оценочное отношение к отображаемому объекту внутренне присуще произведению искусства, имманентно ему. Автор не может быть безразличен к своим героям, сюжетам. В этом, наверное, основное различие между техническим рисунком и рисунком художественным, документальной фотографией и фотографией художественной и т. д. Произведение искусства не просто воспроизводит облик и структуру объекта, а даёт ему оценку.

С точки зрения М. С. Кагана, «познание объекта и познание отношения художника к объекту выступают в процессе художественного творчества не как два разделительных акта, а как единое, целостное и нерасчленимое движение образной мысли» [9, 106]. В художественном познании открываются новые грани окружающего мира и новые грани его ценности.

Произведение искусства в результате само попадает в разряд ценностей. И если, например, в науке новое открытие может перечеркнуть ценность предыдущего знания, то в искусстве такого не происходит. Художественное произведение, являясь порождением определённой исторической эпохи, продолжает жить в социально-культурном пространстве, подчас порождая новые идеи и смыслы. История искусства – это череда вершин, не теряющих своей ценности для общества.

Кроме того, в качестве важных характеристик художественного познания называют следующие:

- целостное, а не расчленённое отражение мира;
- самоочевидность, самодоказательность, возможность интуитивного постижения действительности;

- неповторимость, уникальность создаваемых образов мира;
- рассмотрение общего на уровне единичного или через него;
- допустимость вымысла в описании единичного для выражения всеобщего;
- наглядность как основа логических переходов и выводов;
- наличие особого языка – эмоционального, образного, эстетически нагруженного.

Научное познание является особым видом деятельности, «нацеленной на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире» [25, 212]. Непосредственной целью научного познания является объективная истина, приобретаемая преимущественно рациональным способом.

Проблема демаркации науки является одной из существенных проблем философии науки. Выявление критериев научности занимает философию несколько столетий – с этапа становления классической науки до современности. Последовательно предлагали критерии, разграничивающие научную и ненаучные формы познания, Ф. Бэкон, Р. Декарт, О. Конт, О. Нейрат, К. Поппер, И. Лакатос и др. авторы. В современных эпистемологических исследованиях чаще утверждается, что составить полный список параметров, которые бы полностью определили, что такое наука и отделили бы её от других видов познания, невозможно и можно говорить скорее не о критериях, а о признаках или чертах научного познания; каждый из таких признаков не является уникальным в общей системе познания, но в совокупности они достаточно полно описывают специфику науки. При такой постановке вопроса можно выделить следующие важные черты научного познания в целом:

- ориентированность на открытие объективных законов действительности;
- применение специальных средств и методов познания (наука оперирует специальным языком, использует особые комплексы приборов, разрабатывает и применяет специальные методы познания);
- опора на строгую систему доказательств, оно [научное познание] аргументированно, логично, обоснованно;
- внутренняя системность, формальная непротиворечивость знания;
- специфическая подготовка, специальное обучение субъекта познания;
- воспроизводимость как возможность получить любым исследователем тот же результат;
- критичность, позволяющая избегать догматизма.

Философское познание, с точки зрения И. Т. Касавина, родилось «из критико-рефлексивной оценки мифа и раннерелигиозных культов и одновременно как обобщение повседневного, мифического и ранненаучного опыта» [25, 260]. Целью философского познания является выявление смысла и цели человеческого существования, то есть основу его специфики составляет мировоззренческий характер. Вячеслав Семёнович Степин пишет, что философия является теоретическим ядром мировоззрения [19, 77], рациональными средствами она пытается создать обобщённую картину мира.

Поиски мировоззренческих ориентаций приводят философию к выявлению универсалий, выражающихся в понятийно-логической форме, в виде философских категорий. Специфика философии как вида познания связана также с её языком. С одной стороны, язык философии – строгий, логичный, построенный на использовании категориального аппарата, с другой стороны, он может иметь художественную форму, обращённую к эмоциональной сфере читателя (в этой связи М. К. Мамардашвили делит философские тексты на прямые, то есть аналитические и косвенные – выразительные).

Ещё одной специфической чертой философского познания является мультипарадигмальность. Для философии характерен плюрализм школ, течений, направлений. Каждая эпоха порождает свои философские системы, особые типы философствования, при этом ни одна из систем не может быть признана единственно верной; утверждается возможность и необходимость одновременного существования многообразия мировоззренческих ориентаций. В связи с этим в философии не наблюдается поступательного движения к полному истинному знанию (что характерно для

науки), она вновь и вновь возвращается к старым проблемам, подхватывает, казалось бы, забытые идеи, выдвигает новые, создавая на этой базе очередные концепции.

Таким образом, каждый из видов познания обладает определённой гносеологической спецификой, решает свои познавательные задачи и вносит свой вклад в формирование общей картины мира. Современная философия рассматривает различные типы познания как способы осмысления действительности, обладающие относительной самостоятельностью и дополняющие друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева, Н. З. Философское осмысление мифа в современном мире [Электронный ресурс] / Н. З. Алиева // Манускрипт. – 2017. – № 6-1(80). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskoe-osmyslenie-mifa-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 12.05.2019).
2. Аристотель. Поэтика. В 4 т. Т. 4 / Аристотель. – М., 1983. – 830 с.
3. Галанина, Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры / Е. В. Галанина. – М.: Изд. дом «Академия естествознания», 2013. – 130 с.
4. Дождикова, Р. Н. Обыденное знание и его особенности [Электронный ресурс] / Р. Н. Дождикова. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/2765/3/07%20Дождикова.pdf> (дата обращения: 12.05.2019).
5. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание: структура и пути формирования / Р. Н. Дождикова // Социология. – 2016. – № 2. – С. 34–44.
6. Дождикова, Р. Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания / Р. Н. Дождикова // Вопросы Философии. – 2013. – № 2. – С. 33–41.
7. Зверева, Ю. Ю. Композиционная специфика обыденного познания / Ю. Ю. Зверева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 1(15) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompozitsionnaya-spetsifika-obydenного-poznaniya> (дата обращения: 31.03.2019).
8. Знание за пределами науки / отв. ред. И. Т. Касавин. – М.: Изд-во ИФ РАН, 1990. – 199 с.
9. Каган, М. С. Познание и оценка в искусстве. Проблема ценности в философии / М. С. Каган. – М.: Наука, 1966. – С. 98–112.
10. Касавин, И. Т. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / И. Т. Касавин. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – 464 с.
11. Колмакова, Е. А. Рациональность обыденного познания: здравый смысл и рассудок [Электронный ресурс] / Е. А. Колмакова // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnost-obydenного-poznaniya-zdravyy-smysl-i-rassudok> (дата обращения: 31.03.2019).
12. Лойфман, И. Я. Художественный образ / И. Я. Лойфман // Двадцать лекций по философии. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – С. 98–101.
13. Мартишина, Н. И. Концепция многообразия видов познания: о некоторых следствиях парадигмы [Электронный ресурс] / Н. И. Мартишина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 1(10). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mnogoobraziya-vidov-poznaniya-o-nekoto-ryh-sledstviyah-paradigmy> (дата обращения: 12.05.2019).
14. Мартишина, Н. И. Тема «Наука и вненаучное знание» в курсе философии науки [Электронный ресурс] / Н. И. Мартишина // Epistemology & Philosophy of Science. – 2005. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-nauka-i-vnenauchnoe-znanie-v-kurse-filosofii-nauki> (дата обращения: 15.04.2019).
15. Новая философская энциклопедия / Институт философии РАН. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2000–2001. – Т. 1–4.
16. Пивоев, В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В. М. Пивоев. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 111 с.
17. Потенба, А. А. Слово и миф / А. А. Потенба – М.: Правда, 1989. – 624 с.
18. Пукшанский, Б. Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления / Б. Я. Пукшанский. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 154 с.
19. Степин, В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.

20. Толстиков, Д. А. Религиозные элементы познания / Д. А. Толстиков // Омский научный вестник. – 2012. – № 5. – С. 125–127.
21. Философский словарь [Электронный ресурс] / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1963. – Режим доступа: <http://bse.uaio.ru/FIL1963/fsl1963.htm#s336> (дата обращения: 31.03.2019).
22. Философский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с.
23. Чельшев, П. В. Проблема соотношения науки и религии как форм познания в истории культуры [Электронный ресурс] / П. В. Чельшев // Манускрипт. – 2017. – № 3-2(77). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-nauki-i-religii-kak-form-poznaniya-v-istorii-kultury> (дата обращения: 12.05.2019).
24. Чернякова, Н. С. Обыденное и мифологическое познания как формы практически-духовного освоения мира [Электронный ресурс] / Н. С. Чернякова // Манускрипт. – 2016. – № 7-1(69). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obydennoe-i-mifologicheskoe-poznanie-kak-formy-prakticheski-duhovnogo-osvoeniya-mira> (дата обращения: 31.03.2019).
25. Энциклопедический словарь по эпистемологии / под ред. чл.-корр. РАН И. Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2011. – 480 с.
26. Юшков, К. М. Религиозное познание как форма осмысления бытия: опыт гносеологического анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Юшков Кирилл Михайлович. – Магнитогорск, 2010. – 23 с.

Рычкова И. В.

ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ МОНТАЖ КАК ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «ПОЛТОРА ЧАСА ДО ОБЪЯТИЙ» РЕЖИССЁРА О. А. КАНИЩЕВА. «ДАЛЬТЕЛЕФИЛЬМ», 1969 г.)

Рычкова И. В.

I. V. Rychkova

ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ МОНТАЖ КАК ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «ПОЛТОРА ЧАСА ДО ОБЪЯТИЙ» РЕЖИССЁРА О. А. КАНИЩЕВА. «ДАЛЬТЕЛЕФИЛЬМ», 1969 г.)

POLYPHONIC MONTAGE AS A CREATIVE METHOD IN DOCUMENTARY CINEMA (ON THE EXAMPLE OF THE DOCUMENTARY FILM «ONE AND A HALF HOURS BEFORE THE EMBRACE» DIRECTED BY O. A. KANISHCHEVA. «DALTELEFILM», 1969)

Рычкова Ирина Владимировна – аспирантка Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690922, Приморский край, остров Русский, Аякс, 10; тел.: +7 (902) 523-91-75. E-mail: veineya@mail.ru.

Irina V. Rychkova – graduate student of the Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 690922, Primorsky territory, Russky Island, 10 Ajax; tel.: +7 (902) 523-91-75. E-mail: veineya@mail.ru.

Аннотация. Современная социальная структура культуры многослойна: высокие и низкие стили отражения действительности в ней совмещаются, создают многоголосие, полифонию. Особенно это проявляется в таком виде искусства, который и современен, и имеет традиции, уходящие корнями в театр, и сценическую образность, – кинематограф. Кинематограф XX века в его документальном жанре даёт основу для медийного творчества XXI века. В своей работе мы обратили внимание на новаторство полифоничного монтажа в документальной драматургии студии «Дальтелефильм» и её режиссёра О. А. Канищева. Исследование полифонической структуры фильма даёт возможность постигнуть тонкости специфики режиссёрского творчества, проследить процесс создания художественного образа в кино и сложной структуры кинопроизведения в целом. Предложены также разбор и изучение творческих методов в фильмах студии «Дальтелефильм». Одним из важнейших является полифонический монтаж, который соединяет кадр и звук в единое целое (полифонию), а в ряде случаев звук может играть более важную роль, чем изображение.

Summary. The modern social structure of culture is multi-layered, the high and low styles of reflection of reality in it are combined, create harmonized music, polyphony. This is particularly evident in the kind of art, that is both modern and has traditions that go back to the theater and stage imagery - cinema. The cinema of the 20th century in its documentary genre provides the basis for media creativity of the 21st century. In our work, we drew attention to the innovation of polyphonic montage in the documentary dramaturgy of «Daltefilm» studio and its director O. A. Kanishcheva. The study of the polyphonic structure of the film makes it possible to comprehend the subtleties of the specifics of directorial creativity, to trace the process of creating an artistic image in cinema and the complex structure of film production as a whole. Also, the analysis and study of creative methods in the films of «Daltefilm» studio are proposed. One of the most important is polyphonic montage, which connects the frame and sound into a single whole (polyphony), and in some cases sound can play a more important role than the image.

Ключевые слова: экранные искусства, полифонический монтаж, «Дальтелефильм», культурное пространство, Дальний Восток, Владивосток, медиа.

Key words: screen arts, polyphonic montage, «Daltefilm», cultural space, Far East, Vladivostok, media.

УДК 7.094, УДК 372.87

«Повседневность – весьма существенная сфера жизни, если мы на мгновение отбросим наши сознательные убеждения, идейные цели, чрезвычайные обстоятельства и т. п., то у нас всё же остаются горести и радости, ссоры и праздники, нужды и стремления, которыми отмечена наша обыденная жизнь. Вот эту ткань повседневной жизни, структура которой различна в зависимости от страны, народа и времени, обычно исследуют фильмы» [2].

Несмотря на то, что творческие методы создания произведений документального кино студией «Дальтелефильм» в 70–90-е гг. XX века до сих присутствуют в медийном и телевизионном

пространствах (и, соответственно, в культурном поле) Приморского края, культурологическому анализу наследие «Дальтелефильма» ранее не подвергалось. Изданы историко-мемуарные материалы (В. Ткачев, В. Патрушев), создан историко-информационный сайт на ресурсе ГТРК «Владивосток» (<http://history.vestprim.ru/>). Все эти материалы и ресурсы не ставили задачи анализа творческих методов, применяемых на «Дальтелефильме».

В режиссёрской аннотации к самому знаменитому, наверное, фильму студии «Дальтелефильм» говорится: «Среди всех праздников во Владивостоке самый необычный в прошлом веке был ритуал встречи китобоев Антарктической флотилии “Советская Россия”. Позади – девять месяцев работы в ревуших сороковых широтах, ветры и стужа Антарктики. Позади девять месяцев разлуки. Прелюдией к фильму “Полтора часа до объятий” служат планы утреннего Владивостока, снятые в мягкой, задумчивой манере. От статики режиссура идёт ко всё более динамичным, полным экспрессии планам. Кульминацией их является встречный монтаж спешащих китобоев и встречающих их женщин, грохот падающих якорей, приветственные гудки всей бухты Золотой Рог. Но это ещё не сама встреча. Пройдёт долгих, томительных полтора часа швартовки, прежде чем обнимутся родные и близкие. Камера пристально вглядывается в лица ожидающих долгожданной встречи женщин, детей, отцов и матерей. Какая гамма чувств разыгрывается у них, как красноречивы их взгляды, движения рук! И как апофеоз встречи – объятия. Словно прорвало плотину, и выплеснулась на палубу флагмана сама страсть. Мечется, кружится, торопится камера, захваченная людским водоворотом. Операторскую работу удачно дополняет, а порой несёт основную нагрузку музыкально-шумовой рисунок фильма. Кинолента “Полтора часа до объятий” снималась в далёком 1969 году, но и в наши дни она смотрится с особым волнением. Фильм трудно назвать репортажем, хотя снят он в репортажной манере. Построение картины определил не хронологически запечатлённый ход события, а драматургия эмоций. И эта драматургия слила воедино образы города и людей, вернувшихся и встречающих; эта драматургия заставляет задуматься над тем, что принято называть трудным рыбацким счастьем. Авторская группа награждена главным призом “Трезубец Нептуна” IV Всесоюзного фестиваля “Человек и море” (Клайпеда, 1969 г.); главным призом “Янтарная волна” V Международного фестиваля “Человек и море” (Рига, 1970 г.); призом и дипломом Союза кинематографистов СССР “За лучшую режиссуру фильма” на IV Всесоюзном фестивале (Минск, 1970 г.)» [4].

Метод контент-анализа в сочетании с историческим осмыслением контекста создания экранных произведений позволяет формализовать режиссёрские и авторские оценки. Объективные содержательные характеристики любого произведения экранного искусства могут в себя включать: 1. Закадровый и внутрикадровый тексты. Язык фильмов. 2. Построение кадра. Монтаж. 3. Звук. Музыкальные и шумовые решения. 4. Преемственность сценической и кинодокументальной деятельности. 5. Определяемый адресат – аудиторию.

Согласно вычленимым дефинициям-характеристикам, формализованное описание документального фильма «Полтора часа до объятий» может выглядеть так: хронометраж – 15 мин, две части в техническом значении телевизионного производства на киноплёнке.

1. *Текст, язык фильма.* В фильме отсутствуют закадровый текст и текстовые отрезки, связанные смысловыми коннотациями, лишь внутри кадра цитаты из радиопередач, реплики в толпе.

2. *Кадр, монтаж.* Построение кадра определено движением навстречу – женщины и дети перемещаются в кадре слева направо, мужчины и даже духовой оркестр на улице – справа налево. Кульминационные кадры первой части – бегущая слева направо одинокая женщина с цветами (см. рис. 1) и перемежающиеся с её бегом кадры китобойного судна, идущего справа налево внахлест с волной (см. рис. 2).

Рис. 1. Бегущая слева направо одинокая женщина с цветами

Рис. 2. Кадры китобойного судна, идущего справа налево внахлест с волной

Очевидно, что снятый стилистически как репортаж истинно документальным репортажем этот фильм не является, штормы такого типа, как показано в фильме, в бухте Золотой Рог, на берегу и в акватории которой происходит действие фильма, быть не может ни по географическим, ни по метеорологическим законам. Движение к месту встречи в предложении кадров, не относящихся к площадке, на которой происходит событие, – причал Морского вокзала города Владивостока – метафора разлуки на долгое время на далёких расстояниях в Мировом океане. Самый последний кадр фильма – текстовый титр с таким содержанием: «Владивосток, 24 июня (ТАСС). После девятилетнего промысла во Владивосток возвратилась Антарктическая китобойная флотилия “Советская Россия”». Здесь как раз и указаны с детальной точностью и сроки расставания – 9 месяцев, и расстояния – в другом полушарии, у берегов Антарктиды. Режиссёр подчёркивает метафоричность кадра идущего по штормовой волне китобойного судна, убирая его фактически с места события, не давая никаких очертаний берегов или ещё каких-нибудь признаков, которые позволяли бы определить место.

Затем этот метод предъявления метафоры повторяется, когда китобойная флотилия даёт залп из носовых пушек, в кадре появляются пушки из сквера возле музея Тихоокеанского флота во Владивостоке, а не носовые китобойные пушки на промысловых судах. Хотя такой холостой залп действительно производился, когда флотилия входила в бухту Золотой Рог, но присутствовавшие на встрече люди его не видели, только слышали: от причала до места сбора людей было ещё определённое расстояние, не могли снять залп-салют и камеры, которые тоже находились на причале, а не на борту возвращающихся судов. Поэтому Канищев воспроизводит звук салюта возвращения,

но показывает исторические пушки, предлагая этим способом метафору эпичности события, его исторического значения, несмотря на то, что сам режиссёр определяет свой метод как «драматургию личных эмоций».

В фильме есть и кадр-самоирония, когда режиссёр уже вдоволь наигрался с приёмом встречного монтажа, когда движение навстречу уже приходит к логической развязке и должно произойти то главное, к чему ведёт вся логика репортажа, – встреча, объятия, – в этот момент очередность движения слева направо и справа налево заменяется мини-кадром движения сверху вниз: падают якоря в воду, шампанское плещет в бокалы. И это тоже кадр-метафора, не имеющий отношения к реальному событию.

В бухте Золотой Рог суда любого типа не становятся на якорь: якорные стоянки существуют за пределами портовой акватории; на внешнем и внутреннем рейдах, к причалам все суда швартуются, привязываясь к кнехтам. В фильме «Полтора часа до объятий» плавбаза «Советская Россия» снята дальним планом, на котором видно, что она отшвартована к причалам, а не стоит на якоре.

Важнейшее выразительное средство эпизода «ожидание – встреча – объятия» – крупные планы-портреты лиц и эмоций (см. рис. 3).

Имя файла: Полтора часа до объятий (1969).mp4
Размер файла: 42,7 МБ (44 862 738 байт)
Разрешение: 478х360
Длительность: 00:13:00

Рис. 3. Эпизод «ожидание – встреча – объятия»

С точки зрения оптико-механических возможностей того времени сделать такие крупные планы лиц было возможно только при постановке громоздких кинокамер с хорошей оптикой на временные площадки-помосты, поднятые примерно в рост человека. Это создавало эффект отсутствия кинокамер внутри события, и люди вели себя естественно, не обращая внимания на то, что на них нацелены мощные объективы.

Кстати, на 10-й минуте фильма коротким средним планом режиссёр показывает такой помост с оператором и камерой, а поскольку в этом фильме нет ни одного случайного кадра, то и этот кадр включён в монтажную ведомость осознанно (см. рис. 4) для объяснения зрителю механики ведения такого детального наблюдения за эмоциями людей на берегу.

Рис. 4. Помост с оператором и камерой

Это предположение косвенно подтверждается мемуарным замечанием ветерана «Дальтефильма» В. Г. Патрушева: «В монтаже документальной картины определённые кадры сами “тянутся” друг к другу, в них заложена определённая энергетика, причём разного свойства. Нам надо только точно определиться, какие качества мы будем накапливать в процессе соединения кадров. Олег Александрович Канищев, будучи инженером по образованию, часто говорил о том, что вычисляет свои фильмы на логарифмической линейке. Это как Сальери, который “гармонию алгеброй разъял”. И гармония у Канищева получается исключительная» [3].

3. *Звук, музыкальные и звуковые решения.* Звук фильма стилистически репортажный: звуки улицы, радиопередач, однако это кажущаяся спонтанность, звукоряд лишь в небольших фрагментах встречи на берегу записан на месте события. Девяносто пять процентов звуков, музыкальных фрагментов и иного шумового оформления сделано студийными методами. К примеру, появляющийся в кадре красноармеец-памятник с центральной площади Владивостока, символ Владивостока, и в XXI веке звуковым оформлением получает музыкальную фразу из песни времён гражданской войны: «Чтобы с боем взять Приморье, белой армии оплот». Казалось бы, тематически крупный план памятника подтверждён звукорядом соответствующей песни. Но в этом звуковом решении есть подтекст: музыкальная фраза из той самой песни, но звучат на самом деле исполнительски-позывные тогдашней популярной радиостанции для рыбаков и моряков Дальнего Востока «Тихий океан». Психологический настрой людей на встречу после долгой разлуки на долгие годы обеспечивал этой радиостанции самую массовую аудиторию на Дальнем Востоке и в Мировом океане. Создатели фильма «Полтора часа до объятий» этот психологический эффект использовали вполне осознанно, фиксируя не столько красноармейца как символ Владивостока, сколько рыбацкую тематику самого фильма. Этот аудиторно-психологический нюанс был осмыслен несколько в ином (не в кинематографическом) аспекте ещё в годы существования «Дальтефильма» – в 80-е гг. XX века. Главный редактор радиостанции «Тихий океан» В. А. Тураев писал для «Материалов по истории Приморского краевого комитета по телевидению и радиовещанию» в 1980 году: «К началу 1960-х гг. в дальневосточной рыбной промышленности наметился новый качественный этап – океанский промысел. Но работа в открытом океане была не просто новой формой промысла. Это было, прежде всего, новое психологическое состояние людей. К тому времени,

когда в дальневосточном эфире впервые прозвучали позывные “Тихого океана”, и рыбаки, и их семьи уже хорошо поняли, что такое разлука, что значит ждать долгие месяцы, не ощущать дыхания Родины. Появление “Тихого океана” было подготовлено изменившимися условиями труда и жизни десятков тысяч людей, он не мог не появиться, а появившись, сразу же стал тем недостающим звеном, которое соединило, пусть даже чисто символически, море и берег» [5].

Фильм «Полтора часа до объятий», задуманный как сборник символов и метафор, замаскированный под репортаж, просто не мог не воспользоваться позывными-символами, которые наверняка слышали все, кого на площади морского вокзала снимали громоздкие, но хорошо видящие камеры «Дальтелефильма».

Звук салюта-залпа входящей в бухту Золотой Рог флотилии в то время также был хорошо знаком людям, живущим во Владивостоке, никакие другие суда этот залп не делали, только китобои. Поэтому звукозапись залпа, вероятнее всего, аутентичная, действительно сделанная с помощью микрофонов Приморского радио и редакции радиостанции «Тихий океан» во время церемонии возвращения «Советской России». И в фильме «Полтора часа до объятий», в котором все специфические звуки, демонстрирующие особость и уникальность основного события, сведены вместе для создания единого звукового образа, залп-салют стоит вровень со звуками позывных радио, звуков оркестра, идущего по центральной улице, звяканья трамваев, из которых выбегают главные герои этого фильма, анонимные, но живые и со своими характерами.

4. *Сценография и кинематографичность.* Построение кадров-символов, смысловых метафор в фильме «Полтора часа до объятий» предъясняется зрителю так, как будто это слепок мгновения и никакой сценографической работы тут быть и не могло. Тем не менее известен факт, что при обсуждении фильма на худсовете в Приморском телерадиокомитете много копий было сломано вокруг одного из последних кадров фильма: в центре кадра одинокая женщина с цветами после бурных встреч и объятий, которые только что захлестывали экран (см. рис. 5).

Рис. 5. Одинокая женщина с цветами после бурных встреч и объятий

У Канищева партийные работники спрашивали: «Зачем вы вклеили эту женщину? У неё муж ушёл к другой или вообще умер. Ничего не объясняется. Не лучше ли вырезать вообще?» Канищев отвечал: «Жизнь многообразна, я не знаю, что случилось с этой женщиной, но если будем вырезать этот кадр, то тогда закрывайте картину целиком».

«Когда “Полтора часа...” принимал худсовет, – вспоминал О. А. Канищев, – ко мне были большие претензии. Я и раньше им объяснял, что фильм этот – о любви, о больших чувствах, которые посещают людей при встрече после длительной разлуки. Но им не понравилось, что в кадре

не было партийного руководства, отчётов о том, сколько заготовили китового мяса, – важный компонент для информационного телевидения. Была ещё претензия, что я вставил плачущих женщин, но это естественно, это жизнь, экспедиция иногда привозит с собой цинковые гробы. Сказали: “Убери, не надо...” И финальный кадр – стоит женщина с цветами, к которой не пришёл любимый человек, – тоже омрачил настроение худсовета. Они меня уговаривали-уговаривали, в конце концов говорят: “Не убережёшь – фильм не выпустим”. Пришлось портить взаимоотношения с руководством, мы разругались, я взял фильм и унёс негатив домой. Думаю, не дам ни под каким предлогом прикоснуться к нему. И поставил условие: “Или принимаете, или фильма не будет, а я вам выплачу неустойку”. Производственные расходы, кстати, были минимальные: всю съёмку мы провели в один день. У меня было пять операторов (троих пригласил из Хабаровска – профессионалы и мои хорошие приятели; двое были наши, приморские, – Борис Колобов и Пётр Якимов), я держал с ними связь при помощи радиоаппаратуры.

Меня наказали: когда Москва фильм утвердила, когда он стал гулять по просторам родины и занимать высокие места на фестивалях, меня туда не приглашали – на тех трёх фестивалях я не был. Но все равно я не в обиде, я вкусил все, так сказать, прелести славы. С этим фильмом был принят в Союз кинематографистов СССР, этот фильм изучают студенты ВГИКа, ко мне обращаются желающие его посмотреть» [6].

Сценография у фильма была, конечно, в основном на монтажном столе, но подбор кадров-контрастов, свойственных более художественному кино, нежели документальному, здесь также очевиден и сделан, как практически всё в этом коротком фильме, осознанно.

Что же всё-таки самое главное в работе режиссёра? Режиссёр – это творец другой, зримой, осязаемой реальности, которая подчиняется определённым законам, им же установленными. Короче говоря, он Господь Бог созданного им мира. При одних и тех же словах у каждого режиссёра свой Гамлет.

Документальное кино тоже не исключение. Иногда его называют более правильно – «неигровое кино». Так вот, построить другую реальность на документальных кадрах задача не из простых, да ещё построить так, чтобы это было интересно. Игорь Беляев, классик советского телевизионного документального кино, определил своё творчество как документальную драму. Но вот что поразительно. Самые выдающиеся произведения Канищева созданы на чужом материале. «Там, где сходятся меридианы»: Шацков – Колобов, «Дорога легла за экватор»: Избенко – Якимов, «Южный – город вьюжный»: сахалинский оператор Владимир Привезенцев.

Все фильмы классные, обласканные жюри различных фестивалей. Я уже не говорю про фильм «Полтора часа до объятий», многие кадры этого фильма заимствованы из «Альки и старого капитана» Юрия Шепшелевича. Только у Шепшелевича они не прозвучали так пафосно, как у Канищева. У Олега Канищева кадры встречи китобоев сложились в шедевр.

Здесь надо отметить, что заимствование – косвенное. «Алька и старый капитан» – фильм 1967 года (авт. С. Чернышева, Ю. Шепшелевич; реж. Ю. Шепшелевич; опер. А. Дорохов, Б. Колобов; звук – Ю. Шепшелевич), в пояснениях к фильму в документации ДТФ он назван «художественным», сюжет излагается так: море притягивает мальчишку и старого капитана, который не может и не хочет “бросать якорь”. В «Альке и старом капитане» лишь второстепенным эпизодом вводится встреча плавбазы «Советская Россия», поскольку Юрий Шепшелевич полагал, что массовые мероприятия не рассказывают о главных героях, так как их нет в кадре. Но бегущие женщины, гудки плавбазы, людское море – всё это у Шепшелевича снято, но фоном сюжета, а не главным кадром. Канищев заимствовал идею, изъясл неприменимый атрибут тогдашнего документального фильма – главного героя (неважно, реального человека или актёров, выполняющих некую социальную функцию, как в «Альке и старом капитане»), сделал главным героем анонимную массовку и её эмоции.

Примечательно, что в другом документальном фильме «Встречи у океана», вышедшем в 1978 году, и в котором О. А. Канищев входил в режиссёрскую группу, похожие приёмы (звуковой ряд из уличных записей и фрагментов радиопрограмм, кадры-образы) также использовались. Но шедевром фильм не стал, хотя и считался для своего времени весьма успешным: его

неоднократно показывали по ЦТ, было напечатано несколько десятков фильмокопий для показа в кинотеатрах страны. Главные эпизоды фильма – три приезда генсека ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Владивосток (1966, 1974 и 1978-й годы). И если в общих характеристиках Приморья и Владивостока, предваряющих непосредственный репортаж о брежневских визитах, канищевская манера полифоничного монтажа просматривается, а по определению «полифония представляет собой вертикальную многоярусную структуру, которая по своему воздействию на зрителя может быть очень результативной. Построение произведения по законам полифонии, требующее высокой степени обобщения материала, свидетельствует о незаурядном таланте автора и его философском мироощущении. В искусстве кино полифоническую структуру можно встретить у таких мастеров, как Эйзенштейн, Феллини, Тарковский, Курасава, Годар, Осима, Рене, Иоселиани, Гринуйэй» [1].

Полифоническая структура в фильме «Полтора часа до объятий» О. Канищева является уникальным примером создания комплексной кинополифонии, включающей информационный, нарративный и ритмический виды подачи информации, что встречается крайне редко. Только нарратив в этом случае пропагандистский.

С переходом к повествованию о главном герое авторы делают официозную, жёстко привязанную к местам встреч Брежнева с приморцами репортажную версию в духе Центрального телевидения СССР 80-х гг. прошлого столетия с длинными речами главного героя и мнениями об этих речах рядовых приморцев: депутата партийного съезда, пограничника, работницы фабрики. В итоге фильм разваливается на 4 плохо связанные друг с другом части: образное вступление о Приморье и Владивостоке, визиты в 1966, 1974, 1978-м годах. Фильм также сопровождается закадровым текстом в классическом партийно-хозяйственном стиле с цифрами, планами, цитатами из решений съездов.

Тем не менее монтажные находки, сделанные на «Дальтелефильме» в 70-е гг. прошлого века, долгое время служили не только для решения пропагандистских задач, но и для создания оригинальной и яркой кинолетописи жизни Приморского края и Владивостока, их влияние до сих пор просматривается и в XXI веке, в частности в медийном творчестве Приморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вевер, А. Е. Полифония как мироощущение и индивидуальный режиссёрский метод в творчестве Алексея Германа: дис ... канд. искусствоведения: 17.00.03 / Вевер Агнесса Евгеньевна. – Москва, 2006. – 140 с.
2. Кракауэр, З. Природа фильма. Реабилитация физической реальности / З. Кракауэр. – М., 1974. – 382 с.
3. Патрушев, В. Г. Трунька о себе, о своих попутчиках и славном «Дальтелефильме» / В. Г. Патрушев. – Владивосток: Дальиздат, 2014. – 347 с.
4. Материалы по истории Приморского краевого комитета по телевидению и радиовещанию // Архив Приморского краеведческого музея им. В. К. Арсеньева; ед. хр. «Рукописи»: машинописный сб. статей сотрудников Приморского краевого телерадиокомитета. – Владивосток, 1980. – С. 119.
5. Полтора часа до объятий: видеохостинг «Ютуб» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=19BmJEWXkEs> (дата обращения: 20.02.2019).
6. Олег Канищев: Если человек боится, ничего путного создать нельзя. Интервью Василию Авченко // Новая газета во Владивостоке. – 2012. – 29 ноября. – № 164 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novayagazetavlad.ru/164/Kultura/OlegKanishchevEslichelovekboitsyanichegoputnogosoizatnelzya> (дата обращения: 30.07.2019).

Тищенко Т. В.
T. V. Tischenkova

**КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР ЗАПАДНОРУССКОЙ
ТРАДИЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

**UTES AND MUSICAL FOLKLORE FROM WESTERN TRADITION IN THE STUDY
OF THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY**

Тищенко Татьяна Владимировна – кандидат искусствоведения, профессор кафедры народного пения Орловского государственного института культуры (Россия, Орёл); 302020, Орловская область, г. Орёл, ул. Лескова, 15. E-mail: kafedraNHP@yandex.ru.

Ms. Tatyana V. Tischenkova – Candidate of Art criticism, Associate professor of Folk Singing, Oryol State Institute of Culture (Russia, Orel); 302020, Orel area, Oryol, 15 Leskov str. E-mail: kafedraNHP@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению местных календарных обрядов, обычаев и музыкального фольклора западнорусской традиции – территории древнейших восточнославянских поселений и активного межэтнического взаимодействия (русско-украинско-белорусского пограничья). В исследовании использованы материалы фольклорных экспедиций автора, а также фактические материалы и опубликованные записи календарных народных песен, охватывающие 50–90-е гг. XX века. Охарактеризованы традиционная культура в целом и основная часть земледельческих праздников рассматриваемого региона, отмечена хорошая сохранность ранних форм – обрядов и традиционных песен, связанных с трудовым процессом. Освещены вопросы манеры исполнения календарных песен в зависимости от предназначения, места и времени исполнения, описаны наиболее характерные для западнорусской традиции специфические вокальные приёмы. В исследовании учтены эстетические критерии в оценке исполнения песенного фольклора самими носителями традиции.

Summary. The article is devoted to the consideration of local calendar rites, customs and musical folklore of the West Russian tradition – the territory of the ancient East Slavic settlements and active interethnic interaction (Russian, Ukrainian and Belarusian Borderlands). The study uses the materials of the author's folklore expeditions, as well as factual materials and published records of calendar folk songs covering the 50–90s of the XX century. The traditional culture as a whole and the main part of agricultural holidays of the considered region is characterized, good safety of early forms – ceremonies and the traditional songs connected with labor process is noted. The questions of the manner of performance of calendar songs depending on the purpose, place and time of performance are covered, the most characteristic for the West Russian tradition specific vocal techniques are described. The study takes into account the aesthetic criteria in assessing the performance of song folklore by the bearers of tradition.

Ключевые слова: фольклорные экспедиции, обряды, обычаи, календарные песни, музыкальный фольклор.

Key words: folklore expeditions, rites, customs, song calendar, musical folklore.

УДК 78.05

Западная традиция, относящаяся к территории современных Смоленской, Брянской областей, русско-украинско-белорусского пограничья и прилегающих районов Орловской области (в их числе Дмитровский, Шаблыкинский, Должанский, Кромский, Хотынецкий, Урицкий районы), давно признана фольклористами самой архаичной и устойчивой из всех. Культурный ареал Смоленщины, Брянщины привлекает внимание прежде всего как территория древнейших восточнославянских поселений, активного межэтнического взаимодействия (русское, украинское и белорусское пограничья), как место, где сложились ранние формы традиционной культуры (в их числе календарные, семейно-родовые обряды и связанный с ними фольклор). Местные обряды, обычаи и музыкальный фольклор неоднократно становились предметом исследований, опубликованы отдельные монографии, статьи, фольклорные сборники, но до сих пор в исследовании остаётся немало «белых пятен», требующих рассмотрения и анализа.

В работе использованы материалы фольклорных экспедиций автора (1996–2001 годы – фонограммы, нотации, комментарии исполнителей), хранящиеся в лаборатории народной музыки Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, Орловском государственном институте культуры и личном архиве автора, опубликованные грамзаписи 1975–1986 годов. Для сравнительного анализа привлечены фактические материалы и опубликованные записи народных песен, охватывающие 50–90-е годы XX века. Среди них сборники Л. В. Кулаковского, Г. М. Науменко, Г. Б. Павловой, Ф. А. Рубцова, А. В. Рудневой, Н. М. Савельевой [4–10].

В 1990 году опубликован сборник «Живая вода», содержащий записи 29 календарных песен Починковского и Холм-Жирковского районов. Так как в сборнике нет раздела «Комментарии», то невозможно точно установить, от кого именно записаны песни. В песнях расшифрована одна строфа, сохранён местный диалект [2].

Особую ценность в исследовании западнорусского фольклора представляют исследования К. В. Квитки «Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен», И. И. Земцовского «Мелодика календарных песен», а также работа «Традиционная музыка русского Поозёрья» (составитель Е. Н. Разумовская), основанная на материалах экспедиций 1971–1992 годов [1; 3; 11].

Автор считает, что именно в рассматриваемый период (вторая половина XX века) уровень исследований по фольклору приобрёл должную полноту и подробность, сопоставимость, так как были выработаны сходные методики описания и анализа материала, на должном уровне находилась техническая оснащённость полевых исследований и, кроме того, были живы многие носители местных традиций – талантливые певцы и знатоки обычаев – жители сельских поселений, в настоящее время уже опустевших или вообще переставших существовать. Важными представляются сведения о характере обрядов, местном песенном и хореографическом репертуарах, манере исполнения, сообщённые информантами в ходе фольклорно-этнографических экспедиций. Их пояснения, зафиксированные с соблюдением местного диалекта, позволяют представить традицию более наглядно и живо.

В числе причин исторического характера, наложивших отпечаток на формирование и облик западнорусской традиции, можно назвать пребывание Смоленщины и Брянщины в XIV–XVI веках во владение княжества Литовского, что привело к некоторой законсервированности уже сложившегося к тому времени стиля. Основным занятием местного населения на протяжении веков являлось земледелие, что и определило жанровое ядро традиции (особенно на Смоленщине и Брянщине) – календарный фольклор, находящийся в тесной связи с крестьянским земледельческим календарём. На Орловщине центральным жанром стали календарные приуроченные хородовые и проходные песни.

Из описаний, сделанных фольклористами, следует, что на большей части территории отмечена хорошая сохранность обрядов и песен, связанных с трудовым процессом, – это, к примеру, посевные, прополочные, покосные, жнивные песни, обрядовый праздник последнего снопа, называемый «завивание бороды», и др. Праздничный календарный фольклор – рождественский, святочный, масленичный, троцкий – распространён повсеместно, что отмечено во многих исследованиях второй половины XX века.

Каждый район, каждое село отмечают свои излюбленные праздники. В районах русско-украинско-белорусского пограничья популярны веснянки, купальские обряды и песни; в центральной части Смоленщины – подблюдные гадания, духовские, толочные (или толочанские) песни; на Орловщине сохранился интересный обряд – похороны кукушки. Исследователи отмечают широкое бытование инициационных обрядов, направленных на изменение статуса их участников. Народные обычаи и обряды, являющиеся важными компонентами традиционной культуры, играли в недалёком прошлом важную коммуникативную и воспитательную роль в жизни общества, в них тесно переплетались мировоззренческие, нравственные и эстетические основы.

Культура в целом и основная часть праздников, обрядов региона носила земледельческий характер. Обрядовые и необрядовые песни языческого календаря составляли годовой круг, стро-

гому распорядку которого была подчинена вся хозяйственная деятельность. Жизненный уклад определялся сменой времён года, поворотными сроками солнечного календаря.

Календарный круг открывался серией зимних праздников. Святые вечера начинались от «Ражества», празднованию которого предшествовал сочельник, и заканчивались «Хрещеньем». Существовали особые поверья, связанные с этим днём. Так, в деревне Влазовичи Суражского района спутывали ножки стола, чтобы скот не сбегал со двора. В деревне Новая Погощь Суземского района мотали пряжу в тугие клубки, чтобы будущая капуста была такой же. В деревне Дегтяревка Суражского района «Ражество» было престольным праздником. В ожидании торжественного богослужения молодёжь ходила по дворам «щедровать», исполняя поздравительные песни. В ответ на свои поздравленья требовали угощенья.

*Тётка, дай сала кусок,
Будет кабан высок,
А дашь крошку,
Вырастет кабан с кошку.*

В Орловском крае обрядовые формы имели свои, характерные для каждого уезда черты и особенности. В Дмитровском уезде обряд назывался «*Ломать Коляду*». Молодёжь ходила по домам и разыгрывала представления:

– *Христос рождается.*
– *Что в печи жарится?*
– *Петух да курица.*
– *А почто они трудятся?*
– *На свои труды.*
– *Подавай их сюды.*

«Таусени» пели в деревнях по правому берегу реки Оки:

*Попрыгала козка,
Таусень!
По бабьим, по грядкам,
Таусень!
Что козка ищет?
Таусень!
Я ищу брусочек,
Таусень!*

В Орловском уезде варили овсяной кисель, бабы и девки с молодыми ребятами ходили на берег реки кликать зиму:

*Новый год, приходи,
Старый год утони,
Себя покажи.*

Распространённым семейным обычаем у крестьян Орловщины был обряд «*Касарецкого молить*» (или «*Касарецкого ломать*»), связанный с праздником в честь святого Василия Кесарийского, смешавшегося в народной жизни с языческими ритуалами. Вечером накануне Нового года зятья съезжались в гости к тестю. После молитвы гости получали угощение.

В числе развлечений на Орловщине были кулачные бои, травля собак и петухов, драки. На *Васильев день* (*старый Новый год*) практически повсеместно было принято рядиться в коня, козу, деда, медведя, надевая вывернутый тулуп; из соломы делали маску и рога, а все остальные щедровщики (группа из 5–7 человек) рядились в цыган или в костюмы противоположного пола. Ряженные ходили с песней по домам односельчан, желали всякого добра и благополучия хозяевам, получали дары и припевали:

*Го-го-го, коза, го-го-го, серая, го-го-го, белая.
Чаво тябе, козочка, волки не зъели, стрельцы ня вбили.
Не боюся я ни в поле волка, ни в лесе стрелка.
А боюся я деда старого, а в того деда – борода седа.
Кланяйся, коза, старшему пану, а тот пан богат.
(Брянская обл.)*

Необходимым считалось пение *поздравительных щедровок* величального характера, исполняемых на типовой напев, например:

*Ой, будь же здоров,
Молодец Василька.
Светый вечар.
И з Новым годом,
И с своим родом.
Светый вечар.
(Смоленская обл.)*

На всей рассматриваемой территории было широко распространено *гадание* девушек в святые вечера о будущей жизни. Способов было множество. Большую группу составляют *гадания*, не связанные с пением, например: обнимали изгородь, потом считали колья; лапоть через крышу кидали: куда покажет, с той стороны и жених будет; приносили в хату петуха и смотрели, куда он побежит – к воде, хлебу или зеркалу; ставили под кровать чашку с водой, покрывали соломкой, щепками («мостом») и загадывали, чтобы любимый явился во сне и перевёз через мостик. К другой группе можно отнести «музыкально оформленные» *подблюдные гадания*, исполнявшиеся на короткий типовой напев с рефреном, имеющие текст иносказательного характера (см. пример 1).

*Ой, вы саночки-малеваночки, свят вечор!
Только сесть на них, дай поехати, свят вечор!
Нивка узенька, снопы частеньки, свят вечор!
Ай, кому ж эта песня придется, свят вечор!
Кому придется – не минуется, свят вечор!
(Смоленская обл.)*

♩ = 96

1. Ой, вы са - ноч - ки-ма-ле - ва - ноч-ки, свят ве - чор!

Толь-ко сесть на них, дай по - е - ха - ти, свят ве-чор!

4. Как по реч-ке хо- жу, дай хол-сти-ны бе-лю, свят ве - чор!

По-хо- жу, по-хо-жу, да е - ще по-бе-лю, свят ве-чор!

Ай, ко- му ж э - та пес-ня при-дет-ся, свят ве - чор!

Ко-му при-дет-ся - то-му сбу - дет -ся, свят ве - чор!

1. Ой, вы саночки-малеваночки, свят вечер!
Только сесть на них, дай поехать, свят вечер! (к скорому замужеству)
2. За рекой дуга, за другой хомут, свят вечер!
Перекину дугу да к своему хомуту, свят вечер!
Ай, кому ж эта песня придется, свят вечер!
Кому придется – не минуется, свят вечер! (замуж в далёкую сторону отдадут)
3. Я на бочке сижу, я й медок цежу, свят вечер!
Я еще посижу, я еще поцежу, свят вечер!
Ай, кому ж эта песня придется, свят вечер!
Кому придется – не минуется, свят вечер! (год в девках сидеть)
4. Как по речке хожу, дай холстины белю, свят вечер!
Похожу, похожу, да еще побелю, свят вечер!
Ай, кому ж эта песня придется, свят вечер!
Кому придется – тому сбудется, свят вечер! (год в девках сидеть)
5. Ой, на поле растет все сурепица, свят вечер!
Я нарву, нарву все сурепицы, свят вечер!
Ой, коровушка, ты молодушка, свят вечер!
Набивает живот все сурепицей, свят вечер! (к беременности)

Пример 1. Ой, вы саночки-малеваночки. Календарная. Святоточные гадания. Записано
Т. В. Тищенко в г. Ярцево Смоленской обл. от Софьи Викторовны Дьячковой (1921 г. р.)

На святоточных гуляниях повсеместно распространены были *поцелуйные игры*: «Заинька», «Золотое кольцо», «Яша», а также вождение хороводов. К примеру, в д. Третьяково Духовщинского района Смоленской обл. девушки исполняли *хороводную песню* «Ой, ты моя улица», в тексте которой присутствует выбор пары (см. пример 2).

♩ = 156

1. Ой, ты мо-я у-ли-ца, све-ты ши-ро-ка-я, о-е лю-
ли, лю-ли, све-т(ы) ши-ро-ка-я. 2. (Й)па та
-бе хо-жу, я и ня вы-ха-жу, о-и лю-
ли, лю-ли, я и ня вы-ха-жу.

1. Ой, ты моя улица, свет(ы) широкая,
Ое люли, люли, свет(ы) широкая.
2. (Й)па табе хажу, я и ня выхожу,
Ои люли, люли, я и ня выхожу.

3. Па сабе дружка я и ня выберу,
Ои, люли, люли, я и ня выберу¹.
4. Выб(а)рала дружка, друш(и)ка старого.
5. Я и постелю стлать, а ён(ы) на печку спать.
6. Ой, ты моя улица, свет(ы) широкая.
7. (Й)па табе хажу, я и ня выхажу.
8. Па сабе дружка я и ня выберу.
9. Выб(а)рала дружка, друш(и)ка ровного.
10. Я и постелю стлать, а ён(ы) со мною спать.
11. Я и накрываются, а ён целоваться.

Пример 2. Ой, ты моя улица. Календарная. По словам исполнительницы, поётся на Святки.

Под эту песню девушки водили хоровод. Записано Т. В. Тищенко в д. Третьяково
Духовщинского р-на от Марии Алексеевны Беловой (1918 г. р.)

В рассматриваемой нами традиции широко праздновалась *Масленица* – земледельческий праздник проводов зимы, которым отмечался переход к весне и весенним сельскохозяйственным работам. Праздник был связан с почитанием солнца, что находило отражение в некоторых обрядовых действиях и обычаях: хождение с зажжённым колесом, прикреплённым к высокой жерди, езда на лошадях вокруг деревни, сожжение чучела, приготовление блинов и пр.

На протяжении всей недели «пekli усякие блины, оладьи, вертушки, пышки, гречаники», катались с гор, что нашло отражение в текстах шуточных песен, приуроченных к масленичному периоду.

1. Мы масленку дожидали,
Гару маслом поливали.
А я, а я я,
Гару маслом поливали.
2. Гару маслом поливали.
Каб(ы)лучками п(ы)рибивали.
А я, а я я,
Каб(ы)лучками п(ы)рибивали.
(Смоленская обл.)

Хорошую сохранность обнаруживает обряд закликания весны. Основными исполнителями его были дети, которые выходили на возвышенные места с выпеченными из теста жаворонками 22 марта. «Жаворонков» подбрасывали вверх и ловили, шли за деревню, где пели короткие веснянки, в текстах которых содержался призыв перелётных птиц и весны-лета.

На Брянщине особенно широко были распространены: *Выгонщина* с исполнением песен на первый выгон скота, *Красная горка* (первый весенний праздник, на котором молодые люди солнце встречали, пели песни и водили хороводы) и *Радоница*, имеющая различные варианты названий, например: в д. Новая Погощь Суземского района она называлась Родичи, в п. Суземка – Гробки, в Суражском районе – Радунца. Смысл этого праздника заключался в посещении кладбища и поминании усопших родственников.

К числу широко распространённых на Смоленщине жанров можно отнести *хороводы* (тип «стенка на стенку», например «А мы просо сеяли» (см. пример 3), духовские песни, относящиеся к весенне-летнему календарному циклу, исполнявшиеся во время гуляний на Духов день («Густы, густы на берёзе листья») и семицкие, исполнявшиеся во время обряда «Кумление».

На кумлении выбирались пары подруг, которые становились на неделю кумами – неразлучными подругами. Происходил символический обмен платками, шальями. Действия сопровождалось пением:

¹ Строение последующих строк аналогично данной строфе.

Ну-тка, кума, ну-тка, кума,
Покумимся, ну-тка, кума.
Покумимся, покумимся,
Поголубимся, покумимся.
Ты мне – кума, ты мне – кума,
А я табе – кумка, ты мне – кума.
Ты мне – свое, ты мне – свое,
А я табе – свае, ты мне – свае.
(Смоленская обл.)

♩ = 96

1. А мы про - су се - я - ли, се - я - ли,
ой, дак ла - до се - я - ли, се - я - ли.
2. А мы про - су вы - топ - чим, вы - то - п(ы) - чим,
ой, дак ла - до вы - топ - чим, вы - топ - чим.

1. А мы просу сеяли, сеяли,
Ой, дак ладо, сеяли, сеяли.
2. А мы просу вытопчим, вытоп(ы)чим,
Ой, дак ладо, вытопчим, вытопчим.
3. А мы коней выпастим, выпастим,
Ой, дак ладо, выпастим, выпастим².
4. А мы коней перяйдем, перяйдем.
5. А мы коней в хлев возьмем, в хлев возьмем.
6. А нам нада девица, девица.
7. А в девице имя ёсь, имя ёсь³.
8. А нам нада Манечка, Манечка.
9. В нашем боку выбало, выбало.
10. В нашем боку прибало, прибало.
11. В нашем баку плачется, плачется.
12. В нашем боку скачется, скачется.

Пример 3. А мы просо сеяли. Весенний хоровод (типа «стенка на стенку»).

Записано Т. В. Тищенко в д. Третьяково Духовщинского р-на
от Марии Алексеевны Беловой (1918 г. р.)

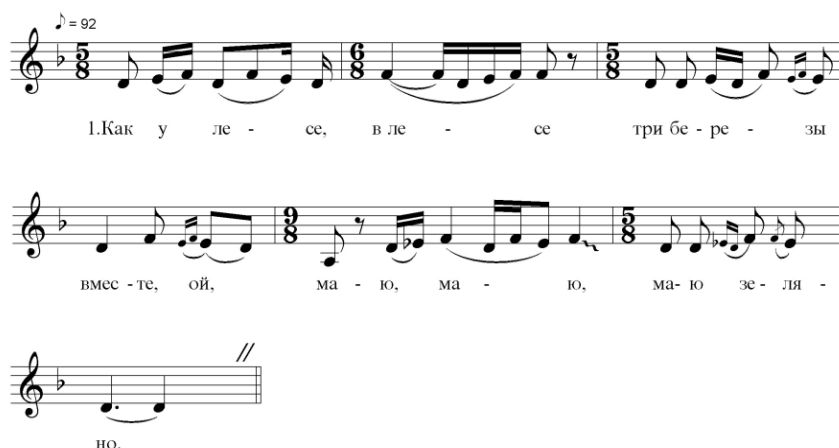
² Строение последующих строф аналогично данной строфе.

³ Ёсь – есть.

На *Троицкую неделю* (она же Семицкая, Русалочья, Зелёные Святки) было принято украшать берёзы лентами, водить хороводы, гадать на венках, готовить ритуальную еду, качаться на верёвочных качелях, завивать венки из ветвей берёз и играть в горелки. На Орловщине водили круговые хороводы – «водили Лелемью», «кричали Лелемью» (в том числе имелось в виду и когда пели «Кострому» – «Лелемью называлось»). В числе самых распространённых игровых песен этого периода песни «А бояре, а мы к вам пришли», «Ой, хрен, ты мой хрен». В Дмитровском районе Орловской области ряженые «водили кобылу».

Повсеместно была распространена традиция «Завивать берёзу» («Заламывать берёзу»). На следующий день после Духова дня девки и бабы, иногда молодые ребята и молодожёны, шли в лес «заламывать берёзку». Там каждая девушка выбирала себе молодую берёзку и связывала её ветки венками – по количеству членов семьи. Беременные женщины тоже завивали на берёзе венки, один венок брали с собой. На третий день после родов мать и свекровь роженицы пели под этим венком песни, лили на него воду, умывались этой водой – очищались.

Завив венки на своих берёзах, все выбирали два дерева потолще, обычно берёзу и осину. Наклоняли друг к другу, переплетали ветвями. На этих деревьях девушки, порою, тоже завивали себе по венку. Затем все брались руками за связанные верхушки деревьев, трясли их и пели, а запевала та, которая держалась за макушки. Для песен этого периода характерно наличие рефрена «маю, маю...», типового напева, которому соответствует ряд поэтических текстов (см. примеры 4, 5, 6). Через неделю в «Заговорены» снова шли в лес. Там каждая смотрела на свои венки и вновь пели.

1. Как у лесе, в лесе три березы вместе,
Ой, маю, маю, маю зеляно.
2. Как на tych березах кукуша сядела,
Ой, маю, маю, маю зеляно.
3. Кукуша сядела, громко кукувала.
Ой, маю, маю, маю зеляно⁴.
4. Первая кукуша – по батьке, пу матке.
5. Вторая кукуша – по брату, сестрице.
6. Третья кукуша – по милому другу.
7. Пу батьке, пу матке забывать я буду.
8. По брату, сестрице куковать я буду.
9. Про милого друга я век не забуду.
10. Я век не забуду, куковать я буду.

Пример 4. Как у лесе. Календарная. Духовская. Записано Т. В. Тищенко в г. Ярцево Смоленской обл. от Софьи Викторовны Дьячковой (1921 г. р.)

⁴ Строение последующих строф аналогично данной строфе.

1. Гус - ты, гус - ты на... а бе - ре - зе
листь - я, е - ще гу - ще в по - ле
п(а)- ша - ни - ца. 2. В по - ле п(а) - ша -
ни - ца пе - ря - стой сто - я - ла, о - й,
ма - ю, ма - ю, пе - ря - стой сто - я - ла.

1. Густы, густы на...а березе листья,
Еще гуще в поле п(а)шаница.
2. В поле п(а)шаница перястой стояла.
Ой, маю, маю, перястой стояла.
3. Перястой стояла, колосом махала.
Ой, маю, маю, колосом махала.
4. Иль пшеницу жните, или скот пустите.
Ой, маю, маю, или скот пустите.

Пример 5. Густы на берёзе листья. Календарная. Духовская. Песня относится к весенне-летнему календарному циклу. Исполняется во время гуляний на Духов день. Записано Т. В. Тищенко в д. Бараново Сафоновского р-на Смоленской обл. от Т. П. Шитиковой (1934 г. р.)

1. Не кукуй, кукушка, в зеляной дубраве,
Ой, маю, маю, маю зеляной. У!
 2. Не давай, кукушка, вдовушке зазнобы.
Ой, маю, маю, маю зеляно. У!
 3. Мужички пашни давно повспаханы.
Ой, маю, маю, маю зеляно. У!
 4. Вдовушкина соха в поле не въезжала.
Ой, маю, маю, маю зеляно. У!
 5. В поле не въезжала, у ворот простояла. Ух!
Ой, маю, маю, маю зеляно. У!
- (Сафоновский р-н Смоленской обл.)
1. Пойдемтя, девочки, гулять у лужочки,
Ой, маю, маю, гулять у лужоч...
 2. Гулять у лужочки, завювать вяночки,
Ой, маю, маю, завювать вяноч...
 3. Завьемтя вяночки, завьем зеленые,
Ой, ма... ю, маю, завьем зеляный...

4. Завьем зеляные на все дни святые.
5. На все дни святые, на теплая лета.
6. На теплое лето, на густое жито.
(Ярцевский р-н Смоленской обл.)
1. (Й)у темном лесе три бярезы вместе,
Ой, маю, маю, маю зелено.
2. На тых на бярезах три кукуши кукуеть,
Ой, маю, маю, маю зеляно.
3. Первая кукуеть по батьке, по матке,
Ой, маю, маю, маю зеляно.
4. Другая кукуеть по сястре, по брату.
5. Третья кукуеть по милому дружочку.
6. З маткой, з батькой мне не век вековати.
7. С сястрой, с братом ине не жисть проживати.
8. А с милым дружочком усю жисть проживу.
(Ярцевский р-н Смоленской обл.)

Пример 6. Тексты духовских песен, записанные Т. В. Тищенко в Смоленской обл.

В Хотынецком районе Орловской области в троицкий комплекс включён обряд «Похороны кукушки» (в Болховском районе «Крестить кукушку»), смысл которого восходит к традициям посвящения девочек 11 лет во взрослую жизнь. Участницы плетут венки из травы «кукушкины слёзы», изготавливают из тряпок и соломы куклу-кукушку, поют троицкие песни, жарят большую яичницу. Обряд распространён также в Калужской, Белгородской, Тульской областях.

Традиция празднования Ивана Купалы предполагала прыганье молодёжи через костры, гадание на венках, купание и обливание водой, исполнение купальских песен (однако их записи в сборниках немногочисленны).

Традиционным был на Орловщине и Смоленщине обычай отмечать *окончание жатвы*. После угощения, часто устраиваемого в складчину, с величальными песнями и плясками ходили по домам. Впереди шла девушка со снопом колосьев, украшенным лентами и венками из цветов, а сопровождающие пели песни. В некоторых районах совершали обряд «Завивание бороды» (из последнего снопа не делали вязочку, просто на серп навёртывали и несли домой). Колосья рассыпались, пушились, напоминали бороду. Сноп хранили до Покрова, а потом скоту отдавали.

Каждому обряду соответствует определённый ряд песен. Преобладающим является типичный для западнорусского стиля простейший гетерофонный склад. В зависимости от предназначения, места и времени исполнения различают разные оттенки исполнения песен (манеру исполнения). Песенники по-разному отзываются о манере исполнения песен, выделяя характер звукоизвлечения, указания на сложность исполнения. В народе существуют эстетические критерии в оценке исполнения песенного фольклора. Они свидетельствуют об активном, живом, эмоциональном отношении к исполняемой и воспринимаемой музыке.

Информанты, с которыми нам довелось общаться, далеко не всегда представляют исполнение обрядовых песен именно как пение. Так, в Сафоновском районе Смоленской области «песни играют», подразумевая яркое, зычное исполнение плотным грудным звуком. Такие песни часто сопровождаются плясовыми движениями или какими-либо ритуальными действиями. Эмоциональный характер этих песен подчёркивается ритмичными жестами руками. В Ярцевском и Духовщинском районах в качестве выразительных средств используются словообрывы в середине песенной строфы и сопровождающие их смысловые паузы, произвольное непродолжительное увеличение или уменьшение длительностей, особенно в запевной части, и словообрывы в конце строфы.

В понимании исполнителей ряда центральных районов Смоленщины календарные песенно-веснянки «кричат» («сильно как кричат», «страшно как поют», «кричат на всю голову»). Это от-

крытое, эмоциональное пение, нередко со скандированием, подчёркиванием ряда звуков, сопровождающееся выразительной жестикуляцией и изредка притопываниями.

Акустическими различиями обладает также исполнение календарных песен в доме (например, для подблюдных гаданий характерна более тихая динамика) и на открытом пространстве (звук яркий, темброво насыщенный, на крепкой опоре).

Для песен Брянщины, Орловщины так же, как и для Смоленской области, характерно исполнение зычным, грудным звуком, преобладание женской традиции исполнения. Среди специфических исполнительских приёмов этой традиции следует отметить часто встречающиеся «гукания», характерные для календарных песен; «глиссандо» (этот приём, заключающий в себе постепенное перемещение звука вверх или вниз, также часто используется в местных песнях).

Такие приёмы, как спады, сбросы, глиссандо, ферматы, повсеместно распространены в западной песенной традиции. Что касается ферматы (как правило, в конце музыкального произведения или между его частями), она встречается практически во всех жанрах брянских песен, в календаре, свадьбе и внеобрядовой лирике Смоленщины. В большинстве случаев она удлинняет исходную длительность на половину или четверть длительности.

В настоящее время в селе и районных центрах (преимущественно при домах творчества и дворцах культуры) существуют песенные ансамбли, которые сопровождают старинными песнями календарные праздники. Они сохраняют традиционный местный репертуар, местную манеру исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земцовский, И. И. Мелодика календарных песен / И. И. Земцовский. – Л.: Музыка, Ленингр. отд-ние, 1975. – 224 с. с нот.
2. Живая вода / сост. С. Н. Новиков // Библиотечка «В помощь художественной самодеятельности», № 18 [Электронный ресурс]. – Москва: Советская Россия, 1990. – 160 с. – Режим доступа: <http://zhivaya-voda.su/book/> (дата обращения: 20.06.2019).
3. Квитка, К. В. Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен. Избранные труды. В 2 т. Т. 1 / К. В. Квитка; под ред. А. Красинской. – М., 1971. – 384 с.
4. Кулаковский, Л. В. Искусство села Дорожева. У истоков народного театра и музыки / Л. В. Кулаковский; под. общ. ред. С. В. Аксюка. – М.: Сов. композитор, 1959. – 141 с.
5. Наumenко, Г. М. Велижские песни. Музыкальный фольклор Смоленской области / Г. М. Наumenко; запись, нотация и составление Г. М. Наumenко. – М.: Изд-во «Гусляра», 1997. – 60 с.
6. Павлова, Г. Б. Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной / Г. Б. Павлова. – М., 1969. – 112 с.
7. Рубцов, Ф. Ольшанские песни, записанные в селе Ольша на Смоленщине / Ф. Рубцов; запись, нотация, составление, предисловие, примечания и общ. ред. Ф. А. Рубцова. – Л.; М.: Советский композитор, 1971. – 39 с.
8. Рубцов, Ф. А. Русские народные песни Смоленской области в записях 1930–1940-х годов / Ф. А. Рубцов; сост., расшифровка, комментарии Ф. А. Рубцова. – Л.: Сов. композитор, 1991. – 159 с.
9. Руднева, А. В. Песни Смоленской области, записанные от Е. К. Щеткиной. Песни Кировской области, напетые А. А. Кениной: из коллекции фольклориста / А. В. Руднева. – М.: Сов. композитор, 1977. – 90 с.
10. Савельева, Н. М. Календарные и свадебные песни села Верещаки Брянской области в многоканальной записи / Н. М. Савельева. – Брянск: ОНМЦНТ и КИР, 1993. – Вып. 1.
11. Традиционная музыка русского Поозёрья (по материалам экспедиций 1971–1992 годов) / сост. и коммент. Е. Н. Разумовской; реставрация полевых записей С. С. Вазова; рец. А. Ф. Некрылова, В. А. Лапин. – СПб.: Композитор, 1998. – 237 с. с ил.

Швецова А. В., Микитинец А. Ю., Микитинец О. И.
A. V. Shvetsova, A. Yu. Mykitinets, O. I. Mykitinets

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

CONDITION AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF RELIGIOUS CULTURE IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Швецова Антонина Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь); 295017, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Киевская, 39; тел.: +7 (3652) 27-64-58. E-mail: voljaton@rambler.ru.

Ms. Antonina V. Shvetsova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of the Crimean University of Culture, Art and Tourism (Russia, Simferopol); 295017, Republic of Crimea, Simferopol, 39 Kievskaya str.; tel.: +7 (3652) 27-64-58. E-mail: voljaton@rambler.ru.

Микитинец Александр Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь); 295017, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Киевская, 39; тел.: +7 (3652) 27-64-58. E-mail: mikitinets-a@yandex.ru.

Mr. Alexander Yu. Mykitinets – PhD in Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of the Crimean University of Culture, Art and Tourism (Russia, Simferopol); 295017, Republic of Crimea, Simferopol, 39 Kievskaya str.; tel.: +7 (3652) 27-64-58. E-mail: mikitinets-a@yandex.ru.

Микитинец Ольга Ивановна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь); 295017, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Киевская, 39; тел.: +7 (3652) 27-64-58. E-mail: omikitinets@rambler.ru.

Ms. Olga I. Mykitinets – PhD in Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of the Crimean University of Culture, Art and Tourism (Russia, Simferopol); 295017, Republic of Crimea, Simferopol, 39 Kievskaya str.; tel.: +7 (3652) 27-64-58. E-mail: omikitinets@rambler.ru.

Аннотация. Статья посвящена оценке современного состояния и перспективам развития религиозной культуры в Республике Крым. Религиозная культура оценивается в контексте существующих этнокультурных и этноконфессиональных взаимодействий, подчёркивается её роль в формировании и сохранении благоприятной социокультурной среды. В исследовании акцентируется внимание на роли государства и региональных национально-культурных автономий в формировании условий для конструктивного межкультурного и межрелигиозного диалога на полуострове. Отмечается, что для поддержки оптимального состояния религиозной культуры следует особо акцентировать внимание на таких её составляющих, как религиозное воспитание и образование, а также на создании и поддержке межконфессиональных объединений, целью которых является координация взаимодействий между представителями всех имеющихся в регионе конфессий и государственных структур. Особое внимание в работе уделяется проблеме повышения уровня религиозной культуры посредством совершенствования соответствующего образовательного процесса. В частности, указывается на необходимость введения образовательных религиозоведческих курсов, что будет способствовать формированию высокого уровня религиозной культуры, «открытости» различных религиозных конфессий, предупреждению ксенофобии и религиозной неприязни, созданию открытого коммуникативного пространства для полноценного общения представителей всех религий полуострова, обеспечению социально-конфессионального единства и успеха этноконфессиональной и этнокультурной политики, проводимой в регионе.

Summary. The article is devoted to the assessment of the current state and prospects of the development of the religious culture in the Crimean Republic. The religious culture in the context of existing ethno-cultural and ethno-confessional interactions is evaluated. Its role in the formation and the preservation of a favorable socio-cultural environment is emphasized. The study focuses on the role of the state and the regional, national and cultural autonomies in the formation of conditions for the constructive intercultural and interreligious dialogue on the Peninsula. It is noted that in order to support the optimal state of the religious culture, special attention should be paid to its components, such as the religious upbringing and education, also the creation and the supporting of the inter-religious associations, the purpose of which is to coordinate the interaction between representatives of all confessions and the state structures in this region. Particular attention is paid to the problem of the raising the level of the religious culture through the improvement of the relevant educational process. In particular, it is pointed out the need to introduce the educational religious courses that will contribute to the formation of a high level of the religious culture, the «openness» of the various religious denominations, the prevention of the xenophobia and the religious hostility, the creation of an open communicative space for the full-fledged communication of representatives of all religions of the Peninsula, ensuring the social and religious unity and success of the ethno-confessional and ethno-cultural policy which is pursued in the region.

Ключевые слова: религиозная культура, религиозная конфессия, религиоведение, диалог, толерантность.

Key words: the religious culture, the religious denomination, the religious studies, the dialogue, tolerance.

УДК: 130.2:241

Современное человечество столкнулось с рядом проблем, порождённых, с одной стороны, глобализацией и унификацией мирового культурного пространства, а с другой – стремлением народов сохранить свою самобытность, религию, культуру и выстроить доброжелательные, конструктивные взаимоотношения с представителями иных народов – как тех, жизнедеятельность которых составляет непосредственное социокультурное окружение, так и с представителями других стран. Примирение этих двух тенденций – одна из важнейших задач, стоящих перед человеческим сообществом, которое должно, считаясь с объективным процессом сближения народов и цивилизаций и необходимостью совместного решения общечеловеческих проблем, сохранить этнокультурное и поликонфессиональное разнообразие и, более того, обеспечить его полноценное, гармоничное существование и развитие в условиях толерантности, открытости и взаимопонимания.

Наиболее актуальными задачами, стоящими перед культурой сегодня, являются духовное возрождение государства, улучшение нравственного состояния общества, защита и поддержка традиционных духовных ценностей [11, 199]. В этой связи на первый план выходит религиозная культура как комплексное явление, общественно значимая форма выражения конфессиональной принадлежности, «утвердившаяся система религиозного сознания, религиозных институтов, культа, религиозных личностей и групп» [4, 43], соединяющая в себе «всё материальное и духовное, объективное и субъективное, находящееся в сфере религиозного» [3]. Как отмечает Л. Ю. Айснер: «Религиозная культура – это совокупность имеющихся в религии способов и приёмов обеспечения и осуществления бытия человека, которые реализуются в ходе религиозной деятельности и могут быть представлены в её продуктах, несущих религиозные значения и смыслы» [1, 238–239]. Религиозная культура самым тесным образом связана с её носителем – народом, она не только видоизменяется вместе с ним под влиянием определённых социокультурных и исторических процессов, но и сама оказывает влияние на соответствующую культуру и общество. Так, К. Г. Доусон отмечает: «Любое материальное изменение, преобразующее внешние условия жизни, будет также изменением культурного образа жизни и тем самым произведёт новое религиозное отношение. И подобно этому любое духовное изменение, преобразующее взгляды людей на реальность, будет стремиться к изменению их образа жизни и тем самым произведёт новую форму культуры» [2, 101]. В этой связи нам представляется особо актуальным изучение основных аспектов, состояния и перспектив развития религиозной культуры в контексте существующих этнокультурных и этноконфессиональных взаимодействий в Крыму, являющегося ярким примером полиэтнического региона Российской Федерации.

Исходя из того, что взаимодействие культуры и религии – это двусторонний процесс, где религия является элементом, определяющим не только своеобразие культуры, духовные ценности личности и общества, но и отношение к инокультурной и иноконфессиональной действительности, особое внимание при развитии религиозной культуры в полиэтническом обществе следует обращать на следующие факторы:

- религиозное образование (можно понимать в широком смысле как сознательную, организованную деятельность, направленную на изучение различных религий и соответствующих особенностей их представителей);

- воспитание религиозной терпимости и взаимоуважения во всех сферах жизнедеятельности общества;

- создание и деятельность конфессиональных и (что очень важно!) межконфессиональных организаций, налаживание их постоянных взаимодействий с соответствующими органами и ответственными представителями государственной власти, международными институтами.

Опираясь на вышеизложенное, отметим, что образовательные аспекты религиозной культуры в отечественной науке разрабатываются Т. Г. Человенко, А. А. Ожигановой, Т. Д. Шапошниковой, А. Ю. Григоренко, Т. В. Склярской и другими, а Р. И. Кузнецов, Л. В. Камедина, С. Ю. Айснер, С. С. Малявина, А. А. Чернобров и другие анализируют культурологические и этические аспекты религиозной культуры. Ещё одним важным направлением изучения религиозной культуры, разрабатываемым Т. И. Петраковой, Н. В. Михайловой, И. А. Арзумановым, М. А. Симоновой и другими, является гармонизация отношений между конфессиями на уровне государства.

Учитывая, что ведущую роль в обеспечении развития этнокультурных и межконфессиональных отношений играет политика государства, именно оно [государство] должно создавать условия для полноценного существования (в социальном, политическом, правовом и культурном планах) и развития религий и религиозных организаций. Ни в коем случае власть не должна «молчать» в ситуациях, когда нарушаются принципы равенства, справедливости и толерантности по отношению к различным вероисповеданиям, и тем более использовать этноконфессиональный фактор для мобилизации соответствующего электората, уклоняться от решения проблем межконфессиональных коммуникаций, предупреждения ксенофобии и межконфессиональных конфликтов, решения межконфессиональных противоречий. Государству необходимо проводить политику межэтнического, межконфессионального и гражданского взаимоуважения, создавать каналы для межконфессионального общения и взаимодействия, пристально изучать процессы межэтнических и межконфессиональных отношений. Отсутствие постоянных функциональных связей между различными конфессиями и религиозными организациями, а также органами власти, осуществляющих на основе общепринятых и одинаковых для всех правил, рано или поздно приведёт к социальным противоречиям и конфликтам.

Ярким примером этого является неоднозначное событие недавней крымской истории – 25 октября 2000 г. крымско-татарскими активистами был повален восьми с половиной метровый металлический крест, установленный христианской общиной села Морское Судакского района на горе Каматре, так как под этой горой находится древнее мусульманское кладбище. Назревал очень серьёзный этноконфессиональный конфликт, о котором в СМИ оповещали с примерно такими заголовками: «Вандалы поглумились над православной святыней», «Нас распяли на нашем кресте. И мы мирно идём на Голгофу?», «Крестоповал», «Почему россиян судят, а татары остаются ненаказанными?» и всё в таком духе.

О чём это свидетельствует? О том, что в указанный период в Крыму недостаточно эффективно функционировали каналы и механизмы, обеспечивающие межэтническое и межрелигиозное общение, а также взаимодействие государственной власти с религиозными общностями; не были созданы и не работали общепринятые принципы и правила решения межконфессиональных противоречий, не формировалась общепризнанная система духовных и социальных ценностей. Каждый этнос апеллировал лишь к ценностям своей культуры и религии, не считаясь с интересами других и интересами социума в целом.

Это ещё раз показывает, что само по себе формальное провозглашение свободы совести и признание соответствующих прав граждан не решает социоконфессиональные проблемы. Их устранение требует кропотливой, систематической, комплексной и ответственной работы (как государства, так и общественных организаций) по формированию соответствующих социальных и культурных условий, созданию сети межконфессиональных взаимодействий и коммуникаций, обеспечивающих социальный диалог, взаимопонимание, согласие, своевременное выявление и сглаживание возможных противоречий.

В этом, по существу, состоит свобода совести и вероисповедания в подлинном смысле этого слова, понимаемая как уважение и защита прав и свобод личности в религиозной сфере; предусматривающая постоянный конструктивный диалог и взаимодействие религиозных организаций между собой, органами государственной власти и институтами гражданского общества, формирование так называемого «социального капитала» – норм доверия, солидарности, взаимопомощи, толерантности, равенства, общих идеалов и духовных ценностей – в религиозной сфере, в том числе – в сфере религиозной культуры. Если этого нет, – общество неминуемо столкнётся с серьёзными проблемами и конфликтами на почве религиозной нетерпимости и непонимания. Это касается любого российского региона, в том числе и Республики Крым.

Крым, несмотря на имеющиеся негативные факты в этноконфессиональном общении, имеет уникальный исторический и политический опыты решения и предупреждения соответствующих проблем. В Крыму, который (по итогам переписи 2014 года) является родиной для представителей более 140 этносов, в котором по состоянию на 15 февраля 2017 г. зарегистрировано 702, а в Севастополе – 97 религиозных общин [10], чётко и осязаемо проявляются современные тенденции межкультурного и межконфессионального общения, требующие пристального внимания как органов государственной власти, так и общества в целом.

Следует отметить, что длительное сосуществование различных религий и культур на территории полуострова с необходимостью выработало целый комплекс механизмов приспособления людей к такой ситуации. Это выражается в определённой осведомлённости жителей об особенностях различных религий и культур, в достаточно спокойном восприятии этноконфессиональных различий, и даже желании подчинять свои специфические интересы всеобщей задаче сохранения мира, доброжелательности и доверия ради процветания крымской земли. Относительная территориальная «замкнутость» полуострова способствовала выработке ощущения уникального и строго ограниченного пространства и крымской региональной идентичности, обращению к различным культурным памятникам и религиозным святыням как к общекрымскому достоянию, достаточно уважительному отношению к представителям иных культур и религий. Это выражается в часто встречающихся выражениях типа «это крымское», «мы, крымчане» и т. п., что говорит о достаточно высокой степени этнокультурного и этноконфессионального релятивизма и единения жителей Крыма. Следует отметить, что игнорирование данного «единения в многообразии и разнообразии» может стать причиной тяжёлых межкультурных и межконфессиональных конфликтов, ведь пренебрежение этноконфессиональными (и этнокультурными) интересами людей рано или поздно приводит к их попыткам всеми возможными, и не всегда лояльными, способами защищать свою религию и культуру.

Это постоянно учитывается в проводимой сегодня Российской Федерацией государственной национальной и культурной политике. Так, к примеру, с целью гармонизации межнациональных, в том числе и межконфессиональных, отношений и укрепления единства многонационального народа Республики Крым, обеспечения условий для его полноправного развития, а также профилактики и противодействия экстремизму постановлением Совета министров Республики Крым от 09 апреля 2015 г. № 185 была утверждена государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия» на 2015–2017 годы. В ней отмечено, что «...в настоящее время в Республике Крым наблюдается стабильно спокойная обстановка в общественно-политической, межнациональной и конфессиональной сферах. Межнациональных и межрелигиозных конфликтов не допущено» [9]. Среди основных приоритетов в Программе названы

«профилактика и противодействие проявлениям ксенофобии, экстремизма и дискриминации на этнической и религиозной почве, повышение уровня толерантности в обществе», а одной из основных задач является «предупреждение и оперативное урегулирование конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Крым». Программа предусматривает целый комплекс мероприятий по обеспечению экономических, социальных, политических и культурных условий укрепления межэтнического и межконфессионального мира и сотрудничества [9].

С целью установления постоянных и конструктивных межконфессиональных взаимосвязей и взаимодействий с органами государственной власти в Крыму действует Межконфессиональный совет Крыма «Мир – дар Божий». В ноябре 1992 г. первыми на постсоветском пространстве в этот совет объединились представители традиционных религиозных конфессий Крыма – Симферопольской и Крымской епархии УПЦ (МП), Духовного управления мусульман Крыма, Римско-католической церкви, Армянской апостольской церкви, Немецкой евангелическо-лютеранской церкви, Церкви адвентистов седьмого дня, Церкви евангельских христиан-баптистов, Духовного управления религиозных общин караимов. Целью создания межконфессионального совета была координация деятельности различных религиозных организаций по консолидации полиэтнического и поликонфессионального населения Крыма, обсуждение возникающих проблем за круглым столом, координация взаимодействий с органами государственной власти, проведение различных мероприятий гуманитарной и социальной направленности, поддержка политики согласия, взаимопонимания и сотрудничества представителей различных религий Крыма.

Эта же цель была озвучена и стала предметом обсуждения на знаменательной встрече представителей региональных национально-культурных автономий и двух сопредседателей Межконфессионального совета Крыма «Мир – дар Божий» митрополита Симферопольского и Крымского владыки Лазаря и муфтия мусульман Крыма Эмиралы Аблаева с Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным, состоявшейся 17 августа 2015 г. в Ялте. На встрече, в частности, было отмечено, что богатый опыт, накопленный в многонациональной России, следует использовать для создания атмосферы доверия и взаимопонимания между людьми разных национальностей и конфессий в Республике Крым.

В подтверждение этого на заседании Совета 25 ноября 2015 года было принято обращение, в котором указано: «В очередной раз крымчане подверглись испытаниям, которые требуют от них выдержки и терпения. Сегодня очень важно сохранять мир и межнациональное согласие, которые всегда лежали в основе стабильного и мирного развития нашего благословенного полуострова... Мы, члены Межконфессионального совета Крыма “Мир – дар Божий”, призываем всех крымчан, независимо от вероисповедания и политических предпочтений, следовать зову своего сердца и духовным ценностям каждого вероисповедания. Мы должны сегодня сохранить и продемонстрировать всему миру наше единство, подтверждающее выбор крымчан, сделанный на референдуме весной 2014 года. Только вместе, консолидировавшись, мы сможем преодолеть все трудности и испытания» [6].

Религиозная культура и этноконфессиональная ситуация в Крыму являются предметом изучения и обсуждения как практиками сфер государственного и конфессионального управления, так и учёными, исследующими проблемы развития межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений. В частности, в Институте Европы РАН 8 июня 2017 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Религиозное многообразие Крыма после 2014 года», организатором которой стал Центр по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН. Задачами конференции стали: анализ современного состояния государственно-конфессиональных отношений на полуострове, изучение социальной роли различных религиозных объединений – прежде всего христианства и ислама, а также осмысление конкретных проблем, стоящих перед религиозными общинами и политической властью. Было отмечено оживление религиозно-политической ситуации, проведение мероприятий по разрешению имущественных и идеологических проблем, появление новых организационных структур (например, пасторский округ католической церкви, подчинённый Ватикану), новые спонсоры и миссионеры, строительство новых ре-

лигиозных сооружений (строительство соборной мечети и собора Святого Александра Невского в Симферополе). Вместе с тем были указаны и конкретные конфликтные ситуации, связанные с ужесточением религиозной политики в сфере регистрации, ограничением возможностей публичных миссионерских акций и работы в социальной сфере и в социальных учреждениях, предвзятым отношением к неправославным христианским церквям, отказом властей выделить землю для строительства костёла в Симферополе и отказом передать здание костёла в Севастополе католической общине, конфликтом двух групп лютеран в Ялте вокруг здания кирхи, двух течений ислама вокруг мечети Хан-Джами в Евпатории и др.

Был особо отмечен на полуострове конструктивный диалог православия и ислама. В частности, владыка Лазарь присутствовал при закладке новой соборной мечети, а муфтий ДУМК Эмирали Аблаев – на освящении церкви Святой Екатерины в Симферополе. В целом миротворческая деятельность и постоянное взаимодействие муфтията и епархии являются важнейшим фактором формирования гармоничных межконфессиональных отношений и этноконфессиональной стабильности на полуострове.

Развитию межконфессиональных отношений, предупреждению ксенофобии и этнорелигиозных предрассудков способствует деятельность учебных заведений, осуществляемая при поддержке Министерства образования, науки и молодёжи Республики Крым и Крымского республиканского института последипломного педагогического образования. Необходимость религиозного образования обусловлена некомпетентностью, поверхностными представлениями не только о чужих, но и о своей религиозной культуре, что подтверждается многочисленными социологическими исследованиями. Как отмечает автор одного из них, С. С. Малявина, современные молодые люди демонстрируют достаточно поверхностные знания своей религиозной культуры, их представления зачастую искажены и «имеют определённые ограничения» [5, 105]. Особо опасны такие религиозные искажения в полиэтнических регионах, и ещё в 2004 году в Крыму были введены в школьный учебный процесс спецкурсы по выбору «Основы православной культуры Крыма» и «Основы исламской культуры Крыма». Следует отметить, что данные учебные курсы не преследуют миссионерских целей, являются сугубо светскими дисциплинами, способствующими духовному развитию детей, расширению их кругозора, формированию толерантности и взаимопонимания: «...введение в учебно-воспитательный процесс предметов (разделов программ), связанных с традиционными как для России в целом, так и для Крыма в частности духовно-нравственными религиозными ценностями, повысит качество обучения, будет способствовать более эффективному формированию гармонично развитой личности, преодолению культурно-исторического нигилизма и ксенофобии, установлению социального согласия» [11, 202].

В этом же направлении проводятся различные просветительские и благотворительные акции. Министерством образования, науки и молодёжи Республики Крым совместно с Симферопольской и Крымской епархиями организуются традиционные республиканские конференции учащихся «Православие в Крыму: история, традиции, современность», Международный конкурс знатоков православной культуры «Зерно истины» по образцу передачи «Что? Где? Когда?». Проводятся конкурсы педагогического мастерства «Урок нравственности» с целью возрождения духовных традиций семьи «Семейный очаг», благотворительные акции «Рождественский ангел – детям детского дома», «Белый цветок». Осуществляет помощь больницам добровольческое общество «Вера и дело», активно действует Общество православных врачей Крыма. Духовное управление мусульман Крыма проводит акции «Полезные знания», «Милосердие», «Коробочка добра» и др.

Очень перспективным, на наш взгляд, было бы проведение совместных просветительских и благотворительных мероприятий различными религиозными организациями с привлечением максимально возможного количества школьников и студентов. С целью более «близкого» познания различных религий и культов Крыма и преодоления религиозно-культурного отчуждения целесообразно проводить встречи студентов и школьников со служителями ведущих крымских конфессий, приглашать их для проведения тематических занятий по курсу «Религиоведение», организовывать ознакомительные посещения культовых сооружений и т. п.

Отдельно следует отметить положение атеистов и неверующих молодых жителей Крыма, которые составляют четверть от общего количества молодёжи. Так, согласно имеющимся данным, по состоянию на ноябрь 2012 г. в Республике Крым «61,2 % населения полуострова в возрасте 18–35 лет считают себя верующими людьми, 25,7 % относят себя к атеистам, а 13,1 % затруднились с определением своих религиозных взглядов» [8, 84]. Поэтому следует учесть данный фактор и обратить на него особое внимание, ибо полноценный социальный диалог предполагает учёт и равноправную трансляцию всех существующих точек зрения. С нашей точки зрения, в рамках разрабатываемых учебных курсов необходимо также обратить внимание на атеизм и итсизм, что позволит верующим глубже понять мировоззренческие основы данных социальных феноменов и, следовательно, найти с их представителями основания для равноправного диалога. Такой подход позволит устранить существующий «перекос» в преподавании курсов, содержание которых преимущественно игнорирует ценности той части общества, которая не придерживается идей религиозного характера и даже отрицает их. При этом следует сохранить акцентирование внимания на нейтральных основаниях нравственности без привязки к конкретным теистическим или атеистическим течениям, что является той «золотой серединой», которая позволит создать толерантные условия для поиска общей платформы осуществления реальной межэтнической и межкультурной коммуникации в Крыму. Кроме того, отметим, что существующий школьный курс «Основы религиозных культур и светской этики», содержащий 6 модулей, среди которых необходимо выбрать только один, также не лишён недостатков. Выбор только одного модуля, наиболее близкого к ценностным предпочтениям обучающихся и их родителей, по существу не создаёт основания для формирования эрудированного мировоззрения, способного к элементарным навыкам рефлексии. Как справедливо отметил руководитель департамента общественных связей Федерации еврейских общин России Борух Горин, «если политика государства заключается в сохранении концепции единой гражданской нации, то постоянное разделение школьников на представителей разных религий будет действовать в прямо противоположном направлении, подрывая эту идею и рождая у детей ощущение “чуждости” в отношении одноклассников, не принадлежащих к их религии» [7]. Мы полагаем, что конструктивным путём решения данной проблемы является такое изложение курса, которое будет давать общий обзор всех тем, которые входят указанные 6 модулей. То есть необходим отход от углублённого изучения одного из блоков в пользу общего рассмотрения всего спектра существующих религиозных и светских ценностных установок, как это уже имеет место в рамках университетских курсов религиоведческого характера.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В условиях тесных этнокультурных и этноконфессиональных взаимодействий в полиэтнических регионах религиозная культура приобретает особое значение в формировании и сохранении благоприятной социокультурной среды. При поддержке её состояния следует особо акцентировать внимание на таких составляющих, как религиозное воспитание и образование, а также создание и поддержка межконфессиональных объединений, целью которых является координация взаимодействий между представителями всех имеющихся в регионе конфессий, государственных и общественных структур.

2. Для сохранения этнокультурного разнообразия и обеспечения полноценного и гармоничного сосуществования культур и религий в полиэтнических регионах необходимо соблюдение выработанных веками условий:

- во-первых, необходимо формировать соответствующие установки и принципы – толерантности, справедливости, диалога и взаимопонимания, познания других культур и т. п.;

- во-вторых, следует организовать систему взаимодействий представителей различных конфессий и культур прежде всего посредством создания соответствующих организаций и норм их деятельности;

- в-третьих, важно обеспечить взаимосвязь этих организаций с органами государственной власти и институтов гражданского общества, их поддержку со стороны последних, поскольку важнейшей задачей современного государства является обеспечение социального мира и согласия и недопущения разрушительных конфликтов и кризисов;

- в-четвёртых, обеспечить решение проблем мирного сосуществования и соразвития различных религий и культур на всех уровнях – местном, региональном, общенациональном и международном.

3. Для благоприятного развития религиозной культуры и межконфессиональных отношений в Крыму необходимо развивать и модернизировать религиозное образование, акцентируя внимание не только на изучении своей собственной религии, но и религии иных имеющихся в регионе конфессий.

4. Для Республики Крым (как и для других полиэтнических и поликонфессиональных регионов) в плане развития и поддержки гармоничных межрелигиозных отношений и межрелигиозного согласия в настоящее время особо перспективными являются межконфессиональные мероприятия, проведение которых будет способствовать формированию высокого уровня религиозной культуры, «открытости» и доступности различных конфессий, предупреждению ксенофобии и религиозной неприязни, созданию коммуникативного пространства для полноценного общения представителей всех религий полуострова, обеспечению социально-конфессионального единства и успеха этноконфессиональной политики, проводимой в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айснер, Л. Ю. Роль, место и функции религии в системе культуры / Л. Ю. Айснер // Вестник КрасГАУ. – 2009. – № 3. – С. 238–241.
2. Доусон, К. Г. Религия и культура / К. Г. Доусон; пер. с англ., вступ. ст., коммент. К. Я. Кожурина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 281 с.
3. Каприцын, И. И. Религиозная культура в условиях глобализации [Электронный ресурс] / И. И. Каприцын // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 2(44). – Ч. 4. – С. 89–90. – Режим доступа: <https://research-journal.org/philosophy/religioznaya-kultura-v-usloviyax-globalizacii/> (дата обращения: 11.04.2019).
4. Кузнецов, Р. И. Религиозная духовность как фактор культуры / Р. И. Кузнецов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – С. 40–48.
5. Малявина, С. С. Представления молодёжи о религиозной культуре (по результатам кросс-культурного исследования) / С. С. Малявина // Интеграция образования. – 2011. – № 4. – С. 104–108.
6. На встрече с главой республики С. В. Аксеновым: Межконфессиональный совет Крыма «Мир – дар Божий» призвал крымчан сохранять единство, мир и согласие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimea-eparhia.ru/59-events/5751-на-встрече-с-главой-республики-с-в-аксеновым-межконфессиональный-совет-крыма-«мир-дар-божий»-призвал-крымчан-сохранять-единство,-мир-и-согласие> (дата обращения: 03.04.2019).
7. Основы религиозной культуры и светской этики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mjcc.ru/news/osnovyi-religioznoy-kulturyi-i-svetskoy-etiki/> (дата обращения: 26.03.2019).
8. Портрет современной молодёжи Автономной Республики Крым [Электронный ресурс]. – Симферополь, 2013. – 85 с. – Режим доступа: http://www.crimea.gov.ru/content/uploads/files/youth_portrait_of_ARC.pdf (дата обращения: 25.03.2019).
9. Постановление Совета министров Республики Крым от 09 апреля 2015 г. № 185 «Об утверждении Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России “Республика Крым – территория межнационального согласия” на 2015–2017 годы, и порядков использования средств бюджета Республики Крым» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minek.rk.gov.ru/file/File/2015/docs/strateg/gosprogRK/02-07/Gosudarstvennaja_programma_po_ukrepleniju_edinstva_rossijskoj_nacii_i_jetnokul%27turnomu_razvitiju_narodov_Rossii_RK_territorija_mezhnacional%27nogo_soglasija_na_2015-2017_gody.pdf. (дата обращения: 05.04.2019).
10. Религиозное многообразие Крыма после 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=476&ELEMENT_ID=7617 (дата обращения: 02.04.2019).
11. Швецова, А. В. Формирование духовно-нравственных религиозных ценностей в учебно-воспитательном процессе (опыт Крыма) / А. В. Швецова, О. И. Микитинец // Государство, Общество и Церковь: миграция и межкультурное многообразие: материалы научно-практической конференции с международным участием: в 2-х частях. Сибирский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; под науч. ред. Л. В. Савинова. – 2018. – С. 199–202.

Блаженкова Ю. П.
Yu. P. Blazhenkova

**ПРИМОРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ
В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОСЕТИТЕЛЕЙ**

**PRIMORSKAIA STATE ART GALLERY
IN THE SYSTEM OF CULTURAL VALUES VISITORS**

Блаженкова Юлия Павловна – заведующая научно-просветительским отделом Приморской государственной картинной галереи (Россия, Владивосток); 690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Алеутская, 12. E-mail: lib_primgallery@mail.ru.

Ms. Yuliya P. Blazhenkova – head of scientific and educational Department of Primorskaia state art gallery (Russia, Vladivostok); 690091, Primorsky territory, Vladivostok, 12 Aleutian str. E-mail: lib_primgallery@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена обзору актуальных форм коммуникации зрителей с произведениями искусства в пространстве Приморской государственной картинной галереи. Подняты вопросы современных способов мотивации зрителей, приоритетных направлений научно-просветительской работы эффективности музейной деятельности по результатам анкетирования посетителей за 2018 год.

Summary. Summary. The article is devoted to the review of current forms of communication between viewers and works of art in the space of the Primorsky State Art Gallery. The article touches upon issues of modern ways of motivating viewers, priority areas of scientific and educational work of the effectiveness of museum activities based on the results of a survey of visitors in 2018.

Ключевые слова: музей, картинная галерея, культурные ценности, культурные практики, выставки, квест, музейный маркетинг, искусство, культура.

Key words: museum, art gallery, cultural values, cultural practices, exhibitions, quest, museum marketing, art, culture.

УДК 069:002/069.1

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена необходимостью осмысления значительных различий в предпочтениях посетителей Приморской государственной картинной галереи (г. Владивосток). Исследовательской базой данной работы послужили результаты анкетирования, проведённого с ноября 2018 г. по май 2019 г., и личная коммуникация автора с посетителями, направленная на изучение мотивации людей к потреблению музейного продукта. По данным годовой отчётности за 2018 год, галерею посетили более 70 тыс. человек. В течение года было проведено около 70 выставок, 100 культурно-просветительских мероприятий, 30 лекций, 35 мастер-классов. По результатам каждого проекта проводился мониторинг его популярности, в ходе которого учитывались качественные и количественные показатели. Например, проект считался успешным, если его посетили более 3 тыс. человек, а научные сотрудники галереи и приглашённые участники качественно выполнили свою работу. Наиболее важным показателем, по нашему мнению, является критерий привлекательности мероприятия, который выражается в желании людей повторно (и далее постоянно) посещать галерею.

В настоящее время стало очевидным, что применение классических критериев оценки мероприятий, таких как объём заработанных средств или общее количество посещений, уже не является актуальным. Более значимы критерии эффективности, которые, как правило, основываются на конкретных целях и задачах современного музея. Поэтому, например, вполне возможен такой критерий, как «усиление локальной идентичности». Однако для его использования требуется принципиально изменить традиционные показатели – вместо линейного анализа половозрастной структуры посетителей перейти к анализу их мотивации и идентичности [3, 114]. Исследование

этой парадоксальной ситуации приводит нас к пониманию того, что взаимодействие какой-либо социальной группы и музея (галереи) может быть эффективным и успешным только в том случае, когда в основу коммуникации будет положено адекватное понимание интересов, мотивов и запросов людей к музейному пространству [6, 1311].

К сожалению, специфика работы галереи не всегда позволяет проводить выставки, в которых заинтересованы посетители. Это зависит от многих причин: малого количества выставочных площадей и, как следствие, невозможности длительного и обширного экспонирования; сложностей в логистике при доставке художественных произведений из российских и зарубежных музеев; невозможности транспортировки некоторых произведений на Дальний Восток из-за больших размеров или требований к условиям их хранения.

Достижение положительного результата в подобной ситуации возможно при выполнении ряда культурно-коммуникативных условий и изучении потребностей потенциальных посетителей [6, 1315]. Учёт результатов при планировании выставок и других мероприятий позволит Приморской государственной картинной галерее занять важное место в системе культурных ценностей населения края. Каковы же эти условия?

В настоящее время музей (галерея) как общественное учреждение, доступное гражданам в классическом, традиционном варианте музейной институции, не является свободным пространством: в нём нужно вести себя особым образом: здесь нельзя ничего трогать, бегать, кричать, шуметь. Но сегодня такая модель поведения кажется устаревшей даже сторонникам идеи традиционного музея. Если нельзя ничего потрогать, побегать, покричать и пошуметь, то возникают вопросы: Что же тогда можно? В чём заключается экзистенциальная сущность его посещения, смысл пребывания в музее? Испытать катарсис (эстетическое переживание) при рассмотрении произведения искусства (скульптуры, картины и т. д.) человек может только в том случае, если умеет созерцать. А если он этого не умеет или его этому не обучили [4, 109]? Таким навыком владеют преимущественно люди, сформированные советской эпохой, что подтверждают данные нашего анкетирования: из общего числа опрошенных посетителей около 10 % составили лица в возрасте от 70 до 80 лет, 32 % – в возрасте от 60 до 70 лет, 10 % – в возрасте от 50 до 60 лет, 10 % – в возрасте от 40 до 50 лет, 8 % – в возрасте от 30 до 40 лет, 30 % – в возрасте от 10 до 20 лет. Таким образом, на 50–80-летних посетителей, взросление которых происходило ещё в советское время, приходится более 50 % всех посетителей галереи. Это люди, испытывающие духовную потребность в общении с прекрасным. Для 30–40-летних это характерно в значительно меньшей степени (18 %). Что касается сравнительно большой доли посетителей в возрасте от 10 до 20 лет (30 %), то на стандартный вопрос «Какие причины вас побудили прийти в музей?» давался типичный ответ: «Заставил преподаватель или учитель, родители». Любопытно, что 85 % из числа респондентов – это лица женского пола.

Нынешнее поколение 10–20-летних, выросшее на агрессивном мелькании картинок на экранах смартфонов и ноутбуков, не может сосредоточиться на длительном разглядывании старых полотен. Старинные произведения искусства не приносят им удовольствия, а раз так, то элиминируются из досуга. Музей в том виде, в каком он отражает классическую парадигму «руками не трогать», перестаёт быть интересным для современных молодых людей. Для того чтобы как-то изменить ситуацию, во многих музеях залы насыщают интерактивными экранами, стендами, киосками и другим мультимедийным оборудованием. Всё это делается для посетителей, не умеющих созерцать [4, 111].

На выставочных проектах в залах Приморской государственной картинной галереи неумеющим созерцать посетителям предлагаются дополнительные контенты: визуальный (экраны, проекции на стены, интерактивный стол), тактильный (книги, репродукции, каталоги, чучела животных и птиц, лупы), звуковой (музыка разных эпох; звуки живой природы). Необходима качественная подготовка такого рода контентов. Для этого научным сотрудникам галереи приходится осваивать программные продукты в области IT-технологий. Стандартный видеоряд, запущенный в режиме повтора, конечно, может выполнить функцию контента, но, к сожалению, молодёжь и подростков уже не впечатляет. Цифровое мышление и особый, цифровой, образ жизни стали неотъ-

емлемой частью современности, и вовлечение зрителя в пространство синтетических форм искусства, создание «дополненной» реальности становится необходимой в работе музея. Данная культурная практика подразумевает непосредственное участие человека в событии и приобретение им уникальных впечатлений, эмоций, знаний [2, 74]. Парадокс ситуации заключается в том, что если многие специалисты рассматривают новые технологии, практики и мероприятия как дополнение к главному – музейному предмету в музейной среде, то массовый посетитель видит в этих дополнениях, наоборот, основное, а подчас и единственное содержание музейного пространства. Музейный предмет постепенно отходит в тень на фоне события, поскольку событийность происходящего в музее становится квинтэссенцией ожиданий современного посетителя. И после этого уже не столь важно, что он увидел в музее и какие переживания в нём вызвало увиденное, сколько то, что он там был и факт своего «бытия» смог сделать всеобщим достоянием посредством selfie и социальных сетей [4, 112-113].

В Приморской государственной картинной галерее не первый год в качестве бренда используется постер с картины известного приморского художника И. В. Рыбачука (1921–2008) «Молодой матрос» (см. рис. 1). Изображение картины неоднократно тиражировалось в различной печатной продукции: сувенирных календарях, маркированных конвертах и др.

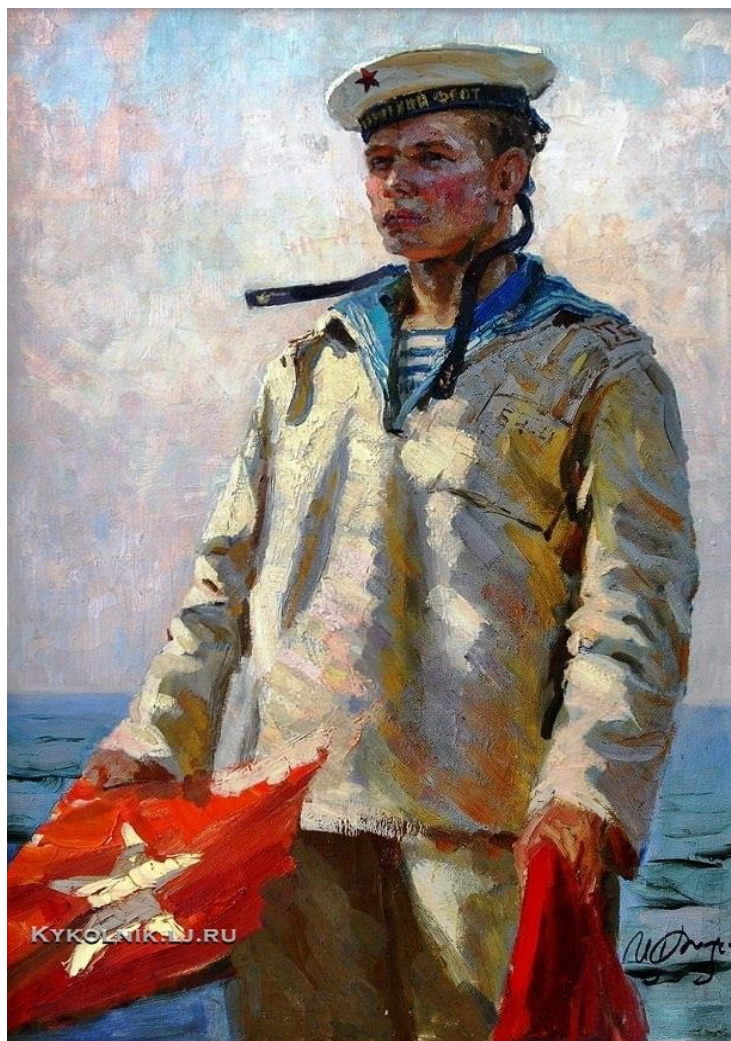

Рис. 1. Рыбачук И. В. (1921–2008). «Молодой матрос». 1972 г. Холст, масло.
Из собрания Приморской государственной картинной галереи

В настоящее время линейку сувенирной продукции продолжили свитшоты, фартуки и сумки. В 2018 году впервые увидел свет прототип этого бренда, созданный специально для детей, — «Морячок». Надеемся, что у «Морячка» большое и весёлое будущее, он найдёт юных поклонников на страницах многочисленных путеводителей и детских книг.

Нередко гости галереи, увидев данную картину в экспозиции, спрашивают: «А у вас были такие календари и конверты, ещё можно купить?». В данном контексте удивляет, что не звучат вопросы «Можно ли сфотографировать произведение? В каком каталоге можно его увидеть?». К сожалению, сувенирная продукция часто пользуется у посетителей галереи большей популярностью, чем подлинники.

Участие людей в создании социокультурных феноменов, экспансия любителей в сферу культурного производства приводят к стиранию границ между потреблением и производством, игрой и работой, свободным временем и трудом, творчеством и рутинной повседневностью, аудиторией и автором. Всё это является свидетельством проявления особого типа активности, особой культурной практики [2, 73].

В начале статьи был поднят вопрос о мотивации зрителя на то, чтобы после посещения галереи он стал её постоянным другом и поклонником. Разумеется, даже в личной беседе человек не всегда сможет сразу и достоверно ответить, хочет он этого или нет. Но можно предположить, что этому способствует многообразие интересов: от желания совершенствоваться, повышать эрудицию, получать эстетическое удовольствие, приобретать новый эмоциональный опыт до стремления определить свою культурную идентичность или сформировать уникальный культурный капитал личности. Ныне человек хочет быть активным участником культурной жизни, а зачастую и творцом культуры, современным демиургом. В этой парадигме смещаются акценты: теперь личность выступает не только объектом культурного воздействия, но и полноправным участником процесса созидания некоего культурного артефакта [2, 72–76].

По мнению О. В. Архиповой, профессора кафедры проектной деятельности в кинематографии и телевидении Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, доктора философских наук, девизом, под которым сегодня реализуются культурные практики, может стать восточная мудрость: «Расскажите — и я забуду; покажите — и я запомню; дайте мне сделать — и я пойму» [2, 75]. Данный девиз подтверждается практикой. В текущем году в Приморской государственной картинной галерее набирают популярность различные мастер-классы, ранее не пользовавшиеся спросом. Родители с детьми и индивидуальные посетители активно участвуют в таких мастер-классах, как «Мокрое валяние», «Бисероплетение», «Создай кокошник», «Кукла — своими руками» и др. Их участники с удовольствием забирают сделанную своими руками вещь в подарок друзьям или оставляют себе в качестве сувенира. На международной акции «Ночь музеев — 2019» большое количество гостей собрала студентка, которая писала натюрморт прямо в экспозиции зала западноевропейской живописи «Тайные знаки — скрытые смыслы». На наш взгляд, творчество молодой художницы привлекло такую же аудиторию, как и экспонированные шедевры XVII века.

Не случайным выглядит и рост популярности в списках заказов услуг галереи квестов у школьников. При этом необходимо сделать акцент на том, что квест в выставочных залах художественного музея — это не квест в обычном понимании данного вида развлечений. Несмотря на то что в галерее ещё действует правило: не шуметь и не бегать, юные посетители выбирают квест как форму диалога с музеем. Большой популярностью пользуются также магнитные пазлы на специальном стенде, из которых участники собирают картины, представленные в экспозиции. Искренний интерес вызывают задания-бродилки с поиском указанного в выданной карточке фрагмента картины. Бывают даже вопросы повышенной сложности, например, назвать имя художника полностью, годы его жизни, перечислить, сколько картин данного автора есть в экспозиции. Юные участники включаются в эту игру и с успехом с ней справляются.

Важно отметить, что все эти проекты, по своей сути, воспроизводят цифровой игровой формат. Подобно компьютерным играм, в них используются эффект погружения, особая драматургия и особый язык. Таким образом, театральный интерактив, иммерсия, опыт «живого кино»,

квесты-бродилки становятся одной из моделей культурных практик и актуальным способом коммуникации со зрителем. В них нет пересказа, но есть другой тип коммуникации – диалог с каждым посетителем [2, 74]. Для грамотного построения такого диалога необходимы специалисты по музейному маркетингу, регулярное повышение квалификации уже имеющегося музейного персонала. Музейный маркетинг является инструментом, который позволяет не только диагностировать и удовлетворять нужды потребителей музейных услуг, но и влиять на формирование этих нужд, прогнозировать их развитие и формирование. Маркетинг и брендинг показали себя весьма продуктивными и эффективными инструментами управления жизнью музея в ситуации, когда его выживание и развитие в наибольшей степени зависят от потребителя, имеющего огромный выбор «музейных продуктов» на рынке музейных товаров и услуг [1, 65].

В настоящее время расширяется практическая значимость музейной деятельности, она всё более носит междисциплинарный характер. Как следствие, современный музейный специалист должен иметь знания по таким дисциплинам, как менеджмент, маркетинг, психология, социология, культурология, искусствоведение, эстетика, педагогика, музейная коммуникация. Музей становится гибким и мобильным, вбирает в себя новые достижения научно-технического прогресса и стоит на пороге превращения в динамично развивающуюся отрасль науки, искусства, бизнеса и культуры [5, 195]. В современных условиях объективная реальность всё более вытесняется виртуальной реальностью, ставя перед музейными сотрудниками новые цели и задачи. О. В. Архипова утверждает, что «виртуальному миру не соответствует никакая ценностная шкала. Виртуальность избегает оценок, человекомерности. Там, в искусственном, но таком манящем мире всё возможно. Этот мир дезориентирует современного человека, навязывает ему обманчивые идеалы, иллюзорные мотивы действия, необоснованные варианты поведения. Потому сегодня необходимо использование целостного и системного подхода к цифровой коммуникации, который будет направлен на актуализацию культурного опыта» [2, 75]. В наши дни музейный сотрудник вынужден постоянно находиться в состоянии поиска равновесия между традиционными ценностями и ориентацией на актуальные требования современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева, М. Р. Проблемы современного музейного маркетинга / М. Р. Арпентьева // Экономические эффективные и экологически чистые инновационные технологии: материалы Четвёртой Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2018, – С. 64–92.
2. Архипова, О. В. Цифровые тренды культуры: опыт трансформации культурных практик / О. В. Архипова // Петербургский экономический журнал. – 2018. – № 1. – С. 70–76.
3. Гринько, И. А. Музейная антропология и музейный менеджмент / И. А. Гринько // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. – 2019. – № 1. – С. 113–119.
4. Мухин, А. С. Музей на перепутье: новые вызовы и перспективы / А. С. Мухин // Вестник СПбГУКИ. – 2018. – № 1. – С. 109–114.
5. Рафикова, Н. Современный музей – генератор идей / Н. Рафикова // Ватандаш. – 2018. – № 4. – С. 189–200.
6. Солодовникова, Н. В. Музей в системе ценностных ориентаций молодёжи / Н. В. Солодовникова // Синергия наук. – 2018. – № 28. – С. 1311–1317.

Фёдоров Ю. В.

ДВА ФИЛЬМА: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ, ДВЕ ПАРАДИГМЫ, ДВА КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ СПОСОБА ОСМЫСЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Фёдоров Ю. В.

Yu. V. Fedorov

**ДВА ФИЛЬМА: ДВЕ КОНЦЕПЦИИ, ДВЕ ПАРАДИГМЫ,
ДВА КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ СПОСОБА ОСМЫСЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ**

**TWO FILMS: TWO CONCEPTIONS, TWO PARADIGMS, TWO CINEMATIC WAYS
OF UNDERSTANDING REALITY**

Фёдоров Юрий Валентинович – кандидат философских наук, главный режиссёр Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького, заслуженный артист Украины, доцент кафедры театральное искусство Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь); тел.: +7 (978) 830-87-55. E-mail: Fedorov_Juriy@mail.ru.

Mr. Yuri V. Fedorov – PhD, chief Director of the Crimean academic Russian drama theatre M. Gorky, honored artist of Ukraine, associate Professor of the Department of theater arts of the Crimean University of culture, arts and tourism (Russia, Simferopol); tel.: +7 (978) 830-87-55. E-mail: Fedorov_Juriy@mail.ru.

Аннотация. В данной статье представлен анализ двух отечественных художественных фильмов разных лет – «Город Зеро» (1988 г., режиссёр К. Шахназаров) и «Страна ОЗ» (2015 г., режиссёр В. Сигарев). С помощью сравнительного анализа этих фильмов автор делает выводы о двух принципиально разных подходах к художественному (кинематографическому) отображению проблем современного социума, обозначает абсолютно разные режиссёрско-постановочные концепции и особенности парадигмального режиссёрского мышления. В статье поднимаются вопросы этического и нравственного осмысления Художником проблемных реалий современного социума, концепций их кинематографического воплощения, образных форм и приёмов их подачи на экране. По мнению автора статьи, подлинный Художник имеет право «открывать глаза» зрителю на глубокие социальные проблемы, указывая на серьёзные зоны социальных рисков, однако он не должен заставлять кинозрителя воспринимать мир сквозь призму собственных проблемных мировоззренческих и духовно-нравственных построений, а главное, собственных психоэмоциональных акцентуаций и душевных болезней. Автор статьи считает, что в контексте активной вестернизации мировой культуры нравственные аспекты отечественного кинематографа представляются сегодня особенно актуальными. На примере этих двух фильмов автор затрагивает вопросы аксиологической амбивалентности отечественной кинопродукции как элемента массовой (агрессивной и болезненной) культуры с позиций «нравственной экологии» и смысложизненных идеалов.

Summary. This article analyzes two domestic feature films of different years and different Directors: «The city of zero» (1988, director K. Shakhnazarov) and «The country of Oz» (2015, director V. Sigarev). On the comparative analysis of these films the author draws conclusions about two fundamentally different approaches to the artistic (cinematic) representation of the problems of modern society, denotes completely different Director-staging concepts and features of the paradigm of Director's thinking. The article raises the issues of ethical and moral understanding of the artist's problem realities of modern society, the concepts of their cinematic embodiment, figurative forms and methods of their presentation on the screen. According to the author, a true Artist has the right to «open his eyes» to the viewer to the deep social problems, pointing to the serious zones of social risks, but he should not force the viewer to perceive the world through the prism of his own problematic worldview and spiritual and moral constructions, and most importantly, his own psycho-emotional accentuations and mental illnesses. The author of the article believes that in the context of active Westernization of world culture, the moral aspects of the national cinema are particularly relevant today. On the example of these two films the author touches upon the issues of axiological ambivalence of domestic film production as an element of mass (aggressive and painful) culture from the standpoint of «moral ecology» and life ideals.

Ключевые слова: кинематограф, ценности, творчество, образ, психосексуальная извращённость, деформация, вырождение.

Key words: cinema, values, creativity, image, psychosexual perversion, deformation, degeneration.

УДК 7.011

Сегодня проблемное существование человечества, включая ситуацию с «нравственной экологией» и «экологией культуры» [1], многими экспертами рассматривается как катастрофическое [2]. Нарастающий системный планетарный кризис XXI века всё больше углубляет картину всеобщего неблагополучия, где техногенные успехи современной цивилизации меркнут на фоне псевдотворческих мутаций, нравственного опустошения и духовной деградации человека. Нарастают негативные последствия аберраций обыденного сознания современного человечества. Стремительно растут зоны нравственных рисков в социальном пространстве. Мировые социокультурные трансформации посредством феномена глобализации радикально меняют сознание каждого человека. Современный мир стремительно меняется на наших глазах, и эти радикальные перемены, многие из которых имеют фатальный характер и антикультурные очертания, безразличны большинству мирового научного сообщества [3; 4].

Отсутствие стабильных идеологических процессов, продуманных социокультурных парадигм, обесмысливание культуuroобразующих концептов, тотальный плюрализм и мировоззренческий релятивизм – настораживают всё больше. Стремительно меняющаяся природа патологических, болезненных процессов в социуме, культуре и искусстве не может не волновать философов, культурологов, искусствоведов.

Сфера культуры особенно заметно отражает агрессивность и болезненность мира. Страх, пессимизм и апатия тут же переплавляются в деструктивные концепты, болезненные социальные аллюзии и ассоциации [5]. Современное искусство уже перенасыщено негативными проявлениями человеческой природы, где насильственная смерть, ненависть, злоба, агрессия и всевозможные психосексуальные извращения искусно эстетизируются и упаковываются в привлекательные тренды массовой культуры [6].

Из художественного осмысления действительности уходит образное мышление. Мы вынуждены констатировать, что понятия «художественный образ», «режиссёрская метафора», «действенный анализ», «сценографический конфликт», «выразительные средства» – на глазах исчезают из театра и кинематографа. Природа подобных потерь требует незамедлительного анализа профессиональных искусствоведов и учёных-культурологов.

Самое любимое и «важнейшее из всех искусств» не раз подвергалось нашему искусствоведческому (аксиологическому, культурологическому) анализу [7]. Однако зарубежному кинематографу мы уделяли больше внимания, чем отечественному, и потому сегодня мы рассмотрим два отечественных фильма, принадлежащих двум историческим эпохам. Режиссёры этих лент, К. Шахназаров и В. Сигарев, также являются представителями разных поколений, разных кинематографических школ с различными взглядами, подходами, идеологическими установками, эстетическими критериями и абсолютно несхожим профессионально-режиссёрским инструментарием. Наконец, этих режиссёров разнит не только отношение к действительности, но и парадигмальное мышление, в силу которого они выстраивают своё особое кадровое содержание, включающее смысловую нагрузку, динамику, эмоциональность, атмосферу, парадоксальность и прочие аспекты профессиональной режиссуры. Взятые для анализа являются фильмы «Город Зеро» (1988 г.) [8] и «Страна ОЗ» (2015 г.) [9].

Жанр фильма «Город Зеро» лукаво определён авторами как драма. Авторы сценария: А. Бородянский, К. Шахназаров. Режиссёр-постановщик фильма – Карен Шахназаров. В ролях: Л. Филатов, О. Басилашвили, В. Меньшов, А. Джигарханян, Е. Евстигнеев, А. Жарков, Ю. Шерстнев и другие замечательные актёры советского кинематографа.

Картина «Город Зеро» представляет собой удивительный синтез социальной драмы и фантасмагории, граничащей с абсурдом, причём все слагаемые элементы жанра удивительно органично присутствуют и в структурном (сценарно-драматургическом) единстве и составляют полноценный художественный (психо-эмоциональный) образ фильма. «Город Зеро» – не просто сильная режиссёрская работа высочайшего мастера К. Шахназарова, но и удивительный феномен художественно воплощённого предвидения крушения Советской империи. Фильм, созданный в 1988 году, то есть за три года до исчезновения Советского Союза с политической карты мира, оказался потрясающе пророческим в своих сложных режиссёрских метафорах и ассоциациях. Именно

эта режиссёрская метафористика представляется особенно важной в анализе данной кинематографической работы. Язык режиссёра объёмен и многомерен. Буквально каждый кадр ленты не просто выстроен по определённому режиссёрскому замыслу, но и уложен в сложную смысловую партитуру фильма, где всё приходится расшифровывать и разгадывать. И подобная работа по художественной дешифровке доставляет зрителям особую радость, так как они движутся с авторами фильма в том же направлении (многие из зрителей жили в то же время, в той же стране и по тем же законам). Эта сопричастность объединяет и гарантирует точную финальную реакцию – да, из города Зеро нет выхода главному герою! – вспомним последние кадры фильма, и Варакина в лодке без вёсел посреди туманного озера...

Сюжет картины прост и в тоже время невероятно загадочен. Главный герой картины, инженер Варакин, приезжает в служебную командировку в некий провинциальный город, где с ним и происходят невероятные события, не позволяющие командировочному благополучно вернуться домой... Фильм снят на излёте перестройки, что позволяло (впоследствии) кинокритикам рассматривать картину как завуалированное раскрытие злого замысла устроителей нового мирового порядка по уничтожению СССР. В картине они видели все деструктивные аспекты уничтожения советского социума: шоковую терапию общества, уничтожение исторической правды, подрыв государственных устоев через (купленную Западом) советскую номенклатуру и продажные СМИ, нравственное разложение и развращение молодёжи и т. д. Однако в 1988 году даже снимающиеся в фильме актёры не видели в нём скрытых смыслов, а воспринимали материал как комедию абсурда [9]. Этот фильм крайне редко шёл на экранах кинотеатров, на ТВ и не был популярен в своё время. Странная история для блистательной кинематографической работы с безупречной режиссурой и прекрасными, любимыми народом актёрами...

Все смыслообразующие концепты фильма глубоки и многомерны. Образность и символика ленты просто восхищают своей изысканностью, точностью и художественностью. На поверхностном смысловом поле лежат лишь самые простые метафоры: директор, не знающий, что на заводе уже 8 месяцев нет главного инженера; сидящая в приёмной голая секретарша, на которую никто не реагирует; предложенный в ресторане десерт в виде головы главного героя; застрелившийся от обиды за несъеденный десерт повар Николаев; городская асфальтированная дорога, ведущая в лесной тупик; главный прокурор города, одержимый желанием совершить преступление; «странная» экспозиция городского музея с эксклюзивными экспонатами, вошедшими в славную историю захудалого городка, и т. д. И эта загадочная фраза мальчика-пророка: «Вы никогда не уедете из этого города». Что это: тупиковый путь развития социализма? ощущение целенаправленного развала суперимперии или трагическое предчувствие естественного распада СССР? К. Шахназаров неудержимо множит бесконечные вопросы, на которые должен ответить сам зритель. Сюрреализм сюжета с логикой абсолютного абсурда по тем временам просто невероятен. Тогда этот фильм хотелось пересмотреть несколько раз, но это стало возможно лишь с появлением Интернета.

Сегодня мы вновь вглядываемся в лица любимых актёров и не верим, что лента снята так давно. Зритель движется по сюжету фильма, как по замысловатому лабиринту, где должен быть потенциальный выход, но постоянно попадает в тупики утилитарного смысла и тупикового «знания», где всё предопределено и является «предельно простым и ясным». Но русская история никогда не была ясной. Умом Россию не понять – она полна парадоксов и загадок! И режиссёр вновь говорит нам о парадоксальных характерах, о загадочном пути России и непредсказуемом выходе из невероятного, казалось бы, исторического тупика. Впрочем, полностью разгадать фильм К. Шахназарова – идея привлекательная, но не реализуемая. Крупный Художник – уже сам по себе загадка, и его «творческое зазеркалье» только приумножает количество прекрасных художественных находок и парадоксов. Крупный мастер мыслит концептуально, мощно, образно. В его ленте есть и идея, и задача, и социальная проблема. Тут вспоминается фраза гениального Р. Роллана: «Существует на свете только один героизм: видеть мир таким, каков он есть, и любить его!» И мы видим, как автор любит своих многочисленных героев. Он сочувствует инженеру Варакину, сопереживает в его безвыходном положении, так как понимает всю сложность и противоречивость человека в эфемерном мире «развитого социализма». На протяжении всего фильма мы с интересом

следим, как режиссёр К. Шахназаров выстраивает собственную кинематографическую версию советской социокультурной матрицы, ту самую, богатую смыслами и парадоксами парадигму реальности, от которой мы смеёмся и плачем. Фильм хочется просматривать бесконечно, но после просмотра кажется, что что-то ещё осталась недопонятым, неразгаданным... Режиссёру удалось втянуть нас в некую игру, где финал призрачен и до конца не определён, а значит, мы продолжаем его домысливать, додумывать, доигрывать, а это и есть высшая награда для режиссёра. У фильма потрясающее художественное послевкусие.

А теперь коротко проанализируем российскую ленту 2015 года режиссёра и сценариста В. Сигарева, которая называется «Страна ОЗ» [9]. В фильме заняты популярные артисты: Я. Троянова, Г. Куценко, А. Баширов, В. Симонов, И. Чурикова и др.

Сюжет фильма предельно прост. Продавщица Лена Шабутдинова должна заступить на смену в новогоднюю ночь в киоске на улице Торфорефов. Но невероятные обстоятельства не позволяют ей добраться до места работы... Она садится в машину к наркоману и чуть не попадает в аварию, затем встречает странного Романа с дамской собачкой Дюдей, запускающего коробку пепард с собственной головы, потом оказывается в гостях у барда-бабника, после чего вынуждена покинуть его жилище через балкон. В чужой квартире её избивает диванный воин-придурок, потом обстоятельства забрасывают её в отделение милиции, и наконец, она чуть не погибает от шальной пули, выпущенной из автомобиля пьяными кавказцами.

А тем временем её ждут в том самом киоске, чтобы сдать ей смену. Отношения двух мужчин – продавца-киоскёра и его приятеля Дюка со странными и жуткими диалогами представляют параллельный сюжет фильма. И он не менее драматичен. Спираль отношений приятелей от пьяных литературных рассуждений, психосексуальных девиаций и гомосексуальных приставаний до сожжения киоска проходит через все допустимые морально-нравственные пределы и социальные табу. Зритель становится свидетелем физиологических испражнений героев, их вечного мата и безмотивного поведения. Автор намеренно создаёт атмосферу некой психиатрической клиники, где отсутствуют какие-либо табу, где стёрты все запреты и царствует болезненное воображение пациентов.

Схожие финалы раздвоенного сюжета должны продемонстрировать зрителю якобы абсолютную бессмысленность, идиотизм и жестокость нашей жизни. Фильм населён героями, живущими в каком-то антимире, в угаре и уродстве беспросветного прозябания. Их поведение лишено здравого смысла и какой-либо логики. Всё обесмысленно, когда царит тотальный и убийственный маразм нашей действительности, – основная мысль автора фильма. Безднадёжность и отчаяние, пустота и непонимание сочатся из каждого кадра этой ленты. Чернушный мир максимально уплотнён в своём негативе и воплощён автором в некой запредельной городской фантазмагории, где царят насилие, тупость, извращения, жестокость, примитивизм и отсутствие каких-либо ценностей и морали. Гомосексуализм, проституция, алкоголизм, наркозависимость, жестокость, полная бездуховность и прочие социальные пороки представлены в фильме как естественная среда российского обитания. Ненормативная лексика героев делает фильм ещё более шокирующим, но эстетический и эмоциональный шок не цель, а лишь выразительные средства, используемые режиссёром для реализации своего замысла. Некоторые критики уверяют, что фильм снят без ретуши и прикрас и представляет нашу реальность, «несколько гиперболизируя наиболее абсурдные моменты» [11].

Кажется, что В. Сигарев намеренно лишает свою картину роскоши режиссёрских метафор и гипербола, делая её намеренно плоской и убийственно прямолинейной. Нет встроенных смыслов, нет недосказанности, нет подтекстов. Всё ясно и зримо, как фекалии приятеля Дюка, выброшенные им через окошко киоска на белый снег. И лишь в конце картины из узкого просвета многоэтажек выплывает величественный парусник, на палубе которого наша Лена Шабутдинова в красном платье героини индийского фильма. Вот единственная метафора, которую позволяет себе режиссёр. Умиравшая героиня в затухающем сознании видит себя красивой и счастливой. Мечта, которой никогда не сбыться... В местечко Малая Ляля ей уже не суждено вернуться, как невозможно вернуться домой и инженеру Варакину из загадочного города Зеро. Это объединяет героев

двух фильмов в их невероятных зловключениях. Странно созвучны и названия двух фильмов: «Город Зеро» и «Страна ОЗ». Зашифрованные дивные места, где человеку нестерпимо плохо и нет выхода...

Сценарист и режиссёр В. Сигарев в своём фильме до предела сгущает краски. Проблемный социум наших дней в объективе его режиссёрской камеры предстаёт крайне болезненным и беспредельно мрачным. Всё прогнило: быт, пища, отношения героев, нравственные основы общества, – всё! Вычурные повороты сюжета и фабульные виражи только подчёркивают бессмысленность и трагичность бытия. После прочтения других пьес В. Сигарева – «Любовь у сливного бачка», «Фантомные боли», «Чёрное молоко», «Пластилин», «Русское лото», «Детектор лжи», «Гупёшка» – становится ясно, что мировоззрение этого режиссёра-драматурга достаточно негативно. Наблюдаемый им мир – бессмысленный и обречённый, с людьми-фантомами, не слышащими, не видящими и не понимающими друг друга. Все его пьесы пессимистичны, предельно физиологичны, с гнетущей атмосферой и полусумасшедшими персонажами. Автор постоянно погружает нас в мир социально неадаптированных героев с болезненными акцентуациями, клинической симптоматикой душевных заболеваний и болезненных состояний. Мир, обременённый танатоманией, различными невротизмами и хроническим депрессивным состоянием, уходит из-под ног героев, которым легче удавиться, чем жить. Не будем ставить диагнозы, но ипохондрия с различными фобиями, маниями и страхами у персонажей В. Сигарева явно преобладает.

Да, наш мир далёк от идеала, но думается, что настойчиво описываемый В. Сигаревым всеобщий распад и нравственное разложение не отрезвят нас и не сделают мир лучше, а лишь усугубят общую картину российского неблагополучия, лишив молодёжь последней надежды на нравственное оздоровление и лучшее будущее. Тут налицо аксиологическая амбивалентность и идейно-творческого замысла, и художественной ценности конечного кинопродукта. Режиссёрско-постановочная концепция беспросветна и убийственно проста: «всё так плохо, что глазам больно». Но есть ли в ней художественный потенциал и конструктивное начало? Парадигмальное мышление тут явно отсутствует, а образное видение подменяется безжалостной фиксацией только отвратительного, которое фиксируется камерой в формах и приёмах документального кино. Сам Василий Сигарев называет свой фильм «занимательной этологией» [11], то есть нам предложено его кинематографическое исследование генетически обусловленного поведения россиян. Как говорится: «Ничего личного!» Можно трактовать название страны в фильме «Страна ОЗ» как номер скорой помощи – 03 и мысль о необходимой и скорейшей помощи этой стране, находящейся в кризисном состоянии... И опять – ничего личного! Фраза: «Я так вижу» – прекрасная страховка многочисленных творцов и их пожизненная индульгенция от возможных нападков критиков и зрителей.

Но безобразное искусство и безобразное творчество – разные вещи, лежащие в разных плоскостях современной социокультурной реальности. Впрочем, тут есть широкое поле для дискуссий. Ясно одно: настоящий Художник может и должен «открывать глаза» зрителю на проблемные явления современного мира, но не должен заставлять его видеть мир сквозь призму собственно негативного мировоззрения, болезненных состояний и втягивать в пучину тотального негатива.

Думается, что подобный анализ двух фильмов может дать кинокритикам и искусствоведам новый импульс к аналитическому обзору зарубежных блокбастеров, боевиков, остросоциальных триллеров и прочих жанровых ухищрений с разнообразнейшим набором психосексуальной патологии, модного фрейдизма, убийств и извращений! Современный кинорынок буквально изобилует подобными «шедеврами», хотя к универсальным человеческим ценностям они не имеют никакого отношения.

Сегодня всё чаще продукция отечественных (особенно молодых) кинематографистов с их беспощадным взглядом на нашу российскую действительность напоминает генномодифицированные продукты питания, таящие массу психозомоциональных и морально-нравственных «сюрпризов» с непредсказуемыми последствиями, ведь «важнейшее из всех искусств» не стоит на месте и способов деструктивного воздействия на человеческое сознание и подсознание с каждым годом всё больше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев, Д. С. Русская культура: сборник / Д. С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – С. 97–98.
2. Лазарев, Ф. В. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию / Ф. В. Лазарев, Б. А. Литтл. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 264 с.
3. Лазарев, Ф. В. Антропологический манифест / Ф. В. Лазарев. – Симферополь, СОНАТ, 2007. – С. 35–41.
4. Антропологические вызовы современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь: Доля, 2008. – 96 с.
5. Давыдова, И. Н. Психология судьбы / И. Н. Давыдова. – М., 2012. – 196 с.
6. Федоров, Ю. В. Зло в мировой культуре XX столетия / Ю. В. Федоров. – Симферополь: Азбука, 2004. – 336 с.
7. Фёдоров, Ю. В. Феномен вырождения: социокультурные и творческие аспекты / Ю. В. Фёдоров. – Симферополь: СГТ, 2012. – 384 с.
8. Фильм «Город Зеро» и подробные комментарии к нему в Википедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=KV6ux8klsuY> (дата обращения: 15.07.2018).
9. Фильм «Страна ОЗ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hdmyvi.ru/4878-strana-oz-film-2015.html> (дата обращения: 04.06.2018).
10. О фильме Карена Шахназарова «Город Зеро» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://management-club.com/chto-chitaem/s-g-kara-murza-manipulyatsiya-soznaniem/o-filme-gorod-zero-karena-shahnazarova.html> (дата обращения: 24.08.2018).
11. «Страна ОЗ»: отзывы о фильме критиков и зрителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/276727/strana-oz-otzyivyi-o-filme-kinokritikov-i-zriteley> (дата обращения: 14.06.2018).

Цыплаков Д. А., Цыплакова С. М.

D. A. Tsyplakov, S. M. Tsyplakova

**ПАСХАЛЬНЫЕ И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ
В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

**EASTER AND CHRISTMAS CUSTOMS AND TRADITIONS
IN FOLK CULTURE TOUR OF THE SOVIET PERIOD**

Цыплаков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, преподаватель Новосибирской православной духовной семинарии Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, Новосибирск); 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. E-mail: tsypl@ngs.ru.

Mr. Dmitry A. Tsyplakov – candidate of philosophy, associate Professor, teacher of the Novosibirsk Orthodox theological Seminary of the Novosibirsk State pedagogical University (Russia, Novosibirsk); 630126, Novosibirsk, 28 Vilyuyskaya str. E-mail: tsypl@ngs.ru.

Цыплакова Светлана Михайловна – кандидат культурологии, доцент кафедры библиотечного дела и социально-культурной деятельности Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, Новосибирск); 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. E-mail: tsypl@ngs.ru.

Ms. Svetlana M. Tsyplakova – candidate of cultural studies, associate Professor of the Department of library science and social and cultural activities of Novosibirsk state pedagogical University (Russia, Novosibirsk); 630126, Novosibirsk, 28 Vilyuyskaya str. E-mail: tsypl@ngs.ru.

Аннотация. Современный российский социум в аспекте религиозной культуры появился в итоге непростых процессов секуляризации. Однако исторически вера входила и входит в структуру мира народных обычаев и традиций. Учёт этого фактора нужен при описании русской культуры, а также в религиозоведческих, социологических и исторических исследовательских работах. В данной публикации рассматриваются пасхальные и рождественские обычаи и традиции в народной культуре в секулярное советское время. В докладе анализируются структуры жизненного мира наших современников на базе анализа биографий. Определяющим моментом возвращения религии в жизненный мир социума, «религиозного ренессанса» последних десятилетий стала близость православного вероучения, культовой практики и жизни к культуре народа.

Summary. Modern Russian society emerged as a result of difficult processes of secularization in the aspect of religious culture. However, historically, the faith was part of the structure of the world folk traditions. Consideration of this factor is needed when describing Russian culture, as well as in religious studies, sociological and historical research works. This paper discusses Easter and Christmas customs and traditions in folk culture in secular Soviet times. The report analyzes the structure of our contemporaries' life, based on the analysis of biographies. The decisive moment of the last decades of the religion return to the life of the society of «religious renaissance» was the proximity of Orthodox dogma, cult practice and life to the culture of the people.

Ключевые слова: религия, секуляризация, народные обычаи и традиции.

Key words: secularization, religious structures of life, traditions of soviet people.

УДК 008:2

Народная культура – важный пласт, основа социальной культуры в целом. Культура в широком её понимании есть всё, что транслируется, то есть то, что (помимо биологической наследственности) считается важным и ценным для передачи из поколения в поколение. В этом смысле культура образует «ткань» социума, формирует общество в его специфических отличиях от природы. Общество, таким образом, становится продуктом культурного развития, формируется культурой, которая в её наиболее древних, базовых и устойчивых образцах принадлежит наследию народа, является его неотъемлемой частью.

Народная культура как наиболее консервативный, статичный элемент культуры хранит и оберегает значимые ценностные доминанты общества, а потому она является социально-формирующим компонентом, без которого распадается общество. Область ценностных доминант, безусловно, включает в себя и ценности религиозные, составляющие важный элемент жизненного мира людей. Их изучение является неизменно актуальным для гуманитарных и социальных наук. По мнению С. Л. Франка, теоретическое рассмотрение общества должно «с самого начала исходить из религиозного убеждения (подтверждаемого историческим опытом и углублённым рассмотрением общественной жизни), что есть вечные, вытекающие из существа человека и общества закономерности, которые человек хотя и может нарушить, но которые он не может нарушать без наказания и которые поэтому определяют истинную цель его стремлений. Человек не есть свободный хозяин своей жизни; он есть свободный исполнитель высших велений, которые вместе с тем суть вечные условия его жизни» [5, 35].

Таким образом, жизненный мир человека как члена социума включает в себя религиозные представления (а народная культура всегда была носителем этих высших ценностных элементов), собирает их в себе как неизменную органическую часть.

Советская секуляризация, проводимая с 1918 года, включала не только юридический, но и ценностно-культурный компонент. Термин «секуляризация» в данном контексте понимается нами как «процесс обмирщения, возникновения светского общества» [4, 204]. Задача советской секуляризации (декларировавшаяся уже не как буржуазная, а как марксистская) состояла в полной элиминации религии как социального явления. Весной 1918 года был создан восьмой ликвидационный отдел Народного комиссариата юстиции для осуществления декретов Совета Народных Комиссаров по отделению церкви от государства. Секуляризация проводилась силовыми методами, в том числе через уничтожение активных носителей несекулярного (религиозного) мировоззрения для формирования секулярного общества, в котором религиозные ценности в жизненном мире должны были быть замещены атеистическими конструктами. Жизненный мир верующих людей выпадал из «пространства имманентной рамки» (по выражению Ч. Тейлора). Имманентная рамка (immanent frame) – термин Ч. Тейлора, введённый им для того, чтобы описать существование секулярного индивидуума в секулярном социальном пространстве («...the buffered identity of the disciplined individual moves in a constructed social space, where instrumental rationality is a key value, and time is pervasively secular. All of this makes up what I want to call “the immanent frame”») [8, 543].

Таким образом, верующие становились препятствием для формирования имманентного секулярного пространства, для построения социализма и коммунизма. В настоящее время, оценивая результаты такого масштабного социального эксперимента по изгнанию религии из социума, можно сказать, что он так и не был выполнен. Религиозные обычаи и традиции продолжали оставаться важной составляющей частью народных обычаев и традиций и в секулярное советское время. Среди них выделялись главные православные праздники – Рождество и Пасха.

Приведём воспоминание респондента (род. в 1939 году) о праздновании Рождества Христова в белорусской деревне Бозок Осиповического района Могилёвской области, данное им в интервью (произношение респондента по возможности сохранено).

– Значит, у вас в деревне колядовали, да?

– Да, я цыганкой была, колядовала, цыган у меня был и цыганята, молодёжь вся, школьники. Ходили по хатам колядовали. Я гадала, цыган менял кони, шуткой такой всё. Нам давали булочки, пироги. Целые мешки наколядовали, помню.

– Ну, я почему-то была цыганкой. Не знаю почему, приставала к людям – гадала всем, что-то говорила. Весаилися. А пели колядки. Первым голосом, высоким, я пела. Без меня никто не мог петь. На улицах собиралась молодёжь и все ночь поём.

– А на Пасху какие песни пели?

– Разные тоже пели. Я запомнила Пасху. Меня бабушка водила в церковь ко Всенощной за 12 км. Это было очень радостно!

– А яйца красили?

– Да, красили. У битки играли. Мужики повыходят на улицу, и у битки, чьё яйцо крепкое выбивают, у кого побьют яйцо, забирают. Веселились люди тогда.

– Куличи пекли?

– Конечно, мама столько куличей пекла и сыр делала, масло делала. Справляли Пасху.

– Освящали куличи и яйца?

– Да, это моё дело было освящать.

– Ходили в церковь?

– Не в церковь, – батюшка приезжал у Вязовницу, другую деревню, и мы со всех деревень вокруг шли с узелочками, в основном дети, расстилали на улицы свои салфеточки и ложили еду. А батюшка ходил освящал. Это моё дело было освящать Пасху. А на Миколу (св. Николай) церковь у нас была в деревне, маленькая, на кладбище. На Миколу у нас был праздник, мама готовилась, все люди готовились. Кирмаш был. Приходили гости с других деревень, родня съезжалась. Много народу, танцы были потом. И вот наша детская была работа – храм вымыть. Ходили в храм – мыли полы, убирали, потому что батюшка приедет.

– Это после войны всё было?

– Да, после войны. Я во время войны совсем маленькая была. Во время войны ничего не было. Там только немцы орудовали. Бабка говорит, что деревню спалили, людей побили. У нас всю деревню спалили, только одна хата осталась, почему-то и колхозный сарай; 750 человек спалили.

– А после войны вы на Пасху на кладбище ходили?

– На могилки. Нет, не на Пасху. В какой-то день... в четверг. На Радоницу, дяды были. У нас в четверг был такой порядок. Пасха, Выходень, у воскресенье, а потом Пасха мёртвых. Батюшка приезжал с певчими, освящал могилки ходил. А батюшка был наш сват. Мой двоюродный брат на его дочке был женат. К нам в гости приезжал. Домой ехали на конях, на подводах, машин тогда было мало.

– А на Пасху друг к другу ходили в гости?

– Да, на Пасху, ой! Яйца покрасят. На вулице гуляли у битки. Помню, папа навывирает яйца покрепче. Дети себе играли, мужики себе.

– Запрещали Пасху праздновать?

– Нет, не гоняли. У нас никто не гонял никого в деревне.

– И в школе?

– Нет, в школе нас ругали. Как только приходили в школу, нас помещали в стенгазету.

– Помню, ходили жабровать (колядовать). Пошли по хатам колядки гулять, «жабравать» называлась. Надо были во все хаты зайти. К кому не зайдёшь, так обижаются. И вот помню, приходим мы в школу после праздника. А в школе на нас стали кричать «Цыганы, цыганы!»

– Дразнили?

– Да. А потом выпустили стенгазету и нас пропесочили, как мы ходим по хатам. Деревня Вязовница считалась культурная. Они не колядовали, там и школа была. А мы праздники отмечали по-старинному. Как я пела, – в другой деревне слышно было!

– Народные песни?

– Да, народные.

– Церковные песни пели?

– Церковные почти не пели. Бабушка меня научила молитве «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся». С бабушкой молилась. А так в деревне не пели.

Тот же респондент вспоминает детские годы – это 40-е годы XX столетия, после войны: Все храмы поблизости закрыли. В нашем селе на кладбище, в местечке Липень, храм закрыли, перенесли под клуб. Остался один храм далеко, на старом кладбище, в лесу, в деревне Кобылянке. По праздникам в этот храм приезжал батюшка и служил литургию. Особенно много людей собиралось в этот единственный храм на Пасху. Приходили и взрослые и дети. Мы детьми стояли на ночной пасхальной службе, потом уходили в притвор и засыпали на соломе. Радостный этот был сон и крепкий под звуки пасхальных молитв. Потом и этот храм закрыли. Батюшка уехал на Украину. А люди стали праздновать пасху дома.

Почему для раскрытия данной темы мы обращаемся к анализу биографий, собранных в ходе интервью? Биография человека детерминирована его историей, предшествующим опытом. И в этом смысле она уникальна. Но сведение воедино всех релевантностей будет конституировать те типические черты, которые могут стать базисом обобщающей типизации, то есть аспекты этих черт являются схожими для многих биографий, но что-то в них будет одновременно спецификой и уникальностью.

Изучая биографии людей, живших в советский период, мы попытаемся рассмотреть истории их жизней в контексте того, каким образом они [эти люди] взаимодействовали в те годы с религией и религиозным в широком смысле слова. Условно и с неизбежными упрощениями назовём нашу малую выборку «Сельские жители», учитывая географический критерий проживания. Возможность использовать данный метод для изучения жизненного мира верующих продемонстрировал К. С. Дивисенко, методологией которого мы ниже и воспользуемся [1, 98].

Опрошенный нами респондент родился и жил определённое количество времени в Советском Союзе. В биографических нарративах советская действительность воспринимается, скорее, негативно обеими группами респондентов, однако своим, специфическим образом, что позволила нам выявить актантную аналитическую модель, описание которой приведено в табл. 1.

Таблица 1

Актантная модель биографического нарратива в советский период

Актанты биографического нарратива	Выборка «Сельские жители»
Субъект/Объект	Рассказчик / Духовная жизнь
Помощник/Противник	Храм, религиозные артефакты, фольклор / Советская власть
Адресант/Адресат	Родители, бабушки / Сохранение религиозной традиции

Субъектом нарратива выступает рассказчик, который ведёт повествование о себе. Особенности актанта-объекта, к обладанию которого стремится субъект, непосредственно затрагивают тему религиозного и секулярного.

На рис. 1 изображена схема актантной модели для жителей села советского периода.

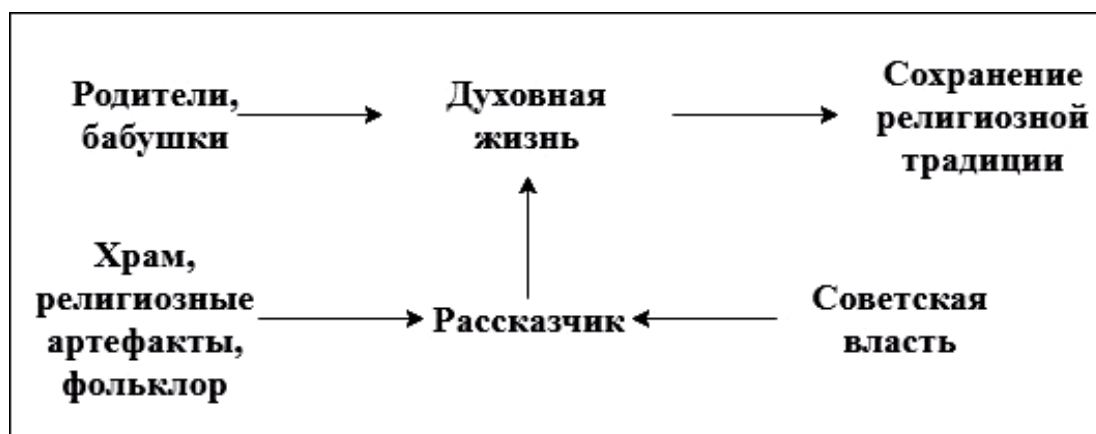

Рис. 1. Схема актантной модели для жителей села советского периода

Так, объект «духовная жизнь» в случае с сельскими жителями непосредственно подразумевает религиозность, а конкретно – православную религиозность и духовность. Для этого актант-объект необходимо рассматривать в неразрывной связи с актантом-адресантом. А им как раз выступает сохранение православной традиции, которое исходило от родителей и бабушек, то есть

жить духовной жизнью, сохранить православную традицию и веру родителей – именно это ясно проясняется в биографических нарративах данной группы участников исследования: *Мне мама сказала: “В какой вере родилась, в такой и умирай, никогда не меняй православие”.*

Опрошенный респондент 1928 года рождения пережила советскую эпоху будучи верующей. Напрямую она не подвергалась гонениям, но ярко описывает ситуацию советской геттоизации религии.

– Скажите, вы с детства верующая?

– Я с детства верующая...

– А у вас колядовали на Рождество?

– Ну... вот это... колядовали... А вот когда мы пошли уже в 5-й класс, я пошла в семилетнюю школу, нас очень ругали. Вызывал директор к себе, ругал за то, что мы колядовали, потому что наша деревня как-то была далековата от центра этого, от центра колхоза. То у нас очень праздновали божественные эти духовные праздники. И вот когда мы ходили колядовали, потом мы пришли после каникул в школу. И нас сразу же вызвали, всю нашу деревню, к директору, и директор нас там сильно ругал, что мы вот как будто бы верующие, ну, что праздновали этот праздник... А потом нас разрисовали в стенгазету, все смеялись, вся школа, что мы ходили с такими сумочками – ну, торбочки такие полотняные были раньше. И мы ходили по хатам колядовали, и нам что-то давали, как будто бы мы были какие-то побирайки, нищие какие. Сделали нас такими смешными, в общем. И нас вся школа смеялась.

– Обидно было?

– Ну как обидно?... Мы дрались с ними тогда...

В молодом возрасте респондент переехала в город и стала отходить от детской религиозности под влиянием окружающей обстановки.

– А потом перестала ходить. Перестала ходить и забыла молитвы. Вот как бабушка тогда меня учила...

– А вы учились в Минске или работали?

– Я работала. Я пошла работать.

– На работе знали, что вы верующая?

– Ну как, меня не знали, что я верующая. И я не сильно говорила, потому что я сама плохо знала всё. У меня ни книг не было, ни Евангелия не было – ничего. Я молилась: начинала «Отче наш», а заканчивала «Богородице» – всё у меня шло как-то вместе. Не очень знали на работе, на работе меня не трогал никто.

– Но вам приходилось на работе скрывать, что молились?

– Ну, просто молодёжь смеялась, что я тёмная, отсталая...

– А вот на работе не ругали?

– Не, не ругали на работе. А я им и не говорила... И потом, только однажды к нам участковый зашёл в дом, а у меня мамины иконы висели. Я забрала мамины иконы, когда мама переехала ко мне. Он пришёл и сразу обратил внимание на эти иконы, и спросил сразу: «Кто у вас верующий?». А я говорю: «Ну как верующий, я ничего не знаю, не понимаю, я, может, и верила, но я не знаю». «А вот иконочки, кто молится иконам?» – продолжал спрашивать участковый. «А это, говорю, мамины иконы, и я их выбрасывать не буду. Это мама верила, это мамина память, и я её не выброшу».

В период перестройки респондент практически сразу стала посещать церковь и вернулась к вере: *И когда я пришла в Кафедральный собор, тут уже Воскресная школа была, вот это мы начинали ходить. В общем, пошла церковная жизнь. И когда построили (не построили, а отдали нам, православным) Петропавловский собор, он был тогда киноархивом, то отец Георгий перешёл туда настоятелем и забрал нас туда, и мы перешли с ним туда в Петропавловский собор... Так мы в этом Петропавловском соборе ходили на службы, это наш родной храм стал.*

В советское время в небольших городах и сельской местности сохранялись геттоизованные очаги религиозных традиций. Интервью дала женщина 87 лет из Самарской области.

– Ну, а на работе знали, что вы были верующей?

- Знали, знали.
 - И начальство знало?
 - Да.
 - И как они относились к этому?
 - Нормально. Ну, это же я тогда училась, не работала.
 - Вот вы пошли работать, было, наверное, ещё сталинское время. Всё равно знали, что вы верующая? Соседки по общежитию знали, что вы ходите в храм?
 - Тогда мы все бегали в храм во время перемен (учебных перемен. – прим. авт. статьи).
- В сорок восьмом поступили. А-а-а... пишут сорок восьмой.
- Так написали?
 - Да, а потом направили в Курганское облоно.
 - В Кургане были?
 - Да. А Курганское облоно направило в город Куртамыш (это в Курганской области). Пе-
дучилище там было, два отделения: школьное и физкультурное отделения. Я работала в физ-
культурном отделении. Преподавала.
 - Там тоже храма не было?
 - Там был храм.
 - Работал?
 - Работал. Прямо перед зданием нашего училища храм был. Мы забегали. Так на службу
не ходили – нельзя было нам, танцы устраивали.
 - Окружающая обстановка не способствовала этому всему?
 - Ничего так-то.
 - Но девчонки ходили?
 - Ходили, были. Не всегда, не постоянно.
 - А кто, как вам показалось, обычно посещал храм в те годы?
 - Ну, посещали верующие, конечно.
 - А каков был их возраст, каково было положение в обществе? Работали они где? Или это
в основном были пенсионеры?
 - Ходили пенсионеры. Молодёжи мало было. Кто веровал, тот ходил.
 - А так не очень?
 - Нет. В то время всего одна церковь была в Куртамыше. А сейчас я не знаю, городом
назывался.
 - Он был городом, да?
 - Город Куртамыш в Курганской области.

Позднее респондент закончила педагогический вуз, но работала не учителем, а стала веду-
щим специалистом по лечебной физкультуре в посёлке Серноводске на курорте «Сергиевские ми-
неральные воды».

Следующий респондент, родившийся в 70-е годы XX столетия, вспоминает, как празднова-
ли Пасху родители и она, когда была ребёнком: *В советское время, в моё детство (80-е гг. XX века) к Пасхе наша семья и семья тёти красили яйца и пекли куличи. Особенно вкусные куличи получались у тёти. На Пасху в храм шли освящать красные яйца и куличи, потом был праздни-
чный обед, затем шли в парк, где проходили народные гуляния. Особенно запомнилось праздничное,
приподнятое настроение, которое было у людей. Все были нарядно одетые и радостные. Особен-
ных знаний о празднике “Пасха” не было, но народные традиции сохранялись. Например, смотре-
ли, как на Пасху “играет солнце” рано утром, умывались водой, в которой плавало красное яйцо,
чтобы быть красивыми, и т. д. Празднуя Пасху, люди вслух не говорили о ней. Сорокадневного
поста многие люди, естественно, не держали, но Пасху не забывали.*

В качестве промежуточного итога анализа данных интервью можно констатировать, что
советская секуляризация проявлялась в вытеснении религии не только из социального простран-
ства, но и из сознания людей, то есть жизненный мир тех, кто в детстве был верующим, по-
прежнему требовал проявления во внешних религиозных институтах, но реализовать это было
на практике чрезвычайно трудно. Тем не менее, обычаи и традиции, главными из которых были

рождественские и пасхальные обычаи, продолжали формировать жизненный мир людей, особенно в провинции.

Актантом-объектом в данном случае будет собственное мировоззрение, свободное от господствующей официальной идеологии, к формированию которого стремились люди в те годы. Дело в том, что главным мотивом (адресантом), движущим субъекта, является неудовлетворённость существующей идеологией. Сельские жители и выходцы из провинции старались максимально избегать её.

Как отмечает А. Юрчак, который не согласен с концепциями «лицедейства», в период позднего социализма граждане СССР находились в пространстве так называемой вневходимости, то есть были одновременно внутри идеологического дискурса и в то же время вне его. Внутри, так как воспроизводили идеологически «правильные» действия и суждения по форме, а не по содержанию, поскольку содержание стало утрачивать свой смысл вообще из-за своего перенасыщения номинативными суждениями, «кочующими» из текста в текст, пристальное внимание к которым даже могло становиться причиной недовольства со стороны руководства. Важно было поддерживать видимость, и эта важность осознавалась именно на уровне формального «ритуала». Тогда на уровне «сознания» появилось определённое пространство свободы, которое заполнялось «античной историей и иностранной литературой, досоветской архитектурой и поэзией серебряного века, теоретической физикой и ботаникой, археологией и западной рок-музыкой, буддистской философией и православной религией, туристскими походами и альпинизмом» [7, 301].

Главное условие – чтобы это пространство свободы не было откровенно «антисоветским», то есть идущим вразрез с идеологическим дискурсом. В рамках «пространства свободы» в сельской местности допускались, как нами показано, пасхальные и рождественские обычаи и традиции. Это можно подтвердить и отражением в советской культуре не только на уровне упоминания, как в экранизации сочинений Н. В. Гоголя (например, «Вечера на хуторе близ Диканьки», 1961), но и в документальных съёмках жизни советской деревни (например, «Полесские колядки», 1972, СССР, Беларусьфильм). Между тем, как показали интервью, для многих, как и для опрошенных респондентов, религиозные обычаи и традиции стали основой будущего возрождения религиозности.

В заключение позволим себе изложить личный вывод, полученный на основе наблюдений: определяющим фактором высокой роли православия в отечественной десекуляризации последних десятилетий стала близость православного вероучения, культовой практики и жизни к народной культуре, народным обычаям и традициям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дивисенко, К. С. Опыт структурно-семантического анализа автобиографического нарратива / К. С. Дивисенко // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2013. – № 36. – С. 94-112.
2. Евстигнеева, Н. В. Модели анализа нарратива / Н. В. Евстигнеева, О. А. Оберемко // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 4. – С. 95-107.
3. Степанова, Е. А. Советский атеизм в контексте множественной модерности / Е. А. Степанова / Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2014. – № 2. – С. 67-82.
4. Цыплаков Д. А. Земное и небесное: этапы секуляризации русской духовной музыки / Д. А. Цыплаков, С. М. Цыплакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5-4. – С. 204-207.
5. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
6. Шютц, А. Методология социальных наук. Мир, светящийся смыслом / А. Шютц. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 1056 с.
7. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.
8. Taylor, Ch. A Secular Age / Ch. Taylor. – London: Harvard University Press, Massachusetts, 2007. – P. 543.

Прокофьева В. Ю.
V. Yu. Prokofeva

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ГЕНДЕРНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ

CULTURAL CODES OF RUSSIAN POETRY: GENDER PARAMETRIZATION OF THE IMAGE OF RUSSIA

Прокофьева Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург); 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13; тел.: +7 (911) 986-45-46. E-mail: vicproc@rambler.ru.
Ms. Viktoria Yu. Prokofeva – Grand Ph. D. in Philological Science, Full Professor, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television (Russia, St. Petersburg); 191119, Petersburg, 13 Truth str.; tel.: +7 (911) 986-45-46. E-mail: vicproc@rambler.ru.

Аннотация. В статье анализируются гендерные образы России, представленные русской поэзией XX века. Исследование проводилось методом представительной выборки фрагментов стихотворений российских авторов, включающих слово *Россия*; реконструкция поэтического образа основывалась на анализе лексико-грамматических моделей, формирующих образ страны. Выявлена повторяемость женских поэтических образов России на протяжении долгого периода, что позволяет относиться к ним как к культурным кодам. Женская параметризация поэтической России обусловлена устоявшимися представлениями в культуре и воплощается в текстах в конкретных образах, из которых наиболее частотные *Россия-мать*, *Россия-страдалица*, *Россия-Христос*, причём последний имеет «женский вариант». Все три образа появляются в поэзии в период социально-политических потрясений в стране: они зафиксированы в период Октябрьского переворота, Великой Отечественной войны, развала Советского Союза и осмысления последствий этого.

Summary. The article analyzes the gender images of Russia, presented by Russian poetry of the twentieth century. The study was conducted by a representative selection of fragments of poems by Russian authors, including the word *Russia*, the reconstruction of the poetic image was based on the analysis of lexical and grammatical models that form the image of the country. The repeatability of women's poetic images of Russia over a long period has been revealed, which makes it possible to treat them as cultural codes. The female parametrization of poetic Russia is determined by the well-established notions in culture and is embodied in texts in specific images, the most frequent of which are *Russia-mother*, *Russia-sufferer*, *Russia-Christ*, and the latter has a «female version». All three images appear in poetry during the period of sociopolitical upheavals in the country: they were set during the October Revolution, the Great Patriotic War, the collapse of the Soviet Union and the comprehension of its consequences.

Ключевые слова: культурный код, русская поэзия, гендерная параметризация, образ, Россия.

Key words: cultural code, russian poetry, gender parametrization, image, Russia.

УДК 882.086

Определяя поэзию как самосознание культуры, М. Н. Эпштейн замечает в поэтическом слове «стремление максимально использовать его культурно насыщенные, устоявшиеся формы» [9, 135]. Исследование метаэлементов поэзии позволило Н. А. Кузьминой определить эти элементы как некие ключи или коды, которые, «будучи правильно интерпретированы, вводят целый пласт культурной информации» [1].

Эти формы, ключи, коды суть образы, рождённые в голове читателя словом, причём слово может быть одно, а интерпретации его в поэтических системах разных авторов и в разные эпохи позволяют представить репертуар культурных кодов, через которые конструируются поэтические образы одного фрагмента действительности. Покажем это на примере слова, являющегося именем культурного концепта и вне поэтического дискурса, – *Россия*. Становясь элементом художествен-

ной картины мира, это слово становится полисемантическим образом и даёт множественные векторы интерпретаций его смысла через заложенные в нём культурные коды.

Исследование фрагментов стихотворений, включающих слово *Россия*, как известных российских авторов, так и поэтов второго и третьего рядов XX века (синонимические замены *Родина*, *Отчизна*, *страна*, *земля* и др., также интересные для интерпретации, во внимание не брались по причине большого количества материала), позволило выявить повторяющиеся образы страны, причём это не интертекстуальные отсылки или цитаты, не чужое слово, а каждый раз *своя* поэтическая интерпретация уже устоявшегося в культуре представления. Подобная интерпретируемость образов, их репрезентативность, фрагментарность и иерархичность [4], конструируемость на основе существующего в культуре и представление как фрагмента собственной модели мира [8] дают возможность относиться к некоторым поэтическим образам России как к культурным кодам. Собранный материал (более 800 фрагментов более 200 авторов) показал повторяемость антропоморфной гендерной, а особенно – женской параметризации образа России. Рассмотрим их подробнее.

Поэзия начала XX века представила концентрацию возможных образов России, вобрав в себя метафоризацию страны из художественного творчества поэтов XIX века и став своеобразной точкой отсчёта в поэтическом определении родины авторами последующих литературных периодов. Частотными представлениями поэтической России становятся гендерные женские образы родины, изначально связанные русским языковым сознанием с архетипом матери: «активация этого архетипа для обозначения признака “как бы материнское попечение родины по отношению к её сынам и дочерям”» обусловила выбор глаголов, образующих вместе с базовым наименованием фразеологически связанные с ним сочетания *родина вскормила, воспитала, вырастила, дала...*» [6, 470]. Этот архетипический образ особенно активизируется в трудные для страны времена и часто возникает в период Великой Отечественной войны и разрушения советской системы в конце 1980 – начале 1990-х гг.

Женский гендерный образ России на уровне текста даёт целый ряд лексем: *мать, жена, невеста, дева* и др., формируется с помощью следующих лексико-грамматических моделей: а) прямая лексическая дефиниция (*О Русь моя! Жена моя!*); б) различная тропеизация (большеглазая Русь; груз годов несущая); в) «женская параметризация»: называние частей тела, одежды (очи, ланиты, косы, одежды, лик); г) глаголы, ассоциативно соотносящиеся с женскими эмоциональными действиями (смеётся, хохочет, плачет, скорбит); д) лексическая самоидентификация поэта по отношению к стране (*Мы – дети страшных лет России* – А. Блок; *Ты – сын России* – Н. Добронравов).

Особенно важным для осмысления образа страны этот код становится в «переломные» точки российской истории XX века (Октябрьская революция, Великая Отечественная война, развал СССР). По частотности словоупотребления первые позиции занимают лексемы *мать, страдальца, женщина (баба)*. В словаре концептов русской культуры Ю. С. Степанова говорится о том, что концепт *Россия-мать* «смыкается с представлениями об особой русской религиозности... с особым отношением к своей стране как к матери или как к жене» [5, 513]. В военной поэзии образ матери-России представлен в патетической тональности: *Чтоб, как встарь, стояла величаво / Мать-Россия, наша жизнь и слава!* (Д. Кедрин, 1942). Сама дефиниция России часто включает устаревшую лексику – *мати, матерь*. Наполнение высокими смыслами подчёркивается на синтагматическом уровне эпитетами *родная, милосердная, родимая, благодарная, прекрасная*. В военной поэзии находим образ, утвердившийся в русской литературе со времён «Слова о полку Игореве», – Ярославны: *...в каждой бабе видел Ярославну* (С. Наровчатова, 1941). Образ женщины, оплакивающей павших в битве, появлялся в русской поэзии и ранее, но оказался чрезвычайно востребованным именно во время Великой Отечественной войны: О. Берггольц в блокадном Ленинграде пишет стихотворение «Я буду сегодня с тобой говорить», где Ярославна прямо соотносится с Россией, а П. Антокольский создаёт в 1944 году поэму «Ярославна», представляющую одновременно и образ верной подруги, терзающейся незнанием о своём любимом, и страны, думающей о своих воинах-защитниках. Так происходит объединение нации по родственному признаку, и Ярославна – уже не

жена, плачущая по мужу, а одновременно и мать, и страна, и душа народа. В военной поэзии не мог не появиться ещё один образ страны, связанный с образом России-страдальницы, – России-победительницы. Оба образа воплощаются в поэтическом тексте с использованием стилистически возвышенной лексики и риторического синтаксиса. Подробнее о женских образах России, зафиксированных в военной поэзии, – в нашей статье [2].

В русской поэзии последней трети XX века, по концентрации социально-политических перемен не уступившей его началу, мы снова встречаем и образ России-матери: *Россия-мать! Так где же твои дети?* (В. Николаева, 1997), и образ России-страдальницы: *Моя измученная Русь, доколь страдальницей ты будешь?* (Ю. Максименко, 1985).

Что касается мужской параметризации образа России, то таковой в русской поэзии практически нет. В лингвистической диссертации Ю. В. Черенковой представлен большой репертуар «поэтических имён» Руси (России) [7], среди которых мужских лишь несколько, встретившихся исследователю единично. Повторяющийся из них только один, определяющийся не столько гендерным кодом, сколько библейским – Христос.

Поэтические образы *Россия-Христос* или *Россия-Мессия* появляются в революционные 1917-1918 годы и особенно ярко – в творчестве А. Блока и А. Белого. Филологи видят в блоковском Христе земное воплощение Вечной Женственности и различают Христа «лирического» и «эпического». В первом актуализируется мотив «сораспинания» поэта с родиной: *Тебя жалеть я не умею / И крест свой бережно нес* (Россия), во втором – возмездия: *Несут испуганной России / Весть о сжигающем Христе* (Задебранные лесом кручи...) [3, 17]. «Лирический» Христос статичен, в нём поэт отождествляет себя со страной в триаде распятия *Россия – Христос – Поэт* (*И ты, огневая стихия, / Безумствуй, сжигая меня, / Россия, Россия, Россия – / Мессия грядущего дня!* – А. Белый «Родине», 1917; *Россия! ...Распять себя дала ты на кресте* – Р. Ивнев. Октябрь, 1918). «Эпический» Христос представлен динамично, он перемещается по России, отождествления с поэтом отсутствуют (*Люблю я, русский, русского Христа, Русь исходившего...* – начало стихотворения Ю. Верховского, 1918–1921).

Негендерное соотнесение образа подтверждается тем, что в русской поэзии XX века, практически на всём его протяжении, можно обнаружить «женский вариант» Христа. Так, в начале XX века в поэзии С. Есенина находим женское воплощение библейского образа: *Гибни, / Русь моя, / Начертательница / Третьего / Завета!* («Сельский часослов»); *О Русь, приснодева, / Поправшая смерть!* («Пришествие»). В период Отечественной войны в силу идеологических причин поэты ищут опосредованные способы его реализации, соединяя его с образом *России-страдальницы*, когда аллюзии с каноническим образом улавливаются в стихах через фразеологизмы или написание местоимения с заглавной буквы (курсив наш – В. П.):

Я люблю Тебя любовью новой,
Горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
С тёмной радугой над головой (О. Берггольц, 1941).

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест... (М. Исаковский, 1944).

В конце XX века библейский образ появляется вновь и связан он с метафорой распинания страны, краткой: *Россия гибнет на кресте* (Ю. Ключников, 1996) либо развёрнутой:

Какая неожиданная грусть –
На склоне дней подсчитывать утраты
И понимать, как распинают Русь
Моих времён иуды и пилаты (С. Куняев, 1991).

По данным Ю. В. Черенковой, мотив странничества в поэтическом образе России возвращается в конце 1970-х, актуализируя тему ссылки, изгнания [7, 128]. В 1990-х в текстах появляется образ России, всего лишь одной деталью отсылающий к богомольцам, странникам или исходившему Русь Христу в стихотворении уже забытого поэта:

И я увидел в роднике
С котомкою Россию (М. Катков).

Как видим, гендерная параметризация образа России в русской поэзии XX века чрезвычайно распространена именно в женском варианте, что можно связать с культурным кодом в представлении страны. Повторяемость такого поэтического воплощения России напрямую соотносится с геополитическим состоянием отечества, неустойчивость которого вызывает не только всплеск стихов о России, но и схожесть в её метафоризации. Семантически близкие образы зафиксированы в период Октябрьского переворота, Великой Отечественной войны и в 1990-х, когда поэзия называет Россию матерью, страдальцей и Христом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмина, Н. А. Культурные знаки поэтического текста [Электронный ресурс] / Н. А. Кузьмина. – Режим доступа: <http://imit.omsu.ru/vestnik/articles/y1997-i1/a074/article.html> (дата обращения: 15.06.2019).
2. Прокофьева, В. Ю. Женские образы России в русской поэзии периода Великой Отечественной войны / В. Ю. Прокофьева // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в.: сб. науч. трудов Всероссийской науч.-практ. конференции, г. Sterlitaмак, 28 сентября 2018 года. Sterlitaмак: Sterlitaмакский филиал БашГУ, 2018. – С. 248–252.
3. Пьяных, М. Ф. Россия и революция в поэзии А. Блока и А. Белого // А. Блок, А. Белый: Диалог поэтов о России и революции / М. Ф. Пьяных. – М., 1990. – С. 5–30.
4. Симбирцева, Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 157–167.
5. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.
6. Телия, В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «Родина» / В. Н. Телия // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. – М., 1999. – С. 466–476.
7. Черенкова, Ю. В. Локус *Россия* в русской поэзии XX века: лексический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Черенкова Юлия Владимировна. – Оренбург, 2014. – 333 с.
8. Шатин, Ю. В. Шекспировский код в поэтике Бориса Пастернака / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 213–219.
9. Эпштейн, М. Н. Поэзия как самосознание культуры. Поэзия и сверхпоэзия: о многообразии творческих миров / М. Н. Эпштейн. – СПб., 2016. – С. 127–138.

Кун Ч.
Ch. Kong

СКУЛЬПТУРА И КВАЗИСКУЛЬПТУРА В РОМАНЕ К. К. ВАГИНОВА «БАМБОЧАДА»

SCULPTURE AND QUASI-SCULPTURE IN THE NOVEL OF K. K. VAGINOV «BAMBOCHADA»

Кун Чунья – аспирантка кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург); 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9. E-mail: kong.chunxia@mail.ru.

Ms. Chunxia Kong – post-graduate student of the Department of the history of Russian literature of St. Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg); 199034, Saint-Petersburg, 7–9 University embankment. E-mail: kong.chunxia@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу скульптурного и квазискульптурного экфрасисов в романе К. К. Вагинова «Бамбочада» с точки зрения интермедиальности. Применение данного приёма позволяет автору транслировать культурную ситуацию послереволюционного Ленинграда, выражать доминантную мысль о тщетности и бессмысленности мира, в котором упразднены духовные ценности, а люди утратили способность к творчеству, заменив её квазитворчеством советской идеологии. Сквозь призму экфрасиса просматриваются пародийность и комичность послереволюционного быта.

Summary. The article is devoted to the analysis of sculptural and quasi-sculptural ecphrasis in the novel by K. K. Vaginov «Butterflyad» from the point of view of intermediality. The use of this technique allows the author to broadcast the cultural situation of post-revolutionary Leningrad, to express the dominant thought of the futility and meaninglessness of the world in which spiritual values are abolished, and people have lost the ability to work, replacing it with quasi-creative Soviet ideology. Through the prism of ecphrasis also prioryatnosti and comic post-revolutionary life.

Ключевые слова: скульптура, квазискульптура, экфрасис, быт, культура, пародия.

Key words: sculpture, quasi-sculpture, ecphrasis, life, culture, parody.

УДК 821.161.1

Интермедиальность в романе «Бамбочада» выражена достаточно интенсивно, о чём свидетельствуют многочисленные экфрасисы изобразительного искусства, такие как живописный, скульптурный и даже экфрасис бытового изобразительного искусства – конфетные фантики, табачные этикетки, плакат, афиша, фото и вывеска [4]. Однако в «Бамбочаде» по смысловой нагрузке одно из главных мест занимают именно скульптурный и квазискульптурный экфрасисы, хотя по своему количеству они уступают некоторым другим видам экфрасиса.

Скульптурный экфрасис, включаемый в нарративную структуру художественного текста, – традиционный приём в русской литературе, примерами которого являются произведения Пушкина, Тургенева, Грина. Описание скульптуры может служить для ретроспекции исторических событий, или выражать авторскую оценку этих событий, или являться опосредованным выражением чувств героя. Примечательно, что такое средство языковой выразительности стали активно использовать писатели эпохи романтизма. Вследствие развития интермедиальной поэтики в литературе были разработаны принципы скульптурного экфрасиса, такие как создание композиции через «фиксацию статичного и динамичного в пространстве», тождество элементов лексики с элементами скульптуры [6, 37], многостороннее и детализированное описание визуального объекта, оживление образа (у А. Пушкина), семиотизация референта (у И. Тургенева) [6, 38], метафоризация существующих и выдуманных произведений искусства (у А. Грина) [2, 73–81]. Р. М. Ханинова пишет, что в классических текстах экфрасиса А. Пушкина, А. Блока наблюдается «разрушитель-

ная сила статуй», а в произведениях XX века продолжается «иконоборческий дискурс» в усложняющихся отношениях между человеком и окружающим его миром [8, 95–103]. Как отмечает исследователь, в русской прозе XX века чередуются разные типы экфрасиса скульптуры, играющие важную роль в поле структуры, сюжета и идеи [8, 102].

В отличие от традиционных подходов к описанию скульптуры, экфрасис в романе Вагина имеет пародийный характер, что связано с авторским комментарием и рефлексией по поводу культурной ситуации 1920-х гг.

В романе актуализируется утрата духовного начала, подмена его телесным, внешним, фальсифицированным. Особенно ярко это представлено в описании квазискульптуры, которая отождествляется с бытовой вещью, постепенно превращаясь в «пустоту».

Последовательно анализируем скульптурный экфрасис, встречающийся в тексте, и его функции. Первое скульптурное описание – статуэтка балерины в комнате Вареньки, дочери старика Ермилова, балерины, покончившей с собой из-за недооценки её творчества. Впервые статуэтка описана как отражение в зеркале: «Огромное зеркало в золочёной раме, купленное им для того, чтобы могла видеть себя во время упражнений Варенька, отражало белую её статуэтку на колоннообразной подставке, окружённой венками от почитателей, и противоположную стену с балетной палкой и цветами» [1, 274–275]. Таким образом, перед читателями возникает две скульптурки, что, безусловно, неслучайно. Зеркало, согласно семиотической трактовке, «в большинстве случаев выступает как граница <...> между “нашими” и “чужими” мирами», «зеркальные эффекты: замена правого и левого, внешнего и внутреннего» [3, 4]. Находящееся в комнате покойной Вареньки зеркало как бы сохранило в памяти её живое отображение, её упражнения и тренировки, а сейчас зеркало отражает статуэтку – балерину – искусственную копию живой девушки. Автор транслирует оппозиции «прошлое – настоящее», «мир реальный – мир загробный», «балерина – Варенька и балерина – статуэтка». Однако отношение автора к этой оппозиции осмыслить можно только через последующий фрагмент. Рядом с зеркалом стоит книжный шкаф, наполненный классической русской литературой. Читателю становится ясно, что Варенька любила классическую литературу, её душе была близка эстетика XIX века, однако «после смерти своей владелицы шкаф по-прежнему наполнялся. В него ставились новые книги [советская официальная литература – К.], которые могли бы понравиться Вареньке. Старик читал, и как бы читала его дочь» [1, 275]. Несомненно, если Варенька была бы жива, её книжный шкаф пополнялся бы новыми книгами, и, возможно, это была бы современная литература. Ермилов не может смириться со смертью дочери, он постоянно говорит о ней, он сохраняет в комнате всё, как было при её жизни, однако жива Варенька только в его сознании; описание комнаты с зеркалом подчёркивает эту фальсификацию, подмену живого неживым. Статуэтка – своеобразный обездушенный двойник Вареньки, её искажённое зазеркалье.

Следующая скульптура романа – бюст Потёмкина, представляющий собой полифункциональный экфрасис. Образ несколько раз появляется в тексте, привлекая внимание читателей.

Впервые Евгений увидел бюст на чердаке хозяйки дома: «Весь чердак пронизан светлыми лучами, и вдруг Евгению показалось, что в тёмном углу, где крыша сходится с полом, сверкает белый парик с косой. Евгений подумал, что ему померещилось. Он подошёл ближе и увидел, что это гипсовый бюст Потёмкина на деревянной, выкрашенной в зелёный цвет, подставке. Бюст был повернут лицом к стене. Евгений повернул подставку и стал рассматривать лицо. Он увидел, что на лбу и на щеках оставили следы ржавые потоки с крыши, кончик носа был отбит, на ухе висела паутина, на воротнике лежал такой густой слой пыли, что воротник казался серым» [1, 280–281]. Прежде всего необходимо отметить, что весь фрагмент визуализирован, а следовательно, имеет значительный экфрасистический потенциал. Хаотично составленные вещи, заваленный мусором чердак ассоциируется с домом гоголевского Плюшкина, а также отсылает читателя к последнему роману Вагина «Гарпагониана», в котором герои собирают огрызки карандашей, волосы и ногти человека, остатки еды, то есть их страсть к коллекционированию подобных предметов достигает степени безумия. Подобно этим персонажам хозяйка дома складывает вещи, не различая произведения искусства и ненужный хлам, – всё хранится в беспорядке, сваливается в общую кучу. Так, бюст Потёмкина стоит в тёмном углу, повернут лицом к стене, ассоциируясь с приговорённым

к смерти. Таким образом, автор даёт понять, что люди послеоктябрьского периода, с пренебрежением относясь к истории, отрицают ценности прошлого, нивелируют заслуги исторических деятелей. Эта же мысль актуализируется описанием повреждений бюста: он искажён, изуродован не только временем (отломленный нос, потёки ржавчины), но и вмешательством человека – подставка окрашена в странный для скульптуры зелёный цвет. Выбор цвета не случаен, зелёный цвет для К. Вагинова символичен, связан со смертью, как он сам пишет в предисловии к «Козлиной песне»: «Петербург окрашен для меня с некоторых пор в зеленоватый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный, фосфорический. И на домах, и на лицах, и в душах дрожит зеленоватый огонёк, ехидный и подхихикивающий» [1, 12]. Таким образом, анализируемый экфрасис в данном эпизоде служит для ретроспекции исторических событий через описание фигуры знакового героя ушедшей эпохи и выражает авторское отношение к происходящим общественным переменам.

Второй раз бюст Потёмкина «появляется» в рассказе о нём хозяйки дома. Она возвращает читателей к предреволюционной эпохе, началу XX века, когда отношение к исторической личности было иным, однако тенденция снижения от сакрального к профанному уже намечалась: «Почти у входа в сад, тоже на высоком столбе, стоял этот Потёмкин. С другой стороны, у входа, росла коринка. Потёмкина домовладелец выставлял весной сам, заново окрашивал подставку, белил голову и шею и от столба протягивал верёвку к забору, под верёвочкой сажал турецкие бобы. К осени получалась сплошная зелёная стена. Если птицы роняли на голову Потёмкина, то хозяин утром аккуратно это смывал тряпочкой» [1, 281]. Бюст стоит на возвышении, на столбе, однако он используется не только для декорации сада, но и с прагматической целью – «протягивать верёвку к забору», помогать росту растений и отпугивать птиц. В XVIII веке люди совершенно по-другому относились к искусству и истории: Евгений узнаёт из старой книги о том, что «иностранцы без изъятия должны были приноравливаться к нраву Потёмкина, о том, что дьячок должен был доносить каждое утро вельможе, что Фальконе монумент благополучно стоит» [1, 281].

Наиболее полно и ясно раскрывается позиция автора во фрагменте, где скульптура третий раз упоминается в тексте: «Евгений передал хозяйке вместе с Потёмкиным Светония». XVIII век вместе со средневековьем пользуется приоритетностью, а весь XX век подвержен критике.

Таким образом, деэстетизированный бюст Потёмкина символизирует утрату духовности в современном мире, причиной которой является забвение героев прошлого, неуважение к культурному наследию. Автор иронизирует над масштабной профанацией культуры XX века, констатирует перспективу неминуемой гибели духовности.

Следующим предметом нашего анализа станет квазискульптура – чучело кота, которое делает таксидермист по фамилии Девицын. Главный герой прозвал его Душой-Тряпичкиным, потому что внутренность чучела он наполняет тряпками, заменяя ветошью душу умершего существа. Так автор изначально делает установку на оппозицию «живое – неживое». Детализированно описывается мастерская Девицына: «Это был жуткий обладатель скальпелей, кривых и прямых, лопаток для вынимания мозга, пинцетов для укладывания перьев, ног» [1, 321]. Затем идёт подробное (натуралистическое) описание процесса таксидермии: «Тихо изгибал туловище Мурзилки Девицын; придавал контур такой, какой требовала поза на фотографической карточке.

Потом, пригладив мех, приступил к отделке головы; для этого он расширил рот и через него комками ваты заполнил все пустоты головы; затем подобрал соответствующего цвета и величины глаза, вставил их снаружи, расправил иглой веки, затем завязал рот Мурзилке ниткой и оставил сохнуть» [1, 323].

Возникает пародийная ситуация воскрешения мёртвого, пародируется акт творения. Псевдотворец копирует форму, но сшитое тело остаётся без духа, внутри – пустота. И процесс, и результат имеют аллегорический смысл: как чучело кота наполнено тряпками вместо живой плоти, так и люди современного общества насильственно лишены культурной памяти и заполнены пошлой некультурой. А. В. Синицкая, анализируя данный фрагмент, справедливо замечает, что превращение останков кота в «произведение искусства таксидермиста» подобно процессу творчества и искусственный кот сохраняет «эстетическую вечность». Так чучельщик в тексте становится «хранителем древностей» [7, 169]. Однако исследовательница оставляет за пределами своих выво-

дов иронию автора над тем, что такой акт оказывается лишь фальшивым творчеством, потому что копируется лишь форма, а содержание отсутствует, внутренности наполняются тряпками, бумагой, ватой. К тому же, как выше было процитировано, образ таксидермиста описан весьма мрачно и страшно. В тексте он выполняет функцию «хранителя древностей», которые подменены мёртвыми предметами, а также функцию «творца», которая подменяется манипулированием с телом и душой – по существу, делом убийцы.

Пародийность в описании изготовления чучела кота отмечает в своём исследовании О. В. Шиндина – она приходит к выводу, что этот фрагмент тесно связан с двумя сценами: чучельщик ходит в вегетарианскую столовую, а Торопуло готовит мясные блюда, то есть «настоящую» еду. Автор соединяет в создании образа одного персонажа две антиномии: тему вегетарианства с темой изготовления чучел, причём показательно говорящая фамилия героя – Девицын, отсылка к чистоте, невинности. Прозвище его – Душа-Тряпичкин – напротив, делает героя «своего рода проводником душ в мир мёртвых, но с гротескными, пародийными обертонами, поскольку подчёркивается имитационный характер его занятий реставратора-кукольщика, восстанавливающего лишь жизнеподобие, но не жизнь» [9, 133]. Другой исследователь, Д. С. Московская, справедливо отмечает, что данная манипуляция чучельника отсылает читателя к «Пророку» Пушкина, а имя его – к журналисту Тряпичкину из «Ревизора» Гоголя. Автор пользуется готовыми формами, чтобы раскрыть «несамостоятельность человеческого мышления, его безвольную жертвенность, подвластность чужому, грубому воздействию» [5, 49–50].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что изготовление чучела кота символизирует манипуляции советской идеологии над человеком, выразившиеся в ограничении поведенческих моделей людей («Придайте ему эту позу; пусть он лежит как живой»), навязывая установленные властью стереотипы, уничтожая ценности прежней культуры, подменяя духовность идеологией («...расширил рот и через него комками ваты заполнил все пустоты головы»).

Следующая скульптура, несущая знаковую нагрузку в тексте, – статуэтка, изображающая Амура: «Амур с обломанными крылышками стоял на тумбе посредине комнаты; золочёные кресла, диваны и зеркала стояли по стенам» [1, 331]. Накануне Евгений узнаёт о своей смертельной болезни, поэтому обломанные крылышки бога любви недвусмысленно указывают на болезнь, невозможность свободно двигаться и полноценно жить. Автор, используя скульптурный символ, говорит о крушении мечты героя, о завершении приключений Евгения, о конце той безответственной игры, которую герой выдавал за реальную жизнь. Экфрасис Амура здесь характеристика персонажа, проекция его жизненного пути.

В тексте упоминается ещё несколько бюстов – Маркса, Калинина и Фрунзе: «Там сверкали зеркалами шкафы для книг; на полированных столах лежали газеты; на одном из шкафов чернел громкоговоритель; на стенах были приколоты лозунги: “Пленникам капитала, борцам за мировой Октябрь, пламенный привет рабочих”, “Ударим по рукам провокаторов новой войны – помещиков и капиталистов”. На подоконнике среднего окна белели гипсовые бюсты Маркса, Калинина, Фрунзе. Из окон была видна мачта с фонарём; дальше – аллеи из высоких деревьев; дальше – ворота санатория» [1, 354–355]. Бюсты вписываются в общую картину советского быта, в пласт идеологической агитации. Появляющиеся на подоконнике в санатории бюсты коммунистических кумиров свидетельствуют о том, что до смерти люди не могут оторвать себя от советского быта. Отсюда трагикомическая составляющая текста.

Весьма важной для уяснения идеи романа представляется пародийная скульптура снежной бабы, изображённая тающей ранней весной. «Баба таяла; изящный нос, вылепленный рукой большого скульптора, совсем растаял; тёмные глаза исчезли, подстриженные волосы ещё держались, но овал лица был весь источен мелкими струйками; вчера ещё крепкая и пышная белоснежная грудь стала студенистой и серой, а вокруг ещё стоявшей, но уже таявшей женщины опять зазеленела травка, зажелтели и засерели листья. Теперь на женщину никто уже не обращал внимания; она стояла, обречённая на истаивание» [1, 355].

Визуализированный образ снеговой бабы является символическим знаком, связывающим два важных эпизода. В первом говорится о том, что после смерти главного героя трактат итальян-

ского авантюриста Борри, несмотря на своё ценное содержание, может разорваться, исчезнуть, словно снеговая баба. Так как в послереволюционном Ленинграде культурное наследие Средневековья подверглось уничтожению под воздействием разрушительной силы революционной идеологии. Второй эпизод – описание изменения погоды и мысли Евгения о неминуемой смерти. Образ тающей снежной бабы символизирует неизбежную смерть, забвение героя и других больных санатория. Кроме того, снеговая баба представляет собой ещё одну квазискульптуру, пародию на настоящее творчество, как и чучело кота. Снеговая баба не просто условно обозначает человека, как любая скульптура, она недолговечна, потому что сделана из снега, этим писатель подчёркивает недолговечность, тленность мира. Кроме того, снег в прямом смысле реализует метафору «холодный» (то есть бездушный человек). Напрашивается параллель в образной структуре эпизодов: квазиискусство советской эпохи (бюсты Маркса, Калинина и Фрунзе), искусственно навязанные идеалы и нормы и угасающая, уходящая культура прошлого (таяние снежной бабы, предсмертные записи больных).

Как отмечает Д. С. Московская, метафора снеговой бабы многослойна. «Один уровень – внешний: тающий снег, признак близящегося обновления мира; следующий – внешняя действительность, подверженная слепой силе распада; глубже – “бытность хаоса довременного” – тьма и тишина, с которой суждено слиться животному, одухотворённому, но не дано определить словом, как невозможно объяснить действия “больного скульптора”, создавшего этот мир» [5, 50].

Снеговая баба оказывается лишь попыткой заполнить запущенную культурную жизнь симулякром. Искусственность уже состоит в том, что люди вместо мрамора берут недолговечный снег, вместо живых традиций культуры – фальшивые лозунги. Поэтому попытка творчества, как и сама снеговая баба, непременно обречена на исчезновение, таяние. Впоследствии автор в последнем романе «Гарпагонияна» доведёт эту идею до логического завершения, гиперболизированно изобразив хаотичность быта в связи с отсутствием внутреннего содержания, полной пустоты.

Таким образом, проанализировав скульптурный экфрасис в романе Вагинова «Бамбочада», мы приходим к выводу о полифункциональности описания скульптурных изображений в тексте. Во-первых, это смыслообразующая функция, поддерживающая сюжетную линию. Описывая скульптуру, автор изображает быт героев, передаёт атмосферу эпохи. Во-вторых, это способ характеристики героев, проекция на их прошлое, настоящее или будущее. В-третьих, самое главное, это трансляция доминантной мысли автора о тщетности и бессмысленности мира, в котором упразднены духовные ценности, а люди утратили способность к творчеству, заменив её квазиторчеством советской идеологии.

Как великолепный знаток искусства, Вагинов сплетает разные коды изобразительного искусства в своём романе. Рассматривая искусства прошлого, он отдаёт предпочтение творениям эпох Античности, Средневековья и Ренессанса, обращает внимание на искусство XVIII и XIX веков.

Наследие искусства прошлого имеет важное значение не только для самого автора, но и для его персонажей. Однако персонажи постепенно забывают о культурных ценностях уходящей эпохи, теряют ощущение традиционной эстетики и переключаются на настоящую эпоху, которая, по мнению автора, наполнена безвкусицей. Новый советский быт вытесняет остатки прошлого, ведёт к опустошению культуры и душ персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагинов, К. К. Козлиная песнь: романы / К. К. Вагинов; вступ. ст. Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. – М.: Современник, 1991. – 592 с.
2. Крюкова, М. И. Об экфрасистическом тезаурусе в творчестве Александра Грина / М. И. Крюкова, Е. Ю. Куликова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2018. – № 5. – С. 73–81.
3. К семиотике зеркала и зеркальности // Зеркало. Семиотика зеркальности; под. ред. З. Г. Минц. – Тарту: ТГУ, 1988. – 165 с.
4. Кун, Ч. Поэтика романа К. К. Вагинова «Бамбочада»: дис. ... магистра филол. наук: 45.04.01: защищена 07.06.2019 / Кун Чунься. – Санкт-Петербург, 2019. – 88 с.

5. Московская, Д. С. В поисках слова: «Странная проза» 20–30-х годов / Д. С. Московская // Вопросы литературы. – 1999. – № 6. – С. 31–65.
6. Петрова, С. А. А. С. Пушкин и Д. А. Пригов в формировании традиции взаимодействия русской литературы и скульптуры: International research conference on science, education, technology and management Conference Proceedings. – Paris: Scientific public organization «Professional science». – 2017. – 455 p.
7. Сеницкая, А. В. Пространственность и метафорический сюжет: на материале произведений С. Кржижановского и К. Вагинова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Сеницкая Анна Владимировна. – Самара: Самарский гос. ун-т, 2004. – 202 с.
8. Ханинова, Р. М. Некоторые аспекты экфрасиса в русской прозе XX века: статуя в парадигме текста / Р. М. Ханинова // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 4. – С. 95–103.
9. Шиндина, О. В. Творчество К. К. Вагинова как метатекст: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Шиндина Ольга Викторовна. – Самара: Самарский гос. ун-т., 2004. – 229 с.

Васильева А. А.
A. A. Vasileva

**РОЛЬ ВИЗУАЛЬНЫХ ЗНАКОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОВ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ИНСТАГРАМ»)**

**THE ROLE OF VISUAL SIGNS IN THE INTERNET COMMUNICATION
(BASED ON THE MATERIAL OF THE INSTAGRAM BLOGS)**

Васильева Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: anna_the_first@mail.ru.

Ms. Vasileva Anna A. – senior lecturer of Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: anna_the_first@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается феномен визуальной культуры в современном интернет-сообществе. Исследуются значимость визуальных знаков в коммуникации людей на примере блогов социальной сети «Инстаграм» и влияние визуальных знаков на образ мышления студентов.

Summary. This article describes the phenomenon of the visual culture in the modern internet community. The importance of the visual signs in people's communication is researched basing on the Instagram blogs. The attempt to describe the way visual signs influence students' minds is made.

Ключевые слова: визуальная культура, визуальный знак, эмоджи, влияние, мышление, блог.

Key words: visual culture, visual signs, emoji, influence, mind, blog.

УДК 008:316.77

В современном мире визуальные образы стали незаменимыми спутниками нашей повседневной жизни. Значение визуальности сложно переоценить: около 80 % информации поступает в мозг человека именно через визуальный канал восприятия, следовательно, визуальная культура является одним из наиболее важных способов связи индивидуума с внешним миром. В последние годы изучение визуальной культуры стало новым междисциплинарным направлением, возникшим на стыке теории культуры, философии, социологии и искусствознания, которое преимущественно изучает культурную логику «постмодернистского», «масс-медийного», «визуального» поворота и становится доминирующей формой исследования культуры [4].

Термин *визуальная культура* получил широкое распространение во второй половине XX века в связи с развитием цифровых технологий, массовым выпуском и ростом популярности визуальных материалов – печатной и видеорекламы, фильмов, ТВ-программ и др. Сущность данного термина тесно сопряжена с понятием *культура*. Терминологическая и методологическая проблемы исследования визуальной культуры пока не имеют единого решения в научной литературе. Наиболее актуальными и продуктивными для изучения явлений визуальной культуры оказываются семиотический и символический подходы, позволяющие выявлять в визуальном тексте ключевые символы и заключённый в них смысл. В структуре культуры место визуального обнаруживается в различных её сегментах – как в области материальной, так и в области духовной или художественной культуры, в зависимости от научной школы, традиции, к которой принадлежит исследователь.

Очевидно, визуальную культуру нельзя отнести к какой-либо сфере культуры – материальной, духовной, художественной, социальной. Большинство исследований, анализирующих явления визуальной культуры, опирается на известное определение С. М. Даниэля: «Визуальная культура – это частная область понятия “культура”, которая развивает способность восприятия визу-

альных образов, умение их анализировать, интерпретировать, оценивать, сопоставлять, представлять, создавать на этой основе индивидуальные художественные образы; а визуальность, в свою очередь, определяется как форма репрезентации мира и реальности, базовая форма существования современной культуры» [3, 113].

Таким образом, визуальная культура – это часть культуры, включающая в себя и комплекс зрительно воспринимаемых продуктов, созданных человеком, и навыки, необходимые для обработки информации об этих продуктах. Визуальная культура сегодня охватывает множество объектов культуры: кино, телевидение, фотографию, концептуальное искусство, public art, рисунок, живопись, театр, видео-арт, рекламу, дизайн, веб-дизайн, видеоигры, моду, граффити и т. д. Необходимо в этот список включить также интернет-блоги, которые по популярности занимают лидирующее место среди перечисленных явлений.

Ключевыми характеристиками, обеспечивающими распространение и популярность явлений визуальной культуры, исследователи считают высокую скорость восприятия визуальных образов, которая достигается за счёт их лаконичности, универсальности, простоты и стилизации; эффектность и демонстративность; чёткую и весомую информационную составляющую. Одной из предпосылок растущей популярности визуальной культуры отдельные исследователи считают ослабление критического мышления современного человека [2]. При этом учёные утверждают, что визуальное мышление обладает существенным недостатком, проявляющимся в его отрывочности, фрагментности; оно не имеет своей истории существования, вследствие чего не формирует у человека аналитическое мышление [5].

Тем не менее невозможно отрицать, что коммуникативный потенциал современных технологий открывает перед обществом новые перспективы использования визуальных знаков в ходе социального взаимодействия, что часто наблюдается в сети Интернет и в интернет-блогах.

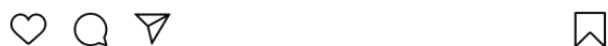
Согласно данным исследования агентства We Are Social, более 4 млрд чел. на планете пользуются сетью Интернет и около половины из них имеют аккаунт в какой-либо социальной сети [8]. Высокие темпы развития Интернета дали начало сетевому общению и, как следствие, стали способствовать появлению и широкому распространению интернет-блогов, представленных, в частности, личными веб-сайтами, страничками на платформе социальной сети, заполненной каким-либо контентом, и др. В свою очередь контент может включать текст, фото, видео, а чаще комбинацию текста с фото, видео или другими объектами визуальной культуры. Последнее привело к переходу от повествовательного способа передачи информации к образному, визуальному.

Визуальный образ – это сложноорганизованный знак, включающий в себя совокупность интеллектуальных, ценностных, этических, эстетических факторов, самоорганизующихся в сознании посредством ассоциативной связи [1]. Визуальные образы информируют, образуют, развлекают и эмоционально насыщают человека, тем самым становясь средством взаимодействия людей, а не просто объектом созерцания. Данный феномен выдвигает на первый план визуальную коммуникацию. Так как визуальная коммуникация наполнена различными культурными кодами, она, в дополнение к позиции пассивного посредника, приобретает функцию самостоятельного средства общения.

Один из ярких примеров использования визуальных образов в интернет-блогах даёт социальная сеть «Инстаграм», в которой акцент делается на использовании визуальных знаков – небольших рисунков, известных как смайлы, или эмоджи. Их типичный набор можно разделить на несколько групп: эмоции, куда входят традиционные изображения в виде круглого «лица»; люди – изображения одного человека или группы людей; части тела; одежда; животные и природа; еда и напитки; активности; путешествия и местности – изображения транспорта, памятных мест; предметы; символы: знаки препинания, геометрические фигуры; флаги и т. д. При этом данные визуальные знаки могут служить как дополнением к основной информации, так и выступать самостоятельным средством коммуникации. Иллюстрация первого визуального знака представлена на рис. 1: девушка удивляется местным традициям и использует соответствующий смайл, который отображает её удивление. Если мы уберём смайл, смысл фразы не изменится, но информация ста-

нет менее эмоционально-окрашенной. Соответственно, чем больше в тексте смайлов, тем он оказывается более эмоционально насыщенным.

Иной пример представлен на рис. 2, на котором блогер заканчивает предложение группой визуальных знаков, общий смысл которых заключён в выражении любви, уюта, благосклонности. Здесь, в отличие от первого примера, если убрать данные символы, значение фразы станет неясным, предложение будет выглядеть незаконченным. Следовательно, визуальная культура предполагает владение навыками грамотного визуального восприятия и интерпретации символов и знаков, формирует их.

 Нравится antwerpen_with_lola и еще 28 229

natasakado - Два мальчика? - вопрос, который задают 90% ганцев, заглядывая в нашу коляску. Даже если Лена в розовом (как помните, цвет одежды здесь не особо отображает пол, особенно, у детей постарше), даже если на голове у Лены ленточка (как оказалось 🙄). Знаете, что здесь является 100% знаком того, что перед вами девочка? Сережки.

Рис. 1. Пример использования визуальных знаков в интернет-блоге с целью эмоционального усиления

Нравится: 389

olga_hk Дни как сегодня 🍷 🍷 🍷

На фото мы у входа к вольеру с пандами, на территории парка их два, заходили в каждый по несколько раз в течении дня, и панды все время спали 😊 Либо прятались в своих домиках, которые скрыты от глаз посетителей 🙄 В вольере постоянно дежурят работники, с табличкой в руках, призывающей гостей вести себя как можно тише 🤫 и не использовать вспышку 📷

Рис. 2. Пример использования визуальных знаков в интернет-блоге с целью передачи информации

Характерным и распространённым в научной литературе стало представлением о том, что использование визуальных знаков отрицательно сказывается на образе мышления современного человека. Считается, что их обилие в интернет-коммуникации приводит к тому, что люди всё чаще стремятся прибегнуть к определённому шаблону, вставить в сообщение смайл, нежели дать подробное оригинальное описание какого-либо явления, вследствие чего сокращается активный словарный запас, коммуниканты начинают испытывать сложности в ситуациях реального общения.

Однако сами носители языка считают, что использование визуальных элементов в тексте имеет иные цели и результаты. Так, опрос студентов Комсомольского-на-Амуре государственного университета в возрасте от 19 до 23 лет показал, что, по мнению молодых людей, визуальные знаки – эмоджи или даже картинки – позволяют им более точно отображать смысл высказывания, выражать эмоции. Кроме того, эмоджи используются ими для того, чтобы придать тексту лёгкость, игривость. Молодые люди отмечают, что текст без визуальных знаков кажется излишне серьёзным, официальным, собеседник как будто стремится отгородиться, спрятать свои эмоции. Напротив, текст, насыщенный визуальными знаками, представляется лёгким, эмоциональным, ярким. При чтении такого текста ощущаешь себя ближе к автору, словно переживаешь описанные события вместе с ним.

Другой причиной использования визуальных знаков, по мнению респондентов, является требование к скорости передачи информации: выбор смайла занимает намного меньше времени, чем печать текста. Многие студенты отмечают, что им гораздо проще выразить свои эмоции с помощью эмоджи, чем выбирать лексемы для их вербализации.

Этот факт взаимосвязан с сокращением активного словарного запаса – процесс описания эмоций становится тем короче, чем меньше времени тратится на обдумывание и подбор лексем. Использование готовых и хорошо знакомых штампов позволяет не прилагать усилий к анализу текстового материала.

Также использование визуальных знаков в интернет-коммуникациях опрошенные студенты связывают с возможностью обсуждения табуированных тем. В этом случае визуальные знаки позволяют снять с себя ответственность за выражение «крамольных» мыслей. Например, с помощью

эмоджи можно оскорбить собеседника и при этом избежать чувства вины, поскольку оскорбление не было вербализовано.

Ещё одной причиной употребления визуальных знаков в блогах является эстетика. Респонденты отмечают, что тексты, насыщенные визуальными знаками, выглядят более эстетично оформленными, показывают проделанную автором работу. Тексты без визуальной составляющей выглядят менее привлекательными, настраивают на серьёзный лад.

Анализ полученных в ходе опроса студентов данных позволил выделить несколько функций визуальных знаков в интернет-коммуникации:

- эмоциональную – как инструмент выражения эмоций;
- информативную – для передачи информации;
- стилистическую – это перевод текста в неформальный стиль;
- психологическую – для обсуждения табуированных тем, избегания неловкости и (или) чувства стыда;

- эстетическую – придание тексту более привлекательного вида.

При этом, как отмечалось выше, результатом присутствия огромного количества визуальных знаков в ежедневной коммуникации студентов становится сокращение активного словарного запаса, утрата навыков текстового выражения эмоций и идей. С другой стороны, они позволяют существенно ускорить процесс передачи информации и её интерпретацию.

Некоторые учёные считают, что в современном обществе происходит возврат к утраченному восприятию знака, характерному для первобытной культуры, что визуальность сейчас – это готовый штамп, который не несёт в себе никакого смысла [6].

Действительно, анализируя опыт предыдущих поколений, можно упомянуть один из самых простых способов общения и сохранения информации – геометрические знаки в древних пещерах, которые представляли собой примитивные карты и служили инструментом запоминания древних обрядов [7]. Позднее, с развитием письменности, произошёл переход от визуальных знаков к текстам. Возможно, в наши дни мы наблюдаем обратный процесс, хотя, конечно, визуальные образы современности уже не так примитивны и позволяют передавать гораздо большее количество информации на большие расстояния. С другой стороны, визуальная культура упрощает процесс коммуникации, позволяет более точно и наглядно передать информацию. Народная мудрость гласит: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», – что и находит подтверждение в современной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова, Я. М. Визуальный образ в современной культуре: к постановке проблемы / Я. М. Власова // Вестник ВолГУ, 2010. – Сер. 9. – Вып. 8(1). – С. 127–129.
2. Габова, М. В. Визуальная культура современного общества (опыт типологии) / М. В. Габова // Человек. Культура. Образование. – 2017. – № 2(24). – С. 30–40.
3. Даниэль, С. М. Искусство видеть / С. М. Даниэль. – М.: Амфора, 2006. – 206 с.
4. Дубовая, Н. В. Визуальная культура в аспекте современности / Н. В. Дубовая // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. III Междунар. науч.-практ. конф. № 3. – Новосибирск: СибАК, 2010.
5. Казарина, Т. Ю. Современная культура в визуальном пространстве / Т. Ю. Казарина // Вестник КемГУКИ, 2015. – № 30. – С. 39–48.
6. Кривошлыкова, М. В. Специфика восприятия визуальных образов в культуре / М. В. Кривошлыкова, А. И. Назарычева, О. А. Питыко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 4-3. – С. 597–600.
7. Genevieve von Petzinger The First Signs: Unlocking the Mysteries of the World's Oldest Symbols 320 pages Atria Books; 1st Edition edition (May 31, 2016).
8. We Are Social [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalreport.wearesocial.com/> (дата обращения: 13.06.2019).

Авдеенко И. А.
I. A. Avdeenko

СЕМАНТИЗИРУЮЩИЕ СОЧЕТАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ СИМВОЛОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

SEMANTIZING COMBINATIONS OF KEY SYMBOLS IN FAR-EAST POETRY

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature Studies of the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 17 Kirov str. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты анализа текстов поэтических подборок журнала «Дальний Восток» за 2013–2017 годы на предмет взаимосемантизирующих общих контекстов упоминания символов. Показано, что символы *земли, неба, глаз, души, травы, снега, воды, звезды, ночи, креста, реки* и другие образуют систему. Данное описание может использоваться для сопоставительного анализа символической семантики и языковых картин мира.

Summary. The article presents the results of the analysis of the texts of the poetic collections of the magazine «Far East» for 2013–2017 with a view to mutually antisense general contexts of mentioning symbols. It is shown that the symbols *earth, sky, eyes, soul, grass, snow, water, star, night, cross, river* and others form a system. This description can be used for a comparative analysis of symbolic semantics and linguistic pictures of the world.

Ключевые слова: символ, сочетаемость, семантизация, семантика, дальневосточная поэзия.

Key words: symbol, compatibility, semantization, semantics, Far Eastern poetry.

УДК 007;81;82

Работа выполнена в рамках гранта правительства Хабаровского края на реализацию проектов в области гуманитарных и общественных наук по теме «Ключевые символы дальневосточной поэзии как основа для эффективной социальной коммуникации» № 143/2018Д

Актуальность исследования семантизирующих сочетаний ключевых символов и их ассоциаций в дальневосточной поэзии определяется двумя факторами. Во-первых, творчество поэтов Дальнего Востока выражает представления дальневосточников о мире, крае, жизни в регионе, однако эти представления до сих пор не подвергались изучению. Во-вторых, исследование возможностей сочетаемости символов для описания их систем и соответствующих им фрагментов картины мира – относительно новый подход, который требует апробации на различном культурном материале. В данном случае использован материал поэтических подборок журнала «Дальний Восток» за 2013–2017 годы. Названный состав ключевых образов поэзии Дальнего Востока не является исчерпывающим и ограничен допустимым объемом публикации.

При анализе текстов дальневосточной поэзии использована программа статистического семантического анализа текста TextAnalyst 2.0 [2].

По данным анализа текстов, центральным символом дальневосточной поэзии является *небо*. Образ *неба* противопоставлен образу *земли*, но парадоксально связан с ним, что выражается в регулярном использовании символов в одном контексте и особенностях контекстуальной семантизации.

Небо и *земля* обладают зависимыми свойствами: «В большое *небо* над большой *землёй* / взошёл закат, пролив багрянец ясный» (Лада Магистрова «Час пик»); «Под новым *небом* новой

быть *земле!*» (Элла Крылова «Голос безмолвия»). При этом *небо* и *земля* одинаково недоступны: «И наша эфемерная планета так далека от *неба* и *земли*» (Дмитрий Сорокин «Покуда мы ещё не родились»); «Будучи в таком положении между недоступным *небом* и ненужной *землёй*, / Думая о своём положении, о себе, как ненужном *небу* / и пока недоступном *земле...*» (Виталий Бурик «Отражение»); «Ни с *земли*, ни с *неба* нет ответа» (Светлана Супрунова «Мало жизни в сердце...»).

Вместе с тем образы-символы *неба* и *земли* – это ориентиры, к которым стремится человек: «Суеты фавориты / Уходят под *землю*, / только Вечности слуги на *небо* восходят (Андрей Земсков «Постигая азы Векового молчанья...»), при этом *небо* ассоциируется с будущим *земли*: «Мир устроен не так нелепо, как нам чудится в дни печали, / Ведь *земля* – это то же *небо*, только в самом его начале» (Игорь Царев «Ангел из Чертаново»); «Это значит, что ты бесконечный Орфей – / весь земной от *земли* и до самых бровей, / ну а выше ты, *небо* – поэзия мира, / и в объятьях твоих стонет новая лира (Анна Золотарева «Ты иди, ты иди...»).

Земля для человека определяется как «родная»: «На этой горькой и *родной* единственной *земле*» (Лада Магистрова «Час пик»); «Мы плывём к *родной земле*» (Евгений Иваницкий «Моряки»); «Велика *земля* моя *родная*» (Олег Маслов «Такие в жизни перемены...»).

Именно человек (поэт) может реализовать связь между *небом* и *землёй*: «И под *небом* огромным всю ночь до утра / <Я> Стану греть своим телом остывшую *землю*» (Виктор Брюховецкий «Завернусь в дождевик и свернусь у костра...»); «Я был частью Вселенной и крохотным сердцем своим / Ощущал, как из мрака *земли* пробиваются всходы, / Как зерно умирает и *небо* рыдает над ним» (Иван Волосюк «Оживаю для слова...»); «Я тонкая трепещущая хорда, протянутая с *неба* до *земли* – / Я и была такой, но кто б заметил» (Любовь Колесник «Я буду снова. Как-нибудь потом...»); «Поэт ходил ногами по *земле*, а головою прикасался к *небу*» (Ксения Некрасова «Рублев. XV век»).

Символ *неба* в дальневосточной поэзии регулярно сочетается с символом *души*, который в свою очередь семантизируется посредством использования одних и тех же контекстов с символами *тела*, *сердца*, *нежности*. Из контекстов видно, что *душа* стремится к *небу*: «Легко по *небу* ехать пассажиру, коль весь багаж его – одна *душа*» (Андрей Земсков «Сон»); «В точке молчания в *небо* стремится *душа*» (Иван Шепета «Долгой ходьбой утомив богатырскую кость...»); «Как губы и зубы немели, / И в *небо* взмывала *душа*» (Юрий Гладкевич «Моя Месхети»). При этом *душа* и *тело* – две ипостаси человека, которые трагически разорваны: «Паралич *души* / В целом, здоровом *теле*» (Алексей Черкасов «Сердце твоё»); «*Тела* давно живут от *душ* отдельно» (Марк Богославский «Повествовать? Нет, выплакаться, выпеть...»); «Что тут скажешь, *тело*-то согрето, / Только вечно холодно *душе*» (Светлана Супрунова «Преет сено в скирдах залежалых...»); «Что мне делать с собой, я в *теле* моём живу, / словно гость или враг, и женского нет ни капли / ни в *душе*, ни в мыслях!» (Майя Шварцман «Подросток»). Единственное, что связывает *тело* и *душу*, – это *сердце*: «клик журавлей над озимью зелёной, / вдохнул живую *душу* в *сердце* клёна» (Лада Магистрова «Час пик»); «Что в них – ни фальши, ни апломба, / Лишь *сердца* сорванная плomba с неуспокоенной *души...*» (Игорь Царев «Недописанное»); «Наши *души*, заштопать их, / *Сердцу* певчому дать свободу и, как будто живую воду» (Андрей Земсков «Игорю Цареву»). Основным же атрибутом *сердца* является *нежность*: «И жалость к зимним веточкам нагим, и их изысканная утончённость / лелеют в *сердце нежность*» (Элла Крылова «В Золотой обители Будды»); «Много стояло с *сердца* снегов, / Чтобы *нежности* вышла река» (Кселена Литвинова «Нежность»); «И *сердце*, словно лунная тарелка, / ей отвечает *нежностью* самой» (Игорь Муханов «И логин “lessibiri” был таков»).

Символом стремления человека связать *землю* и *небо* является *травы*. Это выражается в регулярном использовании данных символов в общем, взаимосемантизирующем контексте: «И не силой, но нежностью *травы* / Пробивают жестокость *земли*» (Дарья Уланова «Городу В с любовью»); «Растут, цветут и вызревают *травы*: ведь у *земли* / всегда найдётся место для семечка упрямого, живого <...> Сердце – родней родного – чутко тебе внимало, / чтобы *земля* рожала, *травы* всходили в рост» (Лада Магистрова «Час пик»). При этом *травы* символизируют связь с предками, в том числе разорванную: «Но скажет угрюмо безногий Демьян: / Все *травы* скосила

коса до цветенья, / И *травы* не бросили в *землю* семян» (Михаил Анищенко «Весна. 1945»); «Я живой, а мёртвые – нет. / Тянут руки из-под *земли*, / Раздвигают горы вдали, / Пляшут ночью в чужой *траве*» (Илья Штуца «Муравьиный след»).

Аналогом *души* человека в случае с его представлением в виде *травы* выступает *запах*. На это указывает совместное использование символов *запаха* и *травы* в общих контекстах: «*Запах* *трав* лесных здесь навевают сны» (Илья Штуца «Деревянные песни»); «и вздохов волн, и *запах* *разных трав*, / при свете масляного светильника / вывожу на папирусе» (Элла Крылова «Пасха»); «*Душу запахом трав* напитал» (А. С.Брейтман «Магеллановы облака»). Вместе с тем и *земля*, и *травы* представляются скрытыми под *снегом* и выходящими из-под него. Этим определяется совместное использование символов *земли* и *снега*: «И в *снегах* приамурской *земли* на зимовку не могут остаться постаревшие журавли» (Александр Дракохруст «Я всё это помню...»); «И чудно было сочетание: я в платье бархатном, дворец и белый *снег* в ветвях и на *земле*» (Ксения Некрасова

«Из года в год...»); «К концу февраля на поверхность выходит *земля* неспешной медведицей, всласть належавшись под *снегом*» (Майя Шварцман «Фландрия»); «На *землю* ляжет глухо, краски украдёт, / Засыплет *снегом* всё и вся вокруг меня» (Евгений Назаренко «Мне будет не хватать тебя, осенний лес...»).

Обращённость человека к *небу* выражается совместным использованием и взаимосемантизацией символов *неба* и *глаз*: «*Небо* поблекнет, цвет отдавая *глазам* твоим» (Алиса Саитбаталова «Молитва о скрипаче»); «Мне *глаза* ослепило неистой синью, / будто *небо* спустилось по склонам крутым и манило к себе» (Александр Дракохруст «Синие сопки»); «И *небо* впитывало их – все эти запахи и стоны, / и *глаз*, бесслёзных и сухих, оживших на единый миг, мгновенный просверк обречённый» (Юрий Гладкевич «Кто-то же просил»); «А *небо* сияет лазорево-розовым гляncем / И режет *глаза*» (Лидия Люблинская «Конец февраля...»); «Я бы оставшимся *глазом* только на *небо* смотрел» (Глеб Гуров «Блюз солдата у Стены Плача»).

Символ *глаза* используется в общем контексте с символом *слёз*: «С полотенца белых ресниц / *Слёзы* вдруг ручьём полились, / Слово из заплаканных *глаз* / Капельки воды брызжут в таз» (Лилия Яшина «Женщина стирает бельё»); «В этот день было столько света, / Что *слезились* у всех *глаза*» (Андрей Земсков «Игорю Цареву»); «только *слеза* застилает *глаза* – / белая роза дрожит на рояле» (Сергей Сутулов-Катеринич «Сначала – навзрыд»).

Вместе с тем *глаза* – атрибут *друга*, на это указывает использование этих символов в общих контекстах: «Час настал, и мы посмотрели *друг другу* в *глаза*» (Марина Савченко «Это зеркало в бронзовой оправе...»); «Но худо дело: эта блёстка / к своим добытчикам строга, / не кажет *глаза* из песка, / хотя песок, наш *друг* стержовный, / “по паспорту” – золотиносный» (Ефим Гаммер «Сибирские реалии»); «Только не деритесь, не выцарапывайте *друг* дружке *глаза*» (Дмитрий Близнюк «Письма патриция»).

Образ *глаз* ассоциируется с образами *ночи* и *тьмы*: «Я верю – есть стрекозы *ночи* с большими умными *глазами*» (Игорь Муханов «Я верю – есть стрекозы *ночи* с большими умными *глазами*»); «Рыбьим *глазом* смотрел на луну, а в *ночи* – / Очертанья предметов пугающие» (Иван Волосюк «Я за рыбным обозом пытался успеть...»); «Нам есть, о чём молчать / *глаза* в *глаза* в наш светливый век – / всем тем, кому не спится по *ночам*, / кому всё снится твой солёный снег» (Лада Пузыревская «Солёный снег»); «И, завершив дела, мерить *глазами* *тьму*» (Дарья Уланова «День»); «В его *глазах* и над вашими головами оно из *тьмы* появляется одновременно» (Юлия Никитенко «У моего любимого *глаза* цвета неба...»); «Плутать во *тьме* крошечной, / фонарный щуря *глаз*» (Александр Куликов «Снегу»).

Как *глаза* человека выражают его устремлённость к *небу*, так *звёзды* в символическом смысле обращены ночным *небом* к человеку: «Много в *небе* *звёзд* ночной порою» (Олег Маслов «С давнего, невесть какого года...»); «В полночь, когда в *небе* *звёзды* маячат, / она, как ребёнок обиженный, плачет» (Евгений Кохан «Бедная бабулька»); «По *ночам* над маковкой резною / Дремлет в *небе* яркая *звезда*» (Лариса Подистова «Осень жизни – разноцветный терем...»);

«Никого. Покой вселяют / темнота и тишина, / только *звёзд* глаза сияют» (Тая Немова «Будет поздно или рано...»).

Именно эта обращённость даёт человеку надежду: «Пусть, как с *неба звёздочка*, / На ладони – кремешек» (Марина Самаркина «Шаром, колесом ли...»); «Но теперь ищу я всё чаще / Ту *звезду* на *небе* высоко» (Андрей Земсков «Чтобы век до срока не сгорбил...»); «И *звёзды* с *неба* падали, как манна, / Всё обещало радость без обмана» (Роальд Добровенский «Лампа Аладдина»); «Приветливо с *неба* кивает *звезда*, предчувствуя бога ли, сына ль Иосифа» (Майя Шварцман «Перепись населения»); «Быть зиме снежной – без ветра дым по земле клубится, / *звёзды* мигали *ночью*» (Майя Шварцман «Примета»); «Свежесть мокрых ракушек, что надо / Собирать вам, как *звёздочки* в *ночь*» (Клавдия Матухина «Для того и нужны океаны...»); «Это *ночь*, и *звёзды* есть неоткрытые камни» (Николай Красноштан «В алмазных снегах изумрудные создания...»).

Символ *звезды* в контексте символики *неба* совмещается с символом *креста*: «А там, вдали, на краешке земли, / Столетиями неслыханно раздольной, / Стояли под десницею престольной / Усыпанные *звёздами кресты*» (Валентина Беляева «Закат сползал в небесный перевал...»); «От этой смертной суеты / мне хочется освободиться, / забыть все *звёзды* и *кресты*, / кровавые от боли / лица» (Геннадий Миронов «Контратака»); «И вмещает в себя она *звёзды*, *кресты* и горы» (Елена Добровенская «Ион»).

Символическим аналогом образа *слезы* в контексте символики *неба* является образ *воды*, отсюда общие контексты использования символов *воды* и *неба*: «Звукам не удержаться, когда на дорогах *вода* – / Продолжение *неба*» (Владимир Нечаев «Звукам не удержаться...»); «С *неба вода* льётся, а я ни капли не пророню» (Юлия Никитенко «Осень. Красен кленовый лист...»); «Ты в сумерках вязнешь, но всё же идёшь туда, / где *небо*, почти обмелев, пропадёт в человеке, / становишься воздухом, запахом книг, аптеки, / настоек, что пьются по осени, как *вода*, / глоток, и не вспомнишь, чем принято жить, какой / слепой часовщик шестерню оголтело вертит?» (Олег Горшков «Ветреное»).

Атрибутивным символическим признаком *воды* являются холод и солёность: «До чего же *вода холодна* – не напиться!» (Виктор Брюховецкий «Уподоблюсь ворону-сычу...»); «Открыла кран с *водой холодной* – / Её не вспомнила *вода*» (Светлана Супрунова «Водопроводная вода»); «Войди в мой дом, в безмысленную речь, в мой жаркий дом, в *холодную водицу*» (Евгения Баранова «Царапинка»); «Плачешь – но в глаза, наоборот, / вспять идёт *солёная вода*» (Анна Золотарева «Лето обернулось комаром...»); «Погода лётная, *солёная вода*» (Андрей Земсков «Слишком остро, конечно же, всё это слишком остро...»); «Комнату вмиг заполняет *солёной* морской *водой*» (Дарья Стаханова «Она»).

Символическим результатом влияния *неба* на *землю* представляется *река*: «И солнце алым поплавром качает / Моя *река* в сиреневой *воде*» (Лада Магистрова «Час пик»); «Мимо нас с тихим плеском / Несёт свои *воды река*» (Валерий Скобло «Не кончается жизнь от того...»); «В тёмных *водах* осенней *реки*» (Алексей Сахатский «В тёмных водах осенней реки...»). При этом по аналогии с *землёй* и *снегом* *вода (река)* ассоциируется со льдом: «Снаружи на ветках лежал он, как звон колокольный, торжествен, / чист, будто *вода* подо *льдом*, и звенящ, будто лёд у закраин» (Александр Куликов «Рэндзю на тему стихов Роберта Блая»); «И превращается *вода* / В *лёд*, что чернеет под ногами» (Вадим Воеводин «Романс»); «Повсюду я видел покинутые развалины, безжизненные руины, законсервированные подо *льдом реки*» (Александр Куликов «Оттого, что стекло...»); «Блестит и светит *льдами*-линзами *река*» (Тая Немова «Будет поздно или рано»); «Но хранит до срока земные сны / Подо *льдами* Амур-*река*» (Елена Ковалева «Только всё же весна»).

При этом символ *солнца* связан с символом *неба* опосредованно, через символ *воды*: «И *солнце* алым поплавром качает / моя река в сиреневой *воде*» (Лада Магистрова «Час пик»); «Искрятся узоры в амурской *воде*, и *солнце* блестит на хабаровских крышах» (Галина Горбатенко «Летнее»); «Ярко-красное *солнце* в закаты / Долго тонет, касаясь *воды*» (Иван Шепета «Ярко-красное солнце в закаты...»); «Где-то в космосе, *солнцем* пригреты, / Эти массы зелёной *воды*» (Клавдия Матухина «Для того и нужны океаны...»); «А ежели *солнце* бросит / На *воду* бликов

смех» (Евгений Вольгушев «Про море и про меня»); «Грызёт он горький стебелёк ромашки, / По пояс стоя в *солнечной реке*» (Андрей Шевцов «Кондуктор сидит на канистре с водой...»).

Таким образом, анализ сочетаемости символов в дальневосточной поэзии позволяет описать специфическое мировидение поэта-дальневосточника, отражающее представления о взаимосвязях объектов и явлений жителями Дальнего Востока. Полученное описание в дальнейшем позволит определить общие (свойственные русской культуре поэзии в целом) и уникальные (свойственные дальневосточной культуре и поэзии) свойства этой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дальний Восток: литературно-художественный журнал. Хабаровск, 2013–2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litjournal.dv.ru/index.php/archive> (дата обращения: 15.06.2018).
2. TextAnalyst 2.0 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta> (дата обращения: 15.06.2018).

Вегера А. С., Усанов И. Г.
A. S. Vegera, I. G. Usanov

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

**THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF FINANCIAL PROVISION
OF THE PROJECTS IN THE SPHERE OF CULTURE**

Вегера Анастасия Сергеевна – магистрантка кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: vegera.as@email.knastu.ru.

Ms. Anastasiy S. Vegera – magistr of the department Management, marketing and public administration, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: vegera.as@email.knastu.ru.

Усанов Илья Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: usanov.ig@email.knastu.ru.

Mr. Ilya G. Usanov – PhD in Economics, Head of the department Management, marketing and public administration Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-na-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: usanov.ig@email.knastu.ru.

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме недостаточного объема финансирования сферы культуры и культурных проектов. По мнению историков, культурологов, а также экономистов, происходит становление культурно-цивилизационной стадии в развитии человечества. Вообще культура является одним из сильных потенциалов, способствующих усовершенствованию страны. Но процесс развития сферы культуры невозможен без инвестиций.

Summary. This work is devoted to the issue of insufficient funding for the sphere of culture and cultural projects. According to historians, cultural scientists, as well as economists, there is the formation of the cultural and civilizational stage in the development of mankind. In General, culture is one of the strong potentials that contribute to the improvement of the country. But the process of cultural development is impossible without investment.

Ключевые слова: культура, финансирование, учреждения культуры.

Key words: culture, financing, cultural institutions.

УДК 338.2

В сфере культуры г. Амурска сохранился административный принцип финансирования по всем уровням бюджетов, при котором вышестоящие финансовые органы доводят до учреждений культуры лимиты финансирования, не считаясь с их потребностями, а исходят из затрат прошлых лет. Всем известно, что в схеме планирования средств «по факту» изначально заложен механизм недофинансирования учреждений культуры города. Вышестоящие финансовые органы также недостаточно учитывают рост цен, существенно повышающий потребность в финансировании.

С введением программного принципа финансирования бюджетные дотации сохранились в виде минимальных гарантий поддержания материально-технической базы и хозяйственного содержания учреждений культуры. Это заработная плата, расходы на коммунальные услуги и другие защищённые статьи бюджетной сметы, гарантирующие минимум средств текущего содержания, поддержки деятельности учреждений города.

Самым главным фактором, определяющим качество предоставления культурных услуг в учреждениях г. Амурска, да и не только нашего города, является состояние материально-технической базы.

Можно заметить, что в России в последнее время снижается условный статус чтения и его значимость, меняются восприятие печатного текста и информации, репертуар читательских предпочтений. Потребители культурных услуг, побывавшие за границей и почувствовавшие уровень культуры там, всё более требуют инноваций в сфере культуры России, более высокого уровня мастерства и качества услуг. И такую же ситуацию мы наблюдаем в г. Амурске.

В условиях возрастающих требований к качеству культурно-досуговых мероприятий для расширения условий доступа к услугам ещё большего количества людей и создания комфортной среды, с учётом использования новых современных технических средств, необходимо обновление материально-технической базы: современные видео-, звуко-, светооборудование для проведения мероприятий на более высоком техническом, а значит, и художественном уровне.

Отделу культуры г. Амурска и подведомственным ему учреждениям следует уделить особое внимание решению вышеуказанной проблемы. Для её решения может быть использован положительный опыт Третьяковской галереи, Щукинских и Морозовских собраний современной французской живописи, Бахрушинского театрального музея, Частной оперы С. И. Мамонтова, Частной оперы С. И. Зимина и т. д. Во-первых, учреждениям культуры следует лучше развивать взаимодействие с бизнесом, привлекать инвесторов и меценатов к разработке культурных проектов и программ.

В архивах, прессе, мемуарной литературе и эпистолярных источниках, в зарубежных изданиях можно найти большой интереснейший материал о тех, кто прославился своей меценатской и благотворительной деятельностью в сфере культуры. Не имея каких-либо особых дарований в определённых областях художественного творчества, но обладая высоким эстетическим чувством и ощущая нравственную потребность к просвещению и культуре, они стремились обогатить жизнь людей созданием художественных собраний, изданием книг, оказанием поддержки начинающим, но уже талантливым художникам, музыкантам, писателям, поэтам.

За четыре года – с 2015 по 2018 год отделом культуры и подведомственными учреждениями было подготовлено более 20 различных проектов как увеличивающих материально-техническое оснащение, так и направленных на поддержание проведения мероприятий (конкурсов, фестивалей и т. д.), из которых было профинансировано всего 7. Основным инвестором в данные проекты выступило ООО «Полиметалл» г. Хабаровска.

Во-вторых, учреждениям нужно вплотную заняться привлечением федеральных и краевых средств через участие учреждений культуры в различных государственных программах, грантовых конкурсах, проектах и т. д.

На сегодняшний день в Российской Федерации разработано большое множество федеральных, региональных, муниципальных и частных проектов на выдачу грантов, предназначенных для поддержки творческих проектов в области культуры и искусства.

Согласно Общероссийской базе конкурсов и грантов в области культуры и искусства, за последний календарный год размещено 11 385 грантов. Двести шестьдесят четыре грантодателя осуществили поддержку проектов на общую сумму более 3,5 млрд р.

Вместе с тем успешному участию в конкурсах препятствует отсутствие навыков и опыта в подготовке конкурсной документации. К сожалению, оригинальная идея и качественно созданный проект – это лишь один из элементов успеха, вторым является правильность подготовки документации и заявки на получение гранта. Поэтому органам управления учреждениями культуры городского поселения «Город Амурск» следует уделить особое внимание повышению квалификации работников в области подготовки конкурсной документации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия развития сферы культуры Хабаровского края на период до 2025 года, утверждённая постановлением правительства Хабаровского края от 16.03.2011 № 59-пр.
2. Барсуков, Д. П. Управление сферой культуры: учеб. пособие / Д. П. Барсуков, Н. А. Носкова, К. С. Холодкова. – СПб.: СПбГИКиТ, 2015. – 103 с.

3. Новокрещенов, А. В. Теория и механизмы современного государственного управления: курс лекций / А. В. Новокрещенов. – Новосибирск: Изд-во СИУ (филиал РАНХиГС), 2016. – 410 с.
4. Братановский, С. Н. Государственное управление социально-культурной сферой в Российской Федерации: учеб. пособие для бакалавров / С. Н. Братановский, М. С. Братановская. – Москва – Берлин: Direct-MEDIA, 2017. – 104 с.
5. Официальный сайт «Общероссийская база конкурсов и грантов в области культуры и искусства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://grants.culture.ru/> (дата обращения: 11.04.2019).

Ивичев А. В., Усанов И. Г.
A. V. Ivichev, I. G. Usanov

**ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**PROBLEMS AND DISADVANTAGES OF NORMALIZATION OF WORK OF TEACHERS
OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN MODERN CONDITIONS**

Ивичев Александр Вячеславович – магистрант кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ivichev.av@email.knastu.ru.

Mr. Alexander V. Ivichev – magistr Department of management, marketing and public administration Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: ivichev.av@email.knastu.ru.

Усанов Илья Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: usanov.ig@email.knastu.ru.

Mr. Ilya G. Usanov – PhD in Economics, Head of the department Management, marketing and public administration Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: usanov.ig@email.knastu.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка актуализировать проблемы нормирования труда профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений на современном этапе информатизации общества.

Summary. The article attempts to actualize the problems of rationing of labor of the faculty of higher educational institutions at the present stage of informatization of society.

Ключевые слова: нормирование труда, трудозатраты, производительность труда.

Key words: Labor regulation, labor costs, labor productivity.

УДК 331.103.3

Плодотворная деятельность преподавателей вузов, эффективное распределение их рабочего времени, как правило, напрямую связаны с нормированием труда. Вопросу распределения учебной нагрузки уделяется много внимания, но по-прежнему нет единого подхода к расчёту норм труда преподавателей вузов с учётом специфики их деятельности.

Норма рабочего времени для преподавателя вуза в соответствии с Трудовым кодексом РФ должна быть не более 36 ч в неделю. Под рабочим временем преподавателя принято считать часть календарного времени (конкретные даты и часы), в течение которого он согласно расписанию, разработанному в соответствии с действующим законодательством, должен осуществлять преподавательскую деятельность.

Планирование работы преподавателя вуза осуществляется посредством установления нормы учебной нагрузки. Количество часов учебной работы на ставку в соответствии с занимаемой должностью является условным показателем, так как на федеральном уровне устанавливается лишь верхний предел этого значения. Количество часов учебной нагрузки зависит не только от занимаемой преподавателем должности, но и от его квалификации и профиля кафедры, на которой он работает. Данный объём времени рассчитывается вузом самостоятельно и фиксируется в локальных нормативных актах.

В соответствии с российским законодательством количество часов учебной нагрузки на ставку преподавателя вуза не должно превышать норму в 900 ч за учебный год.

Норма времени на ставку преподавателя в зависимости от занимаемой должности определяется исходя из количества часов по учебному плану определённого направления подготовки или специальности. Установленное в начале учебного года количество часов учебной нагрузки не может быть уменьшено по инициативе руководства вуза.

Рабочее время преподавателей рассчитывается в академических часах: 1 учебная пара равняется 2 ч. Остальные нормы затрат труда устанавливаются вузом самостоятельно. К их числу относятся:

- проведение консультаций;
- руководство практикой и курсовым проектированием обучающихся;
- текущая и промежуточная аттестации и прочее.

Рабочий день преподавателей вуза делится на две части:

- первая половина рабочего дня – непосредственно учебная деятельность, связанная с работой преподавателя в аудитории (контактная работа с обучающимися);
- вторая половина – учебно-методическая работа, организационно-методическая работа, научно-исследовательская работа, воспитательная работа, подготовка к аудиторным занятиям, повышение квалификации и другое.

Структура рабочего времени преподавателя вуза представлена на рис. 1.

Рис. 1. Структура рабочего времени преподавателей вузов

В высшем учебном заведении действует 6-часовой рабочий день при шестидневной рабочей неделе. Расчёт годового календарного фонда рабочего времени для преподавателей вузов, находящихся на территориях, приравненных к районам Крайнего Севера, на 2019 год представлен в табл. 1.

Таблица 1

Годовой фонд рабочего времени преподавателя Вуза на 2019 год

Индикатор	Единица измерения	
	дни	часы
Годовой календарный фонд рабочего времени	365	–
Выходные, праздники	66	–
Продолжительность рабочего дня	–	6
Годовой номинальный фонд рабочего времени	299	1794
Очередные отпуска в районах, приравненных к районам Крайнего Севера	72	432
Годовой эффективный фонд рабочего времени, в том числе:	237	1422
Средняя норма учебной нагрузки на единицу ставки ППС (первая половина рабочего дня)	–	760
Вторая половина рабочего дня	–	662

Для определения трудовых затрат на основные виды преподавательской деятельности авторами был проведён опрос преподавателей.

В соответствии с проведённым анализом был составлен список работ для осуществления эффективной деятельности доцента 1-й категории (на основании «Положения об оценке результативности деятельности профессорско-преподавательского состава» от 01.10.2014 в ФГБОУ ВПО «КнАГТУ») и примерные нормы времени, затраченные преподавателем для достижения результата (см. табл. 2).

Таблица 2

Перечень основных видов работ и норм времени доцента 1 категории

Вид работ	Нормы времени, необходимые для осуществления работы	Затраты труда в год
1. Учебная работа		
Проведение лекций на высоком научном и методическом уровнях	1 час на 1 академический час лекции	Фактические затраты времени – 228 ч
Проведение практических и лабораторных занятий на высоком научном и методическом уровнях	1 час на 1 академический час занятия	Фактические затраты времени – 380 ч
Прочие виды учебной нагрузки	–	Фактические затраты времени – 152 ч
2. Учебно-методическая работа		
Подготовка и актуализация рабочих программ дисциплин	Не установлены	Фактические затраты времени – 150 ч
Участие в подготовке изданного учебника (учебного пособия), практикума	Не установлены	При соавторстве фактические затраты времени – 250 ч

Продолжение табл. 2

Вид работ	Нормы времени, необходимые для осуществления работы	Затраты труда в год
Подготовка методических указаний	Не установлены	Фактические затраты времени – 150 ч
Подготовка активных и интерактивных форм проведения занятий, учебно-наглядных пособий	Не установлены	Фактические затраты времени – 50 ч
3. Научно-исследовательская и инновационная деятельность		
Выполнение финансируемой НИР	Не установлены	Фактические затраты времени – 150 ч
Монография	Не установлены	При соавторстве фактические затраты времени – 250 ч
Публикация научных статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ, РИНЦ. Учитывается не более пяти статей	Не установлены	Фактические затраты времени – 90 ч
Публикация научных статей в журналах, включённых в Scopus, European Reference Index for the Humanities	Не установлены	Фактические затраты времени – 100 ч
4. Организационно-методическая работа		
Организация внутривузовских олимпиад по дисциплинам учебного плана ООП, реализуемых в университете, а также спортивных студенческих соревнований	15 ч на одно мероприятие	Фактические затраты времени – 15 ч
Кураторство основных образовательных программ (среднего профессионального и высшего образования)	Не установлены	Фактические затраты времени – 200 ч
5. Организационная работа		
Выполнение обязанностей ответственного за трудоустройство по выпускающей кафедре в группах численностью от 10 до 15 чел.	Составление договоров – 15 ч 1 договор Переписка с организациями – 50 ч в год Составление отчётов – 50 ч в год	Фактические затраты времени – 160 ч
Обеспечение функционирования системы довузовской подготовки (реализация элективных курсов для учащихся общеобразовательных учреждений, программ дополнительного образования по подготовке к поступлению в вуз)	Не менее 34 ч на 1 элективный курс	Фактические затраты времени – 68 ч

Окончание табл. 2

Вид работ	Нормы времени, необходимые для осуществления работы	Затраты труда в год
Работы, способствующие повышению имиджа факультета		
Успешное повышение квалификации посредством освоения в течение последних пяти лет программ дополнительного профессионального образования	В объёме, установленном программой обучения (засчитывается повышение квалификации – один раз в 5 лет)	72 ч в среднем Зачастую объём установленной программы составляет более 72 ч

Анализируя данные таблицы, сделаем вывод о том, что в большинстве случаев нормы просто отсутствуют. Отчасти это объясняется творческим содержанием труда, который, как известно, трудно поддаётся нормированию. Традиционно эти виды работ относятся на вторую половину рабочего дня и нормируются косвенно через установление балльно-рейтинговой оценки, что неизбежно вызывает перекосы в ритмичности и интенсивности трудовой деятельности, так как зачастую балльная оценка не соответствует фактическим затратам труда исполнителя.

В заключение приведём перечень основных факторов, которые негативно влияют на ритмичность, пропорциональность и результативность труда профессорско-преподавательского состава:

1. **Неблагоприятная структура учебной нагрузки.** Под этим термином понимается неравномерность загрузки преподавателя по семестрам учебного года, вызванная невозможностью сбалансировать нагрузку в осеннем и весеннем семестрах, а также преобладание аудиторной нагрузки. Большое количество дисциплин и относительно низкая трудоёмкость каждой, не превышающая 4 з. е., приводит к тому, что учебные поручения преподавателей в большинстве случаев едва умещаются на 3–5 страницах, вследствие чего многократно увеличиваются ненормируемые трудозатраты второй половины рабочего дня. На подготовку к занятиям, разработку и утверждение рабочих программ дисциплин, учебно-методическое обеспечение, написание заданий, отзывов, подготовку приказов и прочие виды работ уходит нерационально много никак не учитываемого времени.

2. **Подготовка статей, монографий, учебных пособий и т. д.** – это творческий процесс. Его невозможно загнать в какие-либо нормы. Данные виды работ сами по себе имеют высокую трудоёмкость. Вместе с тем многие публикации в серьёзных научных журналах, особенно включённых в перечень Web of Science или Scopus, требуют немалых финансовых затрат. Одна статья в журнале из перечня Web of Science обычно обходится в сумму не менее 30 тыс. р. В некоторых случаях эта сумма сопоставима с ежемесячной заработной платой преподавателя.

3. **Тотальная регламентация и бюрократизация учебного процесса.** Безусловно, упорядоченность образовательного процесса является весьма важным направлением деятельности в сфере повышения его качества. Однако традиционно используемые для этого механизмы регламентации приводят к нерациональному увеличению трудозатрат исполнителей. На бумаготворчество уходит гораздо больше времени, нежели на образовательную часть. Подобная проблема уже хорошо известна в школьном образовании.

4. **Чрезмерная интенсивность труда.** Интенсивность труда постоянно возрастает не только у преподавателей вуза, но и у самих обучающихся. В первую очередь речь идёт о студентах заочной и очно-заочной форм обучения. Так уж складывается, что острую потребность в обучении испытывают люди в начале и середины своей трудовой жизни. Одновременно с этим они же являются и основным трудовым ресурсом на предприятиях и в организациях. Зачастую ненормированный рабочий день, чрезмерная трудовая нагрузка и высокая интенсивность труда студента по основному месту работы, помноженная на жёсткость и зарегламентированность образовательного процесса, многократно повышают трудозатраты преподавателей. Высокая когнитивная нагрузка

вызывает преждевременное наступление усталости, что приводит к досадным ошибкам и промахам в круговерти деловых процессов.

Резюмируя сказанное, хочется отметить острую необходимость в рационализации трудовых процессов профессорско-преподавательского состава с учётом современных вызовов и целевых приоритетов развития дистанционных технологий в сфере образования. Интеллектуальный и творческий потенциал невозможно реализовать в условиях дефицита рабочего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 01.12.2014). – М.: Мир, 2014. – 384 с.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения: 10.11.2018).
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. № 1601 (Москва) «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре»; дата подписания: 22.12.2014; дата публикации: 11.03.2015; зарег. в Минюсте РФ 25 февраля 2015 г., № 36204 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/03/11/chasy-dok.html> (дата обращения: 20.05.2019).
4. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 26 июня 2003 г. № 4-55-784 ин/15 и приложение к нему: «Примерные нормы времени для расчёта объёма учебной работы и основные виды учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения: 10.11.2018).
5. О продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки РФ от 24 февраля 2010 г. № 2075 // Российская газета. – 2011. – 11 февраля. – № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Райчук, Д. Ю. Аудиторная нагрузка ППС в свете мирового опыта / Д. Ю. Райчук // Высшее образование в России. – 2016. – № 1. – С. 105–112.
7. Симоненко, Н. Н. Управление образовательными услугами с применением инновационных методов управления / Н. Н. Симоненко // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 201–206.
8. Симоненко, Н. Н. Мотивация персонала в формировании конкурентоспособности вуза: моногр. / Н. Н. Симоненко, И. А. Андреева. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 156 с.
9. Симоненко, В. Н. Связь трудовой мотивации с вознаграждением труда и его производительностью / В. Н. Симоненко, Н. Н. Симоненко // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2012. – № 139. – Т. 1. – С. 158.

Солнцева А. В., Кудрякова Н. В.
A. V. Solntseva, N. V. Kudryakova

**РОСТ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ И УСТРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО
НЕРАВЕНСТВА – ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РФ**

**GROWTH IN INCOMES OF THE POPULATION AND ELIMINATION OF SOCIAL
INEQUALITIES ARE THE MAIN OBJECTIVES OF THE NATIONAL POLITICIANS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Солнцева Анастасия Вячеславовна – студентка кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: nastya-kasatyk@mail.ru.

Ms. Anastasia V. Solntseva – student of the Department of Economics, Finance and accounting of Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: nastya-kasatyk@mail.ru.

Кудрякова Надежда Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Ms. Nadezhda V. Kudryakova – candidate of economic Sciences, associate Professor of Economics, Finance and accounting of Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу основных факторов, влияющих на доходы населения в различных регионах РФ. Авторы сделали попытку выработать рекомендации по повышению уровня и качества жизни населения.

Summary. This work is devoted to the analysis of the major factors influencing the income of the population in various regions of the Russian Federation. Also authors made attempt on development of recommendations about increase in level and quality of life of the population.

Ключевые слова: доходы населения, неравенство доходов, уровень и качество жизни населения.

Key words: income of the population, inequality of incomes, level and quality of life of the population.

УДК 339.16

Повышение благосостояния населения – важнейшая задача национальной политики. В Российской Федерации требуется быстрее восстановить доходы и максимально стимулировать платёжеспособный спрос населения. В настоящее время четверть населения находится за чертой бедности. И с каждым годом этот показатель продолжает расти, в то же время у 7 % населения сосредоточено более 80 % денежных средств. Такое положение вещей было до отмены крепостного права. Не менее важным является и преодоление несправедливости в распределении доходов. Приоритетом национальной политики, по словам президента РФ В. В. Путина, должно стать устранение социального неравенства различных слоёв населения.

Одним из важнейших показателей в рыночной экономике, позволяющий оценить благосостояние человека, – это его доход. Доходы населения изменяются под воздействием социально-политических, социально-демографических, социально-профессиональных, социально-статусных, социально-экономических и социально-демографических факторов. Возможностями получения доходов и местом в обществе (рабочий, инженер, директор, депутат) определяется социальный статус человека. Владелец предприятия априори не может получать меньше своего работника.

Так, директор ЗАО «Стройсталь» получает более 300 тыс. р. в месяц, в то время как средний заработок персонала этого предприятия составляет около 20 тыс. р. Зарплата директора ПАО «Амурский судостроительный завод» составляет более 1,5 млн р., зарплата персонала составляет 30–40 тыс. р.

Россия по площади и разнообразию климатических поясов (от полярного до субтропического) занимает 1-е место в мире, поэтому стоимость жизни (продукты, ЖКХ и т. п.) значительно разнится с Юга на Север и с Запада на Восток (см. табл. 1). Но в северных и восточных областях находятся основные залежи полезных ископаемых, поэтому для привлечения рабочих в эти районы государство регулирует доходы (заработную плату) в этих регионах.

Например, размер оплаты труда выше в Тюменской, Кемеровской областях, так как в них преобладает добывающая промышленность (нефть и уголь), в Москве – из-за большой концентрации финансово-банковских учреждений и сосредоточения органов государственного управления. Низкая заработная плата характерна для регионов с сельскохозяйственным уклоном и преобладанием лёгкой промышленности (Ивановская область). Размер заработной платы тесно связан с состоянием региональных рынков труда. Например, в городе Иваново основной вид производства – ткацкое (имеются ткацкие фабрики), поэтому востребованность в женском труде там очень высока. Недаром даже в песне поётся, что «Иваново – город невест». По данным Росстата, в Ивановской области на 1223 женщины приходится 1000 мужчин, а в Ярославской области – на 1231 женщину приходится 1000 мужчин.

Таблица 1

Среднедушевые денежные доходы по субъектам РФ

Федеральный округ	2014, р.	2016, р.	2018, р.
Центральный федеральный округ	38 767	39 371	40 865
Северо-Западный федеральный округ	32 329	33 217	33 891
Южный федеральный округ	25 458	26 291	26 984
Северо-Кавказский федеральный округ	23 024	23 451	24 018
Приволжский федеральный округ	26 287	25 708	25 877
Уральский федеральный округ	32 880	32 634	32 944
Сибирский федеральный округ	23 569	23 722	23 926
Дальневосточный федеральный округ	36 275	36 432	37 070

На основе данных табл. 1 сделан вывод о том, что средний размер оплаты труда выше в Центральном федеральном округе, то есть в месте, куда стекаются все финансы. Но эта таблица не отражает всей действительности, так как она составлена с учётом размеров оплаты труда всех категорий работников. Например, директор получает 1,5 млн р., а рабочий – 20 тыс. р. И получается, что размер средней заработной платы в рассматриваемых федеральных округах составляет 760 тыс. р.

Социально-профессиональные факторы оказывают большое влияние на размеры доходов и их дифференциацию. Для овладения той или иной профессией нужны различные уровни образования. Например, врач, лётчик, инженер обучаются по 5-6 лет в вузах, а затем некоторое время проходят стажировку, а дворник, плотник, вахтёр могут приступить к работе сразу. Размер доходов представителя какой-либо профессии зависит от разряда, категории, звания.

В табл. 2 отражены данные о средней заработной плате работников определённых профессиональных групп по состоянию на 2014, 2016, 2018-й годы.

По данным табл. 2 видно, что специалисты высшей квалификации имеют более высокие доходы по сравнению с менее квалифицированными специалистами, но в то же время, если сопоставить

ставить их зарплату и зарплату руководства, различие будет большим, чем между ними и обслуживающим персоналом (продавцы, охранники).

Таблица 2

Средняя начисленная заработная плата работников по профессиональным группам

Профессиональные группы работников	2014, р.	2016, р.	2018, р.
Всего	28 702	32 911	38 609
Руководители	52 001	60 719	74 539
Специалисты высшего уровня квалификации	33 005	37 023	43 361
Специалисты среднего уровня квалификации	25 848	29 492	36 451
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учётом и обслуживанием	18 904	22 330	25 252
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	18 818	20 235	23 465
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	16 337	20 051	23 446
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	27 943	32 062	36 299
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	27 966	32 083	37 427
Неквалифицированные рабочие	13 552	15 529	18 846

На формирование доходов также влияют пол, возраст, умственные способности, здоровье. Наличие здоровья повышает трудоспособность, а наличие больших способностей или таланта способствует интеллектуальному росту в более короткие сроки, выработке новых идей, появлению изобретений, совершению открытий, на базе которых осуществляется развитие научно-технического прогресса, духовное развитие нации и т. п.

Для наглядности изменения доходов населения под влиянием социально-демографического фактора разделим трудоспособное население на мужчин и женщин и приведём их среднюю начисленную заработную плату (в рублях) за 2014, 2016, 2018-й годы (см. табл. 3).

Таблица 3

Средняя начисленная заработная плата мужчин и женщин

Категории работающих граждан	2014, р.	2016, р.	2018, р.
Мужчины	33 301	38 605	45 557
Женщины	24 721	28 021	32 658

Неравенство доходов мужчин и женщин можно объяснить тем, что женщин трудоустраивают менее охотно по ряду причин: декретные отпуска, отгулы по уходу за ребёнком. В большинстве случаев для женщины главное – семья, дом, статус хранительницы очага, а мужчины – это добытчики, они должны обеспечивать семью.

По данным табл. 3 видно, что мужское население имеет более высокую заработную плату.

Разница в доходах мужчин и женщин составляет:

- за 2014 год: $8\,580/24\,721 \times 100\% = 34,7\%$;
- за 2016 год: $10\,584/28\,021 \times 100\% = 37,77\%$;
- за 2018 год: $12\,899/32\,658 \times 100\% = 39,49\%$.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Для улучшения жизни населения требуется не только выработка государственной программы повышения уровня и качества жизни, но и мероприятия по контролю над её соблюдением.

2. В программе повышения уровня и качества жизни населения необходимо предусмотреть решение нескольких ключевых проблем, а именно:

- повышение уровня оплаты труда;
- обеспечение прожиточного минимума, а также недопущение дальнейшего разрушения минимальных социальных гарантий населения;
- сокращение разрыва в доходах мужчин и женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Учёт и статистика: научно-практический журнал; учредитель ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». – 2018. – № 2(50). – 111 с.
2. Официальный сайт Госкомстата РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 14.09.2018).

Чернова И. В., Кириченко Л. П.
I. V. Chernova, L. P. Kirichenko

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

METHODS OF EVALUATION OF FINANCIAL STABILITY OF COMMERCIAL BANKS

Чернова Инна Валентиновна – магистр кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (924) 101-87-38. E-mail: inn-chernova@mail.ru.

Ms. Inna V. Chernova – Magister, Department of Economy, Finance and Accounting, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (924) 101-87-38. E-mail: inn-chernova@mail.ru.

Кириченко Любовь Павловна – доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта, кандидат экономических наук Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (914) 427-55-47. E-mail: Lubashka1980_307@mail.ru.

Ms. Lubou P. Kirichenko – Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Department of Economy and Finance, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (914) 427-55-47. E-mail: Lubashka1980_307@mail.ru.

Аннотация. В работе рассмотрены различные методики оценки финансовой устойчивости коммерческого банка. Дана сравнительная характеристика методик с учётом принципа формирования сводной оценки финансовой устойчивости. Рассмотрена система рейтинга как способа качественной оценки финансового положения банка.

Summary. The paper discusses various methods for assessing the financial stability of a commercial bank. A comparative characteristic of the methods is given, taking into account the principle of forming a consolidated assessment of financial sustainability. The rating system is considered as a way to qualitatively assess the financial position of a bank.

Ключевые слова: рыночная экономика, финансовая деятельность, финансовая устойчивость, коммерческий банк, методики оценки, система рейтингов.

Key words: market economy, financial activity, financial stability, commercial bank, valuation techniques, rating system.

УДК 336.012.23

В условиях рыночной экономики важнейшей характеристикой стабильности банковской системы является её финансовая устойчивость. Поддержание финансовой устойчивости – основной вид деятельности коммерческих банков.

В современных условиях российской экономики – в состоянии непрерывной адаптации к изменяющимся макроэкономическим условиям – деятельность коммерческих банков подвергается значительным рискам, что способствует потере финансовой стабильности.

Обеспечение и поддержание финансовой устойчивости требует и соответствующих методик её оценки. Следует отметить, что в Российской Федерации нет единой методики оценки финансовой устойчивости коммерческого банка. Кредитные организации традиционно рассчитывают значения нормативных показателей, обязательных для выполнения ими, в соответствии с указанием Банка России № 3277-У «О методиках оценки финансовой устойчивости банка в целях признания её достаточной для участия в системе страхования вкладов» и инструкцией Банка России № 180-И «Об обязательных нормативах банков» [1].

Однако на основе данных документов оценивается только финансовая устойчивость коммерческого банка как часть общей устойчивости. Следовательно, происходит «недоучёт» негативных факторов, влияющих на его комплексную устойчивость. Именно поэтому в последние годы так сильно возрос интерес к вопросу оценки устойчивости банков, что, в свою очередь, привело к появлению ряда новых методик. Чтобы разобраться во множестве существующих в России методик оценки устойчивости коммерческого банка, целесообразно привести их сравнительную характеристику (см. табл. 1) [1].

Таблица 1

Сравнительная характеристика
методик оценки финансовой устойчивости коммерческого банка в РФ

Методика	Автор	Достоинства	Недостатки
Методика Банка России	Банк России	Значительное количество показателей, позволяющих проанализировать большую часть сторон функционирования банка Стандартизованность методики	Большая трудоёмкость определения значительного количества коэффициентов Закрытость результатов
Графическая модель финансовой устойчивости банка	Группа банковского анализа «Амелин и партнёры»	Наглядность и лёгкость восприятия Быстрота анализа	Диспропорции в финансовых соотношениях банка могут исказить графическую модель В данной ситуации невозможно определить, что происходит с банком
Методики, базирующиеся на расчёте и анализе коэффициентов финансовой устойчивости банка	А. К. Муравьев	Простота оценки (возможность применения в дистанционном анализе устойчивости банка) Логичность, стройность предлагаемой методики	Распределение банков по группам финансовой устойчивости без учёта конкретного по положения дел в банке
	Е. А. Тарханова	Комплексный подход к оценке финансовой устойчивости банка Возможность суждения о финансовом положении банка в будущем	Уделяется мало внимания показателям, связанным с собственным капиталом банка
Эконометрические модели оценки финансовой устойчивости банка	А. А. Пересецкий	Возможность прогнозирования проблемных ситуаций в деятельности банков	Для проведения анализа необходимы глубокие знания экономико-математического моделирования
	О. П. Овчинникова, А. Ю. Бец	Возможность прогнозирования нарушений финансовой устойчивости коммерческого банка в будущем	Ввиду отсутствия необходимой информации обычный пользователь не сможет воспользоваться данной методикой

Продолжение табл. 1

Методика	Автор	Достоинства	Недостатки
Интегральный метод	В. С. Кромонов	—	Предпочтение отдаётся крупным банкам Не учитывается прибыльность банка
	Г. Г. Фетисов	—	В расчёте не учитываются показатели безнадёжных ссуд, уровня резервирования, финансовой независимости банка
	Н. А. Ермоленко	—	Слишком малый набор показателей, участвующих в расчёте
Рейтинговая оценка	Национальные и зарубежные рейтинговые агентства	—	Рейтинги национальных рейтинговых агентств обычно на 2-3 ступеньки выше международных рейтингов Возможность банка отказаться от публичного объявления рейтинга, если он его не устраивает Проведение рейтингования по желанию банка

Как показывает анализ данных табл. 1, каждая методика имеет свои достоинства и недостатки. Самыми эффективными, на взгляд автора [1], являются методика Банка России и эконометрическое моделирование. Но в то же время они трудоёмки и требуют использования огромных массивов разносторонней информации. Самыми оперативными представляются методики, базирующиеся на расчёте и анализе коэффициентов финансовой устойчивости банка, но они порой не отражают в полной мере всех многогранных процессов, которые происходят в нём.

С учётом принципа формирования сводной оценки финансовой устойчивости выделяются рейтинговый, экспертный и смешанный методы. При рейтинговой системе финансовой устойчивости присваивается определённое числовое значение. Построение рейтинга производится по методике, в которой учитываются фактическое и нормативное значения показателей финансовой устойчивости банка.

При экспертной системе присвоение определённого рейтинга осуществляется аналитиком на основе изучения нескольких факторов, влияющих на состояние того или иного показателя. Аналитик принимает во внимание существенные факты и тенденции в экономике.

При смешанной системе сочетаются элементы обоих методов. С одной стороны, присутствует формализация результатов оценки путём выведения баллов, которые присваиваются каждому из показателей, а с другой стороны, учитываются факторы, которые могут нарушить финансовую устойчивость банков. В результате выведение оценки основывается на мотивированном суждении аналитиков.

С помощью системы рейтингов осуществляется оценка финансового состояния банка и одновременно формируется имидж стабильного коммерческого банка. Рейтинги позволяют иметь достоверную информацию о финансовой устойчивости российских коммерческих банков, чтобы вкладчики и инвесторы могли обезопасить себя при размещении своих свободных финансовых

ресурсов, в связи с чем необходимость глубокой и качественной оценки финансового положения банков стала первостепенной задачей.

Рейтинг банка – это комплексная характеристика основных направлений его деятельности, определяемая методом сопоставления с результатами деятельности других банков. Целью рейтинговой оценки банков является отнесение анализируемого банка к той или иной группе.

Под банковским рейтингом следует понимать способ сравнительной оценки банков путём отнесения их к определённом рейтинговому классу или определение их положения в ранжированном ряду банков.

В данный период применяется три метода построения рейтингов: балльный, номерной и индексный. При составлении рейтингов агентства прибегают к комбинированию различных методов.

Балльный метод не предполагает ранжирования банков. Оценка каждого оценочного показателя финансового состояния банка осуществляется в баллах. Сводная балльная оценка даёт возможность определить принадлежность банка к той или иной группе банков.

Номерной метод заключается в построении ранжированного ряда по значению определённых показателей финансового состояния банка и присвоении банку по каждому из этих показателей определённого места – номера в рейтинге. Обычно при этом охватывается небольшое число учитываемых факторов.

Индексный метод основывается на расчёте индекса каждого из оценочных показателей финансового состояния банка, причём расчёты могут производиться относительно средних значений, рассчитанных за несколько лет. После составления индексов по отдельным показателям переходят к расчёту комбинированных индексов.

Основными критериями составления рейтингов являются качественные показатели деятельности банков: доходность, ликвидность, эффективность размещения активов и оценочные показатели, которые являются относительными, то есть имеют определённую норму, установленную на основе определённых стандартов. Кроме того, по разработанным методикам анализируются доходы банка, его кредитный портфель и ликвидность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретьова, Н. А. Методы управления устойчивостью коммерческого банка / Н. А. Кретьова // Финансы и кредит. – 2014. – № 30 – С. 33–44.
2. Горюкова, О. В. Модели финансовой устойчивости кредитных организаций / О. В. Горюкова. – М., 2014. – 250 с.
3. Лукин, С. Г. Оценка финансовой устойчивости коммерческого банка и пути её повышения / С. Г. Лукин // Молодой учёный. – 2017. – № 37. – С. 60–64.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Киреева Н. В.
N. V. Kireeva

ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ ФЁДОРА ЧУДАКОВА И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ПРИАМУРЬЯ В НОВОМ ВЫПУСКЕ АЛЬМАНАХА «АМУР»

DOUBLE ANNIVERSARY OF FEDOR CHUDAKOV AND OTHER EVENTS OF LITERARY LIFE OF THE AMUR REGION IN THE NEW ISSUE OF THE ALMANAC «AMOUR»

Киреева Наталия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104; тел.: +7 (4162) 77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

Ms. Nataliya V. Kireeva – Dr. of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Blagoveshchensk, 104 Lenin str.; tel.: +7 (4162) 77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

Литературный альманах «Амур», издаваемый в Благовещенском государственном педагогическом университете (БГПУ), ежегодно знакомит читателей с важнейшими событиями литературного процесса Приамурья. В 2018 году одним из таких событий стал двойной юбилей – 130 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти Фёдора Ивановича Чудакова – самого яркого литератора региона в дореволюционное время. Откликаясь на эти события, редакция разместила в 17-м выпуске «Амура» в рубрике «Из архива» рассказы и очерки юбиляра – «Бузуй», «По Зее», «Под утёсом». Публикация этих произведений анонсирует выход большого двухтомника произведений «амурского Саши Чёрного», подготовленного Александром Урмановым для московского издательства «Русский путь». Теме двойного юбилея – рождения и трагической гибели Фёдора Чудакова – посвящена и цветная задняя обложка «Амура», где представлены недавно обнаруженные фотографии и материалы, в том числе снимок предполагаемого места захоронения писателя и его семьи. Кроме того, с фигурой Фёдора Чудакова связана напечатанная в рубрике «Критика и литературоведение» статья Александра Урманова «Подлые времена». В ней осмысливается история громкого скандала в предреволюционном Благовещенске и отклик на неё в творчестве Фёдора Чудакова и другого видного литератора той эпохи – Александра Матюшенского.

Остальные материалы нового номера не менее значительны и интересны. В традиционной, открывающей альманах, рубрике «Слово – мастерам» увидели свет новые прозаические и поэтические произведения Игоря Игнатенко – лидера писательского сообщества Приамурья. Здесь же напечатаны стихи известного читателям «Амура» «русского парижанина» Виталия Амурского, предстающего в новом качестве: поэт в проникновенных лирических строчках осмысливает события российской истории. Завершают рубрику стихи из новой книги постоянного автора «Амура» Валерия Черкесова, верного своей главной теме – ностальгической любви к малой родине: «Если птицы стремятся на юг, / то душа моя рвётся на север, / на восток, где ненастно от вьюг / и метелей» [1, 12].

В рубрике «Лауреаты и номинанты премии имени Леонида Завальнюка» вниманию читателей представлены рассказ-эссе лауреата премии 2018 года Николая Левченко «Раздумья среди праздника», философские стихи номинанта премии этого же года Татьяны Гуровой и вторая часть мемуарных очерков лауреата премии 2017 года Александра Маликова. Разные жанры и разных авторов объединяет стремление включить конкретного человека в круговорот более масштабных процессов. Так, Николай Левченко размышляет о месте собственной жизни «в цепочке прошедших и будущих десятилетий, прошедших и будущих судеб» [1, 15]. О времени, судьбе и жизненных штормах задумывается Татьяна Гурова. О роли редактора «с фантастическим чутьём на талант» [1, 20] Марка Либеровича Гофмана в развитии литературы Приамурья размышляет Александр Маликов.

Рубрика «Поэтическая встреча» предлагает стихи хорошо известных читателям «Амура» поэтов – Тамары Воронцовой, Хелены Саммер, Алёны Безуглой, Анны Прокопьевой. Единственное исключение – поэзия Сергея Шерешевского, опубликованная в альманахе впервые и привлекающая необычными образами и оригинальными размышлениями над острыми проблемами жизни. Вместе с тем и авторы знакомые поворачиваются гранями, прежде неизвестными. Хелена Саммер, ранее представлявшая на суд читателей лирические стихи, выступила создателем баллады о героях, которые привыкли «Верить в правду, / Думать правду, / Правду говорить» [1, 28]. Тамара Воронцова предлагает нашему вниманию другой жанр – поэтический цикл, объединённый размышлениями о любимом поэтессой времени года, когда «мир прост и открыт, словно храм» [1, 24]. Находит новые повороты в характерном для женской поэзии мире Алёна Безуглая, подтверждая, что «у меня своя в жизни линия» [1, 30]. Виртуозно вписывает в собственную поэтическую манеру лексику и материальность «новых времён» Анна Прокопьева, остро осознавая одну из важнейших особенностей искусства слова: «Возьми меня к себе на карандаш, / И я пойму, что сохраняюсь хоть где-то» [1, 33]. Да, поворачиваясь к читателям новыми гранями и продолжая обустраивать свою поэтическую вселенную, все представленные в рубрике авторы «сохраняются» – не только на страницах «Амура», но и в реальном пространстве творческого переоткрытия.

Произведения, составившие рубрику «Малая проза», написаны авторами, давно знакомыми читателям «Амура». В автобиографическом рассказе «Про кота Жорку, тётю Феню и страшную карточку...» мэтр литературы Приамурья Нина Дьякова делится драгоценными воспоминаниями о детстве, интригует историей про «страшную карточку» и завораживает выразительной речью персонажей. Рассказы-малютки аксакала амурской журналистики Александра Герасимова, обращённые к реальным – курьёзным, радостным и трагическим – историям из жизни автора, по большей части посвящены теме ностальгии по своей малой родине. Перекликается с этой темой и история героя рассказа «Старость» лауреата премии Леонида Завальнюка за 2017 год Ярослава Турова, который тоже уехал из Приамурья, но связи с родной землёй не теряет – ни в душе, ни в творчестве. Завершает рубрику рассказ Ольги Крутиковой (Селезнёвой), печатающейся в «Амуре» с первого номера. В нём опыт выпускницы филологического отделения БГПУ филигранно сплавлен с историей о жизненно важном выборе, который был сделан благодаря полученной в вузе «прививке от ошибок».

Ещё одна традиционная рубрика альманаха «Поэтический дебют» в новом выпуске лишилась своей «поэтической» составляющей, предлагая вниманию читателей просто «Дебют» – в прозе. Автор опубликованных «рассказиков» Влад Томасов смело отправляется на поиск собственных тем и жанров, перемежая жанровые топосы фантастики, сказки, притчи. Чтение дебютных текстов молодого автора интригует тем, как он пытается наполнить традиционные формы новым содержанием, которое рождает современная эпоха.

В рубрике «Критика и литературоведение» помимо статьи Александра Урманова «Подлые времена» представлены и другие значимые материалы исследователей литературного процесса Приамурья. Так, в статье «Знакомый незнакомец» Виктории Гавриленко до сведения читателей доводятся результаты работы с архивом Леонида Завальнюка – ценнейшего источника для формирования целостной картины творческой деятельности известного русского писателя. Статья иллюстрирована фотографиями архивных источников и содержит тексты ранее неопубликованных произведений Завальнюка. Проникновенная статья Валерия Черкесова «Под пеплом искра золотая...» посвящена 80-летию юбилею поэта и переводчика Станислава Демидова. Очень насыщенной и интересной получилась и традиционная «Книжная лавка», создающаяся на протяжении многих лет Ириной Назаровой. В ней читатели знакомятся с увидевшими свет в 2017-2018 гг. альманахом «Приамурье», сборником произведений амурских авторов «Страницы», набором открыток Н. Левченко, прозой, стихами и драматургией С. Федотова, Н. Левченко, А. Воронкова, И. Игнатенко, В. Куприенко, В. Черкесова, Н. Дегтярева, Л. Мерзляковой, А. Курако, В. Кобзарь, мемуарными и историческими трудами о событиях Гражданской войны в Приамурье.

Тема исторической памяти продолжается в рубрике «Страницы прошлого». Здесь напечатаны интереснейшие материалы, сопрягающие события дореволюционного прошлого, эмиграции

и войны Советского Союза с Японией, будни амурских колхозников и путешествия по Чехословакии и Италии, становление факультета иностранных языков БГПУ и воспоминания об одной из встреч с известным амурским археологом. В рубрике опубликованы размышления Александра Табунова «Судьба казачья» над страницами повести амурского казака-эмигранта Василия Коренева; воспоминания Антонины Токмаковой об «оттепельных» 1960-х; трогательный портрет Якова Вениаминовича Шварца-Генина, созданный его ученицей и коллегой Тamarой Стасюкевич; небольшой, но яркий штрих к портрету Б. С. Сапунова, вышедший из-под пера Бориса Блохина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амур: Литературный альманах БГПУ. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – № 17. – 104 с., илл.

Киреева Н. В.
N. V. Kireeva

НОВЫЕ ИМЕНА И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ НА 12-й ЕЖЕГОДНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛОСЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019» (БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 29 МАРТА 2019 ГОДА)

NEW NAMES AND NEW DISCOVERIES AT the 12th ANNUAL REGIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «LOSEVSKIE READING – 2019» (BLAGOVESHCHENSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 29 MARCH 2019)

Киреева Наталия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104; тел.: +7 (4162) 77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

Ms. Nataliya V. Kireeva – Dr. of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Blagoveshchensk, 104 Lenin str.; tel.: +7 (4162) 77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

Двенадцатая Региональная научно-практическая конференция «Лосевские чтения – 2019», посвящённая памяти основателя литературного краеведения Приамурья Анатолия Васильевича Лосева, прошла в Благовещенском государственном педагогическом университете (БГПУ) в конце марта 2019 г. По традиции с докладами выступали не только известные в регионе писатели и маститые учёные, преподаватели вузов и школ, сотрудники музеев и библиотек, но и молодые краеведы: аспиранты, студенты, школьники. На конференции обсуждались неизвестные и малоизвестные страницы истории литературной жизни региона и особенности литературного процесса в Амурской области, пребывание известных писателей в Амурской области и поэтика творчества амурских писателей, изучение произведений писателей Приамурья в школе и особенности языка этих произведений. Но главная тема, которая так или иначе обсуждается на каждой конференции «Лосевские чтения», – это роль **Анатолия Васильевича Лосева** в становлении литературного краеведения Приамурья. Именно поэтому открывал 12-ю конференцию доклад члена Союза писателей России, выпускницы БГПУ Н. Н. Дьяковой «Открытые ладони», в котором фигура Лосева предстала в окружении его соратников по кафедре и факультету.

Уже не первый год на конференции звучит немало докладов, посвящённых различным аспектам творческой деятельности **Фёдора Ивановича Чудакова**. Этому в немалой степени способствует возвращение творчества выдающегося амурского писателя в литературный процесс региона, состоявшееся в 2017 году благодаря публикации книги Чудакова «Чаша страданья допита до дна!...». В 2019 году творчеству «амурского Саши Черного» были посвящены доклады литературоведа доктора филологических наук А. В. Урманова «Образы гласных городской думы предреволюционного Благовещенска в стихотворных фельетонах Фёдора Чудакова» и лингвиста кандидата филологических наук В. В. Пирко «Повтор как способ организации художественной речи Фёдора Чудакова». Кроме того, молодые исследователи также представили результаты своих изысканий. Аспирантка кафедры русского языка и литературы БГПУ Лю Ин подготовила доклад на тему «Монологическая речь персонажей фельетонов Ф. Чудакова как форма создания иронического эффекта», а её коллега, аспирантка Н. А. Лаптева, озвучила своё исследование под названием «Смешное и страшное в трёхчастном рассказе Ф. И. Чудакова “Смех”». С докладом «Метафора и сравнение – украшение поэтической речи Фёдора Чудакова» выступила третьекурсница историко-филологического факультета БГПУ М. И. Штейник. Самым юным чудаковедом на конференции стал учащийся 8 «Б» класса МБОУ «Школа № 2 г. Благовещенска» А. А. Янов, озвучивший результаты своего исследования «Приёмы реминисценции в стихотворениях Фёдора Чудакова».

Ещё один круг вопросов, обсуждаемых на конференции, был связан с литературным процессом Приамурья и наиболее значительными его представителями. О деятельности институций, поддерживающих и продвигающих творчество таких писателей, шла речь в докладе доктора филологических наук Н. В. Киреевой «Литературная премия им. Леонида Завальнюка: выработка механизмов поддержки и продвижения “Амурского текста” к читателю». Различные аспекты поэтики произведений амурских писателей XX – начала XXI века рассмотрели кандидат филологических наук Т. Е. Смыковская («Предметный образ как носитель памяти в повести **Валерия Черкесова** “Синее стёклышко”»), кандидат филологических наук И. С. Назарова («“Как быстротечно наше время...”»: по страницам неизданного сборника **Тамары Шульги**»), зав. отделом обслуживания Амурской областной научной библиотеки им. Н. Н. Муравьева-Амурского В. В. Соломенник («В лирическом мире **Светланы Борзуновой**: поэтическая подборка “Нелётная погода”»), магистрант историко-филологического факультета Е. А. Лысак («Образ дома в “Горьких шанежках” **Бориса Машука**»), студентка историко-филологического факультета О. Д. Саматова («Система персонажей в рассказе **Ярослава Турова** “Сердце красавицы”»), учащийся 10 класса МОАУ гимназия № 8 г. Райчихинска Е. С. Ельчин («Родная природа в лирике **Татьяны Гуровой**»). Новую грань таланта писателя Павла Никиткина представила учёный секретарь Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского И. В. Васина в докладе «Медальерное искусство **Павла Никиткина**».

Проблема, занимающая важное место в исследовании региональной литературы, это и проблема русско-китайских литературных контактов. Различные аспекты этих контактов были рассмотрены в докладах кандидата филологических наук Л. М. Шипановской «Особенности контактного языка в художественном тексте», аспирантов кафедры русского языка и литературы БГПУ Т. В. Самойленко («Жанр послания в лирике **Ли Яньлина**»), Цюй Фань («Образ Харбина в поэтическом цикле **Валерия Разгоняева** “Город с русской душой”») и Чжан Ливэй («Особенности перевода стихов поэтов Приамурья в сборнике “Везде цветёт июньская сирень”»).

Важное место на каждой конференции «Лосевские чтения» уделяется проблемам изучения творчества амурских авторов в школе. В 2019 году вниманию собравшихся были представлены интересные доклады, подготовленные учителями высшей категории Ю. Г. Черныш («Использование краеведческих материалов на метапредметном уроке»), Г. В. Бичахчян («Баллады и легенды амурских авторов на уроках литературы»), О. Н. Онищенко («Лэпбук как инновационный подход при изучении литературного краеведения в условиях ФГОС») и учительницей А. А. Буяновой («Использование краеведческого материала на уроках чтения в начальной школе»).

В ряде выступлений были озвучены результаты разысканий о жителях Приамурья (доклад члена Союза журналистов России В. П. Кобзарь «Один из первых исследователей японской литературы в России **Георгий Георгиевич Ксимилов**»), особенности топонимов региона (доклад кандидата филологических наук О. В. Ладисовой «О географических названиях Селемджинского района Амурской области: лингвистический аспект»), информация о вкладе писателей Приамурья в формирование национальной картины мира (доклад аспирантки кафедры русского языка Башкирского государственного университета Е. В. Булиной «Лингвокультурологический континуум слова “мороз” в русской языковой картине мира (на примере текстов писателей Приамурья)»), специфика албазинского говора (доклад учащейся 8 «Б» класса МБОУ «Школа № 2 г. Благовещенска» А. К. Михалковой «Женский костюм в “Албазинском словаре” О. Ю. Галуза»).

Конференция «Лосевские чтения – 2019» помогла не только по-новому взглянуть на творчество уже известных писателей, но и открыла новые имена, а также путь для молодых исследователей, делающих первые шаги в изучении регионального материала. С этими изысканиями смогут познакомиться все интересующиеся литературой и культурой Приамурья читатели, обратившись к научному сборнику «Лосевские чтения – 2019».